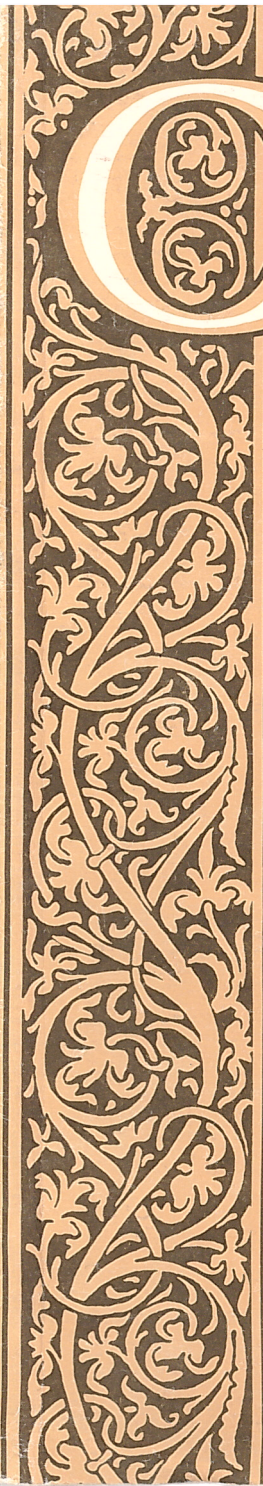

ISSN 0202-2397

СКАНДИНАВСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ

(SCANDINAVICA)

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СКАНДИНАВСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

SCANDINAVICA

Издается с 1961 года

VI

Межвузовский сборник

к 70-летию проф. В.П. Беркова

Под редакцией Б.С. Жарова

Издательство С.-Петербургского университета

1999

УДК 803.9
ББК 94:80(41)
С42

Рецензент: д-р филол. наук, проф. *Ю.К. Архипов* (Рос. гос. пед. ун-т
им. А.И. Герцена)

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Скандинавская филология = Scandinavica. Вып. 6: Межвуз. сб. /
С42 Под ред. Б.С. Жарова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 196 с.

В статьях сборника (вып. 5 вышел в 1991 г.) рассматривается ряд проблем звукового строя, грамматики, лексикологии, истории скандинавских языков, вопросы поэтики древнескандинавской литературы. В него также включены статьи, посвященные вопросам истории скандинавской литературы.

Посвящается 70-летию профессора Валерия Павловича Беркова. Приводится библиография его работ, опубликованных в период 1988–1999 гг.

Для специалистов в области скандинавской филологии.

Без объявл.

ББК 94:80(41)

© Издательство
С.-Петербургского
университета, 1999

ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ БЕРКОВ

Валерий Павлович Берков – доктор филологических наук, профессор, действительный член Академии Наук Норвегии, член Фризской Академии (Нидерланды), принадлежит к числу наиболее известных в нашей стране и за рубежом специалистов в области скандинавской филологии и общего языкознания. Более 50 лет его жизни связано с Ленинградским-Петербургским университетом.

Валерий Павлович Берков родился 11 августа 1929 г. в Ленинграде. Интерес к филологии и прежде всего к языкам ему привил его отец, Павел Наумович Берков (1896–1969), доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии Наук СССР.

С детства Валерий Павлович Берков начал всерьез заниматься языками; еще будучи с родителями в эвакуации в Киргизии (гг. Фрунзе, Пржевальск) в 1941–1944 гг., он изучал немецкий, английский, испанский и киргизский языки. Вернувшись в Ленинград, Валерий Павлович окончил школу с золотой медалью и поступил на норвежское отделение университета, где с первого же студенческого дня учился у профессора Михаила Ивановича Стеблин-Каменского (1903–1981), выдающегося филолога, патриарха отечественной скандинавистики.

Валерий Павлович изучал в университете не только норвежский язык, вторую специальность – немецкий язык – он на протяжении двух курсов проходил вместе со студентами немецкого отделения; проявил особый интерес к древним языкам: готскому и древнеисландскому. По совету М.И. Стеблин-Каменского он стал заниматься дополнительно современным исландским и написал дипломную работу «Видовые обороты в современном исландском языке», ставшую первым отечественным научным исследованием, посвященным этому языку.

Поступив в аспирантуру и закончив ее очень быстро, Валерий Павлович уже через 2 года защитил кандидатскую диссертацию на тему «Залоговое значение возвратных форм в древнеисландском и современном норвежском языках». Научным руководителем был М.И. Стеблин-Каменский. Преподавать норвежский язык Валерий Павлович начал сразу после окончания университета, в 1957 г. он был принят в штат ассистентом. С тех пор Валерий Павлович успешно работает в университете, занимая должности доцента (1959–1974), профессора (с 1974 г.), заведующего кафедрой скандинавской филологии (1978–1997).

В течение более 30 лет Валерий Павлович преподавал практический норвежский язык на всех курсах во всех его аспектах, читал общие теоретические курсы, такие как введение в скандинавскую филологию, теоретическая грамматика норвежского языка, история норвежского языка, норвежская лексикология, древнескандинавская литература, а также введение в общее языкознание (для студентов-востоковедов), спецкурсы: двуязычная лексикография, «малые» германские языки, география Норвегии (последний читался на норвежском языке), – руководил курсовыми и дипломными работами.

В 1972 г. Валерий Павлович организовал нидерландское (голландское) отделение, на котором в течение ряда лет читал теоретические курсы по лексикологии, истории и грамматике нидерландского языка, вел семинар по средненидерландскому. С 1978 по 1997 г. Валерий Павлович возглавлял кафедру скандинавской филологии, став преемником своего учителя М.И. Стеблин-Каменского, создавшего первую в России кафедру такого рода в 1958 г.

С 1994 г. Валерий Павлович работает по совместительству в Ослоском университете (Норвегия) профессором на кафедре скандинавистики, а также курирует преподавание скандинавских языков в университетах Северо-Запада России.

Валерий Павлович Берков – крупнейший теоретик и практик лексикографической науки. В 1962 г. вышел его «Исландско-русский словарь». Заинтересовавшись теоретическими проблемами словарного дела, В.П. Берков написал большое количество работ, послуживших основой докторской диссертации «Вопросы двуязычной лексикографии», защищенной в 1971 г. Широко известны его монографии «Вопросы двуязычной лексикографии (Словник)» (Л., 1973) и «Слово в двуязычном словаре» (Таллин, 1977). Первым в истории отечественной и, как теперь очевидно, мировой науки является учебник «Двуязычная лексикография» (СПб., 1996).

Были опубликованы также «Русско-норвежский словарь крылатых слов», в соавторстве «Русско-английский словарь крылатых слов», выдержавший 2 издания, и «Русские фразеологизмы в картинках в переводе на датский, норвежский, шведский языки».

В течение многих лет В.П. Берков работал над огромным и во многих отношениях новаторским «Русско-норвежским словарем», который был опубликован в 1987 г. в Москве, а в 1994 г. был переиздан в расширенном объеме в Норвегии. Словарь привлек внимание научной общественности в России и за рубежом.

В.П. Берков – германист широкого профиля. Он – автор книги «Современные германские языки» (СПб., 1996), где впервые в отечественной литературе дано сравнительное описание всех одиннадцати современных германских языков, а также один из авторов вузовского учебника «Введение в германскую филологию» (М., 1980, 2-е изд. 1998).

Плодотворную научную деятельность В.П. Берков сочетает с преподавательской работой на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Одним из важных аспектов научной деятельности Валерия Павловича является руководство молодыми учеными, которые пишут кандидатские диссертации по различным вопросам многих языков, причем не только германских (норвежский, шведский, нидерландский, английский, болгарский). Поражает разнообразие направлений исследований и тем диссертантов (лексика, лексикография, грамматика, речевые отклонения), что лишний раз свидетельствует о широких лингвистических интересах и глубоких знаниях их руководителя. Среди бывших аспирантов уже есть доктора наук.

В своих интересах Валерий Павлович Берков не ограничивается вопросами языка. У него есть ряд работ, посвященных норвежской и исландской литературе разных периодов; он является одним из лучших специалистов по древнеисландской литературе; был составителем двух антологий норвежской литературы; много времени он уделяет и переводческой деятельности, является членом Союза писателей. Им переведены на русский язык произведения многих норвежских и исландских писателей, древнеисландская «Сага о Ньяле».

Значительное внимание Валерий Павлович уделяет организационной деятельности. Он редактирует научные труды по скандинавистике. Был членом оргкомитета многих научных конференций отечественных скандинавистов и руководителем секции языкознания. На многочисленных научных конгрессах и конференциях в России и за рубежом Валерий Павлович Берков выступал с докладами и сообщениями, которые

всегда вызывали живой интерес аудитории. С научными докладами и лекциями он выступал в ФРГ, Дании, Исландии, Нидерландах, Канаде, Швеции, на Фарерских островах и во многих вузах Норвегии.

В 1988 г. Валерий Павлович Берков был избран членом Академии Наук Норвегии. На торжественной церемонии в Осло в присутствии короля Норвегии Улава V ему был вручен диплом члена Академии; с тех пор он участвует в общих заседаниях Академии, выступил с докладом. В 1997 г. ему была присуждена почетная норвежская Академическая премия за работы по норвегистике и переводы. С 1994 г. он является также членом Фризской Академии (Нидерланды).

В 1999 г. Валерий Павлович Берков был награжден высшим норвежским орденом «За заслуги» I класса и имел аудиенцию у короля Норвегии Харальда V. В связи с 275-летием основания Санкт-Петербургского университета он также награжден российским «Орденом Дружбы». Эти награды свидетельствуют о высокой оценке заслуг выдающегося лингвиста.

Коллеги и ученики Валерия Павловича поздравляют его с 70-летием и желают ему крепкого здоровья и больших успехов.

Б.С. Жаров

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ В.П. БЕРКОВА 1988–1999*

BIBLIOGRAFI OVER V.P. BERKOV'S ARBEIDER 1988–1999

1. Eine soziologische Typologie der modernen germanischen Sprachen // Linguistische Studien. Reihe A, 187 (Ak. d. Wiss. der DDR. Zentralinst. für Sprachwiss.). Berlin, 1988. S. 122–131.

2. К типологии чередований в современных германских языках // Парадигматические и синтагматические исследования германских языков: Тез. докл. республ. науч. конф. Вильнюс. 11–13 мая 1989 г. Вильнюс, 1989. С. 118–119.

3. Современный большой двуязычный словарь: (Основные характеристики) // Там же. С. 119–120.

4. Die Reflexiva in den skandinavischen Sprachen // Altnordistik – Vielfalt und Einheit. Erinnerungsband für Walter Baetke. Weimar, 1989. S. 143–160.

5. Erfahrungen bei der Arbeit am «Russisch-Norwegischen Wörterbuch» // Wiss. Beiträge zur Nordeuropa-Forschung. Greifswald, 1989. S. 290–294.

6. Ненормативные единицы и двуязычный словарь // Лексика. Лексикография. Научно-технический перевод: Тез. докл. и сообщ. научного совещания. Орел, 1990. С. 11–12.

7. «Bevingede ord» og sitater i norsk // Maal og Minne. 1990. Hefte 1–2. S. 10–22.

8. Er norsk unorsk? // Eg. Meldingsblad for NMU. 1990. № 1. S. 38–40.

* Данная библиография является продолжением опубликованной в кн.: *Библиографический указатель по германскому и общему языкознанию*. Профессор Валерий Павлович Берков. Самарканд, 1989. 23 с. (Составители: А.М. Бушуй, Б.С. Жаров, А.В. Савицкая.)

9. Gåten Furubotn // Klassekampen. 1990. 27–28. juni.
10. Perestrojkaen i Sovjet og norskundervisningen // Bergens Tidende. 1990. 23. oktober.
11. A Modern Bilingual Dictionary – Results and Prospects // ‘Budalex 88 Proceedings’. Budapest, 1988. P. 97-106.
12. С.В. Петров [некролог] // Скандинавский сборник. XXXIII. Таллин, 1990. С. 224–225.
13. На макушке Европы // Север. 1991. № 3. С. 130–141.
14. Mitt møte med norsk litteratur // The Norseman. 1991. № 3. P. 46–47.
15. «Vulgært» i tospråklige ordbøker // Sammen drag av innleggene på Konferanse om leksikografi i Norden. 28–31. mai 1991. Oslo, 1991. S. 31.
16. Современные скандинавские языки и пуризм // Скандинавская филология (Scandinavica). Вып. 5. Л., 1991. С. 17–25.
17. «Vulgært» i tospråklige ordøker // Nordiske studier i leksikografi: Rapport fra Konferanse om leksikografi i Norden 28–31. mai 1991. Oslo, 1992. S. 432–435.
18. De nordiske språkene og purismen // Maal og Minne. 1992. Hefte 1–2. S. 27–36.
19. Hvorhen Rusland? // Jyllands-posten. 31. august 1992. S. 9.
20. Old Norse Literature in Russia // Norwegian Literature. The Norseman: Special Issue. 1992. № 4. P. 23–25.
21. Hugarfarið helzt óbreytt // Morgunblaðið. 15. október 1992. Bls. 24–25.
22. Quo vadis, Rússland? // Morgunblaðið. 24. október 1992. Bls. 26–27.
23. Norrøn litteratur i Russland // The International Saga Society Newsletters. 1992. № 6. P. 12–15.
24. Homo sovieticus: Sovjetmänniskan finns kvar i Ryssland // Göteborgs-posten. 29. november 1992. S. 4.
25. Men sovjetmennesket vil leve lenge // Aftenposten. 11. desember 1992. S. 15.
26. Nationale Kultur und Wörterbücher // Lilja Popowa (Hrsg.). Sowjetische Skandinavistik: Eine Anthologie (Texte und Untersuchungen zur Germanistik und Skandinavistik. Bd. 30). Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1992. S. 177–200.
27. Orðabókarraunir // Morgunblaðið. 24. april 1993. Bls. 2 (Lesbók).
28. Новый большой «Норвежско-русский словарь»: (Проблемы и возможные решения) // XII конференция по изучению истории, экономи-

ки, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М., 1993. С. 212–213.

29. En tospråklig ordboks begrensninger // Konference om Leksikografi i Norden. Maj 1993. Abstracts. S. L, s.a. S. 2.

30. [Редакция перевода:] Бьерке, Алф Р. Норвегия. Гонконг, 1993. 128 с.

31. К русскому читателю // Там же. С. 3–4.

32. Projekt eines altisländischen Kulturlexikons // Hans Schottmann (Hrsg.). Arbeiten zur Skandinavistik. II. Arbeitstagung der deutschsprachigen Skandinavistik 8.–14. August 1993 in Sigtuna. Münster, 1994. S. 85–92.

33. Норвежская лексикология. СПб., 1994. 185 с.

34. Russisk-norsk ordbok. [2. utg.] Oslo, 1994. 1221 s.

35. Спасение исчезающих языков России // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 1995. Сер. 2. Вып. 2 (№ 9). С. 37–41.

36. [Рец:] Nordiske studier i Leksikografi II. Rapport fra Konference om Leksikografi i Norden 11–14. maj 1993. // Lexico. Nordica. № 2. 1995. S. 161–171.

37. Verndun deyjandi tungumála í Rússlandi // Lesbók Morgunblaðsins. 3. febrúar 1996. Bls. 9.

38. Tospråklige ordbøker må samordnes // Apollon. 1996. № 1. S. 40–42 (совместно с Х. Харальдссоном и У. М. Сельбергом).

39. Современные германские языки. СПб., 1996. 296 с.

40. Двухязычная лексикография. СПб., 1996. 248 с.

41. Passive and Active Dictionary: A revision // Euralex' 96. Proceedings I–II. Part II. P. 547–550.

42. Quo vadis, Russland? // Det Norske Videnskaps-Akademi. Årbok 1995. Oslo, 1996. S. 35–47.

43. How to save the disappearing languages in Russia? // Archives of the languages of Russia. Saint-Petersburg; Gronningen, 1996. P. 39–44.

44. [Ред.:] Helgi Haraldsson. Rússnesk-íslensk orðabók. Reykjavík, 1996. 946 bls.

45. Фонетика исландского языка // Ibid. Bls. 861–871.

46. Frá ritstjóra. От редактора словаря // Ibid. Bls. VII–VIII.

47. Семантика сравнения и типы ее выражения // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб., 1996. С. 107–129.

48. Norsk ordlære. Oslo, 1997. 224 s.

49. О словаре «Ключ к русской морфологии» // Проблемы лексикографии: Сб. статей. СПб., 1997. С. 48–54.

50. Språknorm og normering i store og små språk (med russisk og norsk som eksempler) // Normer og regler. Festskrift til Dag Gundersen 15. januar 1998. Oslo, 1998. S. 291–303.

51. Tvímála orðabækur í veröld nútímans // Orð og tunga. № 4. Reykjavík, 1998. Bls. 61–66.

52. Большой русско-норвежский словарь. М., 1998. 934 с. (Перепечатка 1-го издания).

53. В какой мере системен язык? // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. СПб., 1998. С. 41–50.

54. Hvordan skrive et opp tu deit norsk // Filologen. 1998. № 4. S. 19.

55. Введение в германскую филологию. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1998. 319 с. (В соавторстве с М.А. Арсеньевой, С.П. Балашовой и Л.Н. Соловьевой).

56. Aktiv russisk grammatikk. Oslo, 1999. 134 s.

57. De tospråklige ordbøkens begrensninger // Nordiska studier i lexicografi. № 4. Rapport från Konferensen om lexicografi i Norden. Esbo 21–24 maj 1997. Helsingfors, 1999. S. 11–15.

Э.Р. КНУДСЕН-ПОЛОНСКАЯ

Эльвира Рангвальдовна Кнудсен-Полонская (1891–1956) на протяжении 12 лет была основным преподавателем-практиком норвежского языка на филологическом факультете Ленинградского университета. Она начала работу 1 сентября 1945 года – в день, когда было открыто норвежское отделение, и трудилась на нем до самой своей смерти. Пригласил ее на работу основатель советской скандинавистики М.И. Стеблин-Каменский. Есть все основания полагать, что добиться в сталинское время зачисления норвежки в штат ЛГУ стоило ему немалых усилий.

Э.Р. Кнудсен-Полонская не получила высшего образования, не была профессиональным педагогом. Однако отсутствие диплома компенсировалось ее исключительно ответственным отношением к своей работе, желанием передать знание родного языка студентам, неизменно доброжелательным отношением к ним. Она прекрасно чувствовала язык и превосходно знала родную литературу. Все, кто занимался у нее, сохранили о ней самые теплые воспоминания.

Студентам было известно о ней совсем немного: Эльвира Рангвальдовна была на редкость скромным человеком и не любила распространяться о себе. С ее слов они знали только, что в свое время она вышла замуж за русского геолога и переехала из родной Кристиании в Россию. Впоследствии они с мужем разошлись, и она жила с дочерью Ириной в огромной коммунальной квартире на проспекте Маклина. Разумеется, ей жилось нелегко. Студенты чувствовали по робости ее поведения, что ей пришлось немало пережить, что правила советской жизни были ей, видимо, не до конца ясны и она, иностранка – несмотря на советское гражданство, – боялась их в чем-нибудь нарушить.

Спустя более четверти века после ее смерти меня отыскала в Осло ее племянница Ингер-Берит Кнудсен (кстати, поразительно похожая на нее). Мы встречались с ней несколько раз, и она рассказала мне удивительную историю своей тети.

Рангна Мариэ Эльвира Александра Барклай Кнудсен родилась 13 сентября 1891 г. в Кристиании в семье Рангвалла (так правильно!) Кнудсена, весьма богатого коммерсанта и капитана дальнего плавания. Получила образование в частной женской школе Ниссена.

Во время 1-й мировой войны несколько раненых русских офицеров оказались в норвежском госпитале Красного креста. Ракель Кнудсен, старшая сестра Эльвиры Рангвальдовны, была сестрой милосердия и однажды взяла ее с собой в госпиталь, где познакомила ее с капитаном Николаем Владимировичем Полонским. Молодые люди с первого взгляда влюбились друг в друга.

Рангвалл Кнудсен отнесся к этому роману резко отрицательно, но Эльвира Рангвальдовна бежала с Полонским в Россию, где они и обвенчались.

Вскоре разразилась революция, и молодая чета, обвиненная в контрреволюционной деятельности (!), оказалась через несколько лет за решеткой. К счастью, Р. Кнудсен был лично знаком с Фригьофом Нансеном, пользовавшимся авторитетом у большевистского руководства. Нансен, по просьбе Р. Кнудсена, специально ездил в Москву, где ему удалось добиться освобождения Полонских.

Супруги поселились в Петрограде. Н.В. Полонский закончил Горный институт и стал геологом. Перед Великой Отечественной войной Эльвира Рангвальдовна работала в норвежском консульстве в Ленинграде. Брак этот после войны распался, и Эльвира Рангвальдовна жила одна с дочерью. Жилось им трудно.

Последний раз она побывала в Норвегии в 1930 г. О своей семейной жизни она ничего родственникам не рассказывала.

* *

*

Э.Р. Кнудсен-Полонская была из тех немногих скандинавов, которые вели языковую практику на скандинавском отделении, впоследствии преобразованном в кафедру скандинавской филологии. К их числу принадлежали также Анна Юхановна Костина, Андрей Густавович Густавсон, Эстер Самойловна Вейф. Как и Эльвира Рангвальдовна, они не были профессиональными педагогами. Но, как и она, они были на редкость

добросовестными, ответственными и порядочными людьми, любившими студентов и делавшими все, что было в их силах, для обучения молодых специалистов. Их уже давно нет на свете, но их имена хранятся в благодарной памяти их учеников. В том, что у кафедры такой высокий рейтинг, и их бесспорная заслуга.

В.П. Берков

1999

КАФЕДРА МАШИНОСТРОЕНИЯ И МЕХАНИКИ

Кафедра машиностроения и механики является одной из старейших кафедр в структуре факультета. Она была создана в 1930 году и с тех пор занимается преподаванием и научными исследованиями в области машиностроения и механики.

В настоящее время кафедра имеет в своем составе 10 преподавателей, из которых 5 имеют высшее образование и 5 являются кандидатами технических наук. Кафедра имеет в своем распоряжении 10 учебных кабинетов, оборудованных учебными пособиями, справочниками, учебниками и другими учебными материалами.

Кафедра имеет в своем распоряжении 10 учебных кабинетов, оборудованных учебными пособиями, справочниками, учебниками и другими учебными материалами. Кафедра имеет в своем распоряжении 10 учебных кабинетов, оборудованных учебными пособиями, справочниками, учебниками и другими учебными материалами.

Кафедра имеет в своем распоряжении 10 учебных кабинетов, оборудованных учебными пособиями, справочниками, учебниками и другими учебными материалами. Кафедра имеет в своем распоряжении 10 учебных кабинетов, оборудованных учебными пособиями, справочниками, учебниками и другими учебными материалами.

Кафедра имеет в своем распоряжении 10 учебных кабинетов, оборудованных учебными пособиями, справочниками, учебниками и другими учебными материалами.

1999

В.П. Берков

НОВОЕ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

Общая тема «новое в норвежском языке» охватывает ряд частных вопросов: изменения в социолингвистической ситуации, изменения в узусе, изменения в звуковом строе языка, изменения в грамматике и изменения в лексике. Они будут рассмотрены порознь.

1. ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

1.1. Социолингвистическая ситуация каждого языка, в общем, уникальна. Языковая ситуация в Норвегии особо специфична. Чтобы понять ее, необходим хотя бы краткий экскурс в историю; он, естественно, будет несколько упрощенным и схематизированным.

В XIV в. Норвегия подпадает под власть Дании и норвежский язык постепенно вытесняется датским из всех официальных сфер. Такое положение сохраняется до начала нынешнего столетия.

При этом важны три момента.

1.1.1. Датский язык, хотя и близок к норвежскому, отличается от него в ряде отношений. Особенно велики различия между этими языками в области фонетики. Показательно, что современный норвежец, не имеющий достаточно большого опыта общения с датчанами, понимает датскую устную речь плохо, а иногда и вовсе не понимает. Чтение же датских текстов практически не представляет для норвежца никаких трудностей.

1.1.2. Датский язык был в Норвегии языком официальным. Широкие массы (прежде всего крестьянство, составлявшее в прошлом веке до

90% населения) говорили на диалектах, развившихся из древненорвежских.

1.1.3. Этот датский язык в Норвегии, особенно в устном варианте – даже лиц образованных, характеризовался рядом черт, существенно отличавшим его от норм литературного датского. Наиболее значительные отличия были в фонетике, но они имелись также в грамматике (в морфологии и синтаксисе) и, естественно, в лексике. Даже в произведениях Людвига Хольберга (1684–1754), норвежца по происхождению, ставшего впоследствии классиком датской (как, впрочем, и норвежской) литературы, профессором и ректором Копенгагенского университета, насчитывается множество так называемых норвегизмов (специфически норвежских черт), особенно в ранних произведениях; по свидетельству современников, он до конца жизни так и не освоил датской фонетики. Язык, которым пользовались в своих произведениях Ибсен, Хьелланн, Ли и другие виднейшие писатели XIX в., называли датско-норвежским (dansk-norsk).

Между тем политической основы датского языка в Норвегии не стало, когда Норвегия в 1814 г. из датской провинции превратилась в самостоятельное государство, правда находившееся в унии со Швецией. Естественно, встал вопрос о собственном национальном языке. Теоретически были возможны два пути: 1) «норвегизация» используемого варианта датского языка; 2) создание принципиально нового варианта языка на основе норвежских диалектов.

Опуская подробности, отметим, что были использованы оба пути, что и привело к языковой ситуации, не имеющей параллели в мире.

В результате действий сторонников первого пути – но лишь в XX в. – при помощи орфографических реформ был создан основной вариант норвежского языка – риксмол (riksmål); с 1929 г. официальное название его – букмол (bokmål).

В середине XIX в. талантливый филолог-самоучка Ивар Осен (Ivar Aasen, 1813–1896) синтезировал на основе различных диалектов вариант норвежского языка, названный им ланнсмолем (landsmål); при этом Осен отдавал предпочтение архаичным формам. В силу ряда социальных и политических причин ланнсмол получил к концу века относительно широкое распространение. С 1929 г. официальное название этого варианта норвежского языка – «новонорвежский» (nynorsk).¹

Как упомянуто выше, было проведено несколько орфографических реформ, в результате которых риксмол/букмол стал более или менее адекватно отражать норвежское произношение, ср. дат. gribe ‘хватать’, gade

‘улица’, bog ‘книга’, tak ‘спасибо’, ø ‘остров’, sten ‘камень’ и совр. норв. gripe, gate, bok, takk, øy, stein. Однако реформаторы этим не ограничились. Был введен ряд форм – сначала в качестве факультативных, т.е. параллельных к «традиционным», затем превращенных реформой 1938 г. в обязательные. Последнее требует комментария.

Одной из основных таких форм, которые были легализованы реформой 1917 г., был особый показатель женского рода – суффиксированный артикль -a, например, dør ‘дверь’ – døra, bok ‘книга’ – boka. В датском языке только два грамматических рода – общий (в который слились бывшие мужской и женский) и средний; то же было характерно для датско-норвежского. Специфическая форма женского рода была – и в значительной мере остается – формой разговорной и у ряда лексем даже просторечной. Чтобы русскому читателю было более понятно, о чем идет речь, приведем аналогию (хотя, как известно, все сравнения приближительны). Реакция образованных слоев норвежского населения на формы женского рода была примерно такой, как мы бы реагировали на официальную и потому обязательную замену форм *его, ее, их* в функции притяжательного местоимения на «народные», «демократические», «исконно русские» и т.п. формы *евонный, ейный, ихний*, а формы *класть, начать* на *лôжить, нáчать*, при этом были бы допущены как факультативные формы *таперича, туцай, мага́зин, сосиськи, у ей, с им, к мамы, у маме* и т.п. Реформой 1938 г. был дан список на 900 с лишним слов, которые обязательно следовало употреблять с артиклем женского рода, и еще более сотни слов, где он был факультативен (т.е. допускался артикль мужского, – по существу, общего – рода). Многим школьникам (да и учителям) пришлось зубрить наизусть эти списки, поскольку ни сами они, ни в их семье так не говорили. Реформа затронула и ряд других грамматических показателей, и фонемный состав многих слов. Нереалистичная языковая реформа, не отражавшая речевой практики образованных, наиболее авторитетных слоев населения, вызвала резкую ответную реакцию, выразившуюся прежде всего в том, что эти правила сразу же стали игнорироваться большинством пишущих. В частности, ни одна газета той поры не соблюдала ее в полной мере. Так произошло, на наш взгляд, самое роковое в норвежской языковой политике – утрата народом уважения к официальной языковой норме. Укоренилось мнение, что норму эту можно игнорировать.

Реформаторы 1938 г. преследовали в принципе благую цель: сблизить букмол с «новонорвежским» для того, чтобы постепенно оба эти варианта слились в единый «общенорвежский». Однако, как показал по-

учительный опыт Норвегии, такие волевые языковые реформы, «языковое планирование», какими бы благородными ни были мотивы реформаторов, терпят неудачу. Еще один факт. В 1951 г. был официально введен так называемый новый способ счета, при котором десятки предшествуют единицам (как в русском или английском) вместо старого, при котором порядок обратный (как в немецком). Прошло без малого полвека. Примерно половина норвежцев пользуется новым способом счета, а половина – старым, например одни обозначают число 83 как åttitre, другие – как treogåtti (og ‘и’). Нет нужды говорить о том, как это неудобно.²

Реформаторы хотели сделать языковую норму «демократией для всех». Но норма – это всегда известное принуждение, она по определению не может быть полностью демократичной. Не учитывали они и того важного момента, что человек не хочет, да и не может резко менять свою языковую практику.

Более успешным было реформирование «новонорвежского». Архаичный осеновский вариант был сильно модернизирован, в значительной степени переориентирован на восточно-норвежские диалекты.

В 1981 г. были приняты «Изменения в орфографии и норме школьных учебников». Они означали, по сути дела, капитуляцию реформаторов букмола. Почти все «радикальные» и «традиционные» формы – это касается прежде всего грамматических показателей, но во многих случаях и фонемного состава слова – уравниены теперь в правах. Например, лексема со значением ‘рука (запястье)’ (ср. англ. hand, нем. Hand и др.) имеет теперь два варианта: h nd и hand, – каждый из которых можно употреблять как с артиклем мужского, так и с артиклем женского рода, т.е. официально допустимы 4 (!) формы – h nden, h nda, handa и handen (последняя, правда, не должна использоваться в учебниках); ср. «традиционный» букмол – только h nden, «традиционный» «новонорвежский» – только handa.

1.2. Нынешняя языковая ситуация в Норвегии характеризуется следующими чертами.

1.2.1. Неравномерное соотношение букмола и «новонорвежского». Букмолем пользуются более 83% норвежцев, «новонорвежским», следовательно, менее 17%. Последний всего больше представлен на западе страны. Более 90% печатной продукции выходит на букмоле. В школе обучение ведется на одном из вариантов – по желанию большинства родителей учеников данного класса, а это, как понятно, предполагает, что каждый школьный учитель может преподавать как на букмоле, так и на «новонорвежском». Другой вариант также преподается в обязательном

порядке, но ученики, обучающиеся на букмоле, овладевают «новонорвежским», как правило, лишь пассивно. На радио и телевидении 25% времени вещание должно быть на «новонорвежском». Все законы, официальные распоряжения и т.п. издаются в двух вариантах. По действующим правилам лицу, обращающемуся в официальные инстанции, положено отвечать на том варианте, которым это лицо пользуется.

Норма как букмола, так и «новонорвежского» сейчас настолько многовариантна, что, в сущности, может считаться нормой с очень большой натяжкой. Характерно, что в последнем издании орфографического словаря букмола,³ в котором зафиксирована официальная норма, не содержится никаких рекомендаций, а различные показатели (суффицированный артикль, т.е. указание на род существительного, суффиксы претерита и причастия II и т.п.) приведены при лемме в алфавитном порядке, например *bøtte* 'ведро' ..a e1. ('или')-n, *dronning* 'королева' -a e1. -en. Между тем около 80% жителей Осло употребляет разговорное слово *bøtte* с артиклем -a (*bøtta*), а 95% – слово *dronning* с артиклем -en (*dronningen*). Слабые глаголы I класса снабжены в этом словаре показателями -a/-et, -a/-et (суффиксы претерита и причастия II), хотя с книжными глаголами -a/a- использует едва ли 5% жителей Осло. Нынешняя установка нормализаторов, стремящихся к «языковому миру», – ничего не навязывать, разрешать (почти) все мыслимые формы.

1.2.2. Все большая роль диалектов. Их использование на радио и телевидении приобретает все более широкие масштабы и, в сущности, поощряется. Это имеет, естественно, и положительные, и отрицательные стороны. Позитивное состоит, в частности, в том, что благодаря этому норвежец с детства знакомится с разными диалектами (а диалектные различия в Норвегии весьма значительны), учится их понимать. Негативным является еще больший разнобой в речи, расшатывание и без того крайне нечеткой нормы.

2. ИЗМЕНЕНИЯ В УЗУСЕ

2.1. Все названные выше факты привели к несомненной демократизации букмола – если под демократизацией языка понимать использование в официальных ситуациях общения форм, еще сравнительно недавно считавшихся нелитературными, разговорными, просторечными и даже вульгарными. Процесс языковой демократизации затронул, например, даже такую традиционную цитадель консервативного риксмолла,⁴ как газета «Aftenposten».

Впрочем, как отмечают наиболее здравомыслящие норвежские лингвисты, неясно, является ли эта демократизация букмола следствием долгих усилий нормализаторов, либо же она вызвана общей демократизацией норвежского общества. Скорее всего, верна последняя точка зрения.

Демократизация языка проявляется в нескольких чертах современного языкового зууса.

Прежде всего это постепенное превращение разговорных фонетических и грамматических форм в нейтральные и потому употребительные в официальной речи. Об этом будет сказано ниже в соответствующих разделах.

Далее, она проявляется в нескольких процессах, особенно в двух, на первый взгляд взаимоисключающих, характеризующих проф. Э. Люндебу в его интересной работе,⁵ интимизацией и брутализацией речи; ниже будут широко использованы результаты этой статьи.

2.2. И н т и м и з а ц и я (термин был в свое время предложен шведским лингвистом У. Телеманом) находит свое выражение в ряде черт современной норвежской речи.

2.2.1. Почти полное вытеснение «вежливого» местоимения De [di:] 'вы' (в обращении к одному лицу) местоимением du [du:] 'ты'. «На ты» теперь обращаются друг к другу незнакомые люди на улице, продавец и покупатель, врач и пациент, студент и профессор, директор и рабочий и т.д. Даже старшее поколение в целом перешло на эту форму обращения.

Характерно, что «вежливое» местоимение De уже давно не используется в обращении к нескольким лицам, его полностью вытеснило местоимение dere. Таким образом, во множественном числе давно нет различия «вежливого» и «невежливого» обращения (как, кстати, нет его и в русском).

2.2.2. Широкое использование личных имен в обращении, особенно среди коллег. Это сравнительно недавнее явление: еще лет десять назад наиболее распространенным, нейтральным было обращение по фамилии, например du Olsen 'ты, Ульсен', du Berg 'ты, Берг'.

2.2.3. Более интимными, точнее – менее официальными, стали в основном формы приветствия. Традиционные god dag 'добрый день', god kveld 'добрый вечер', på gjensyn 'до свидания' и аналогичные употребляются молодым поколением все реже и все больше вытесняются фамильярными hei 'привет; пока' (из шведского), ha det – досл. 'имей это' (< ha det bra – досл. 'имей это хорошо', т.е. 'всего хорошего') ≈ 'будь; всего'.

Произносимое при прощании *ha det* все чаще заменяет даже довольно фамильярное *topp* 'а 'пока'.⁶

2.2.4. Значительно сузился репертуар «формул вежливости». Так, для смягчения побуждения сейчас используются фактически только несколько вариантов значения 'пожалуйста': *vær så snill, ...er du snill, ...takk* – досл. 'спасибо'. Впрочем, это явление интернациональное, ср. вышедшие или выходящие из употребления русские формулы типа *не откажите в любезности..., сообразовайте..., позвольте попросить вас..., не считите за труд...* и аналогичные, используемые, правда, порой шутливо, как и их норвежские аналоги.

2.2.5. Практически не употребляются в обращении к одному лицу слова типа *ægede* 'уважаемый'. Слово *høystærede* 'глубокоуважаемый' вообще используется только иронически или шутливо. В заключении письма формулы типа *с уважением, с глубоким уважением* полностью заменены формулами (*med*) (*vennlig*) *hilsen* 'с (дружеским) приветом'.

2.2.6. Все больше выходят из употребления традиционно использовавшиеся перед фамилиями слова *herr* 'господин', *fru* 'госпожа', *frøken* 'барышня, мадемуазель' (обращение к незамужней). Кстати, слово *frøken* приобрело специфическое значение – 'учительница младших классов' (независимо от того, замужем она или нет), ставшее теперь наиболее частотным.

2.3. Широкое распространение получило использование э в ф е м и з м о в. Оно особенно характерно в двух сферах.

Во-первых, эвфемистические замены используются при обозначении мало престижных профессий или должностей, ср. (слева от стрелки приводится старое название): *skurekone* 'поломойка', *vaskekone* 'уборщица' → *rengjøringsassistent* – досл. 'ассистент по уборке', *søppelkjører* 'мусорщик' → *renovasjonsarbeider* – досл. 'рабочий по очистке' и т.п.⁷

Во-вторых, эвфемизмы употребляются вместо слишком прямых и потому «обидных», «ранящих» наименований, ср. *gamlehjem* – досл. 'дом для старых', т.е. 'дом для престарелых' → *aldersheim* – досл. 'возрастной дом', т.е. 'дом для лиц, достигших определенного возраста' (*heim* – более новая форма для *hjem*), *eldresenter* 'центр для пожилых' и т.п.⁸ О человеке с отклонениями в психике говорят, что у него *nerveproblemer* 'проблемы с нервами'. Некоторые из подобных эвфемизмов как бы снимают с обозначаемого ими лица ответственность за его предосудительное поведение или состояние и представляют его жертвой некой внешней силы. Так, слово *alkoholiker* 'алкоголик', которое приобрело резко отрицательную коннотацию, нередко заменяется словом *alkoholskadd* – досл. 'по-

врежденный алкоголем’, т.е. ≈ ‘жертва алкоголя’; ср. также замену *ungdomsforbrytere* ‘молодые преступники’ → *miljøskadd ungdom* ‘молодежь – жертва среды’.⁹ Э. Люндебю называет такое употребление эвфемизмов *гуманизацией* речи.

2.4. Близко к описанным явлениям и усилившееся в последние годы стремление к речевому *украшательству*.

2.4.1. Оно проявляется в использовании модных и *ноязычных* слов как более престижных. Они употребляются говорящим для демонстрации собственной «образованности» или при желании дать более «звучное» название чему-либо, особенно магазину, предприятию и т.п. Последнее можно проиллюстрировать следующим примером из современной норвежской прозы: *Det fantes ikke engang vanlige frisører, nå var det hårolog, hårotek og hairport* (Lars Saabye Christensen) – ‘Не было даже обычных парикмахерских, теперь они назывались *hårolog* (от *hår* ‘волосы’, *-olog* ‘-олог’), *hårotek* (ср. *bibliotek*, *videotek*, *discotek*) и *hairport* (англ.)’.

Широко употребляются, нередко без необходимости, такие модные иностранные слова, как, например, *ambisiøs* ‘амбициозный’, *evaluere* ‘оценивать’, *fasiliteter* ‘удобства (в квартире и т.п.)’, *image* ‘имидж’, *kommunisere* ‘общаться’, *motivasjon* ‘мотивация’, *nisje* ‘ниша’, *polarisering* ‘поляризация’, *relevant* ‘релевантный’, *stigmatisere* ‘клеить; ставить печать неполноценности’ и множество других. Впрочем, модными становятся, разумеется, не только иностранные слова.

2.4.2. Другой тип речевого украшения заключается в *гиперболизации* – использовании неадекватно сильных, «потенцированных» слов. Норвежские лингвисты называют это явление *språklig doping* ‘языковой допинг’ (по-датски его называют *sproglig bodybuilding* ‘языковой культуризм’). К числу таких гиперболических слов и словосочетаний относят, например, употребляемые сверх меры, особенно в средствах массовой информации, единицы типа *katastrofe* ‘катастрофа’, *krise* ‘кризис’, *drama* ‘драма’, *tragedie* ‘трагедия’, *massakre* ‘бойня’, *sjokk* ‘шок’, *heltedåd* ‘героический поступок’, *kjempe en desperat kamp* ‘вести отчаянную борьбу’ и т.п.¹⁰ Э. Люндебю относит такое употребление к *брутализации речи*¹¹ (см. ниже); мы склонны трактовать это несколько иначе.

2.5. Проф. Люндебю отмечает такую черту современной норвежской речи, как *феминизация*. В борьбе за равноправие норвежские женщины добились больших успехов (в нынешнем норвежском правительстве больше женщин министров, чем в какой-либо другой стране). Это нашло свое языковое отражение в нескольких аспектах.

2.5.1. Замена полусуффикса *-mann* – досл. ‘мужчина’ – в названиях должностей на новый полусуффикс *-kvinne* – досл. ‘женщина’ – при обозначении женщин, например пресс-секретарь женщина – *talskvinne*, мужчина – *talsmann*. Однако неологизм *forkvinne* ‘женщина председатель’ (ср. *formann* – о мужчине) не прижился.

2.5.2. Замена слов с полусуффиксом *-mann* на слова нейтральные в отношении пола, например *stortingsmann* ‘депутат стортинга (норвежского парламента)’ → *stortingsrepresentant* (*representant* ‘представитель’).

2.5.3. Использование одних фамилий (без слов *fru* или *frøken* и/или имени): *du må snakke med Hansen* ‘тебе надо поговорить с Хансен’ (имеется в виду женщина Кари Хансен).

2.5.4. Феминистки выступают также за то, чтобы местоимение *han* ‘он’ заменялось на словочетание *han eller hun* ‘он или она’, когда местоимение мужского рода относится к множеству людей разного пола. Пример Э. Люндебю: *sjåføren må sørge for at han til enhver tid har vekslepenger*¹² ‘шофер (такси) должен заботиться о том, чтобы у него всегда была сдача’. В такого типа предложениях, настаивают феминистки, должно употребляться словочетание *han eller hun* или множественное число: *sjåførene... han eller hun..., sjåførene... de...* ‘шоферы... они ...’.

К этому пересказу наблюдений Э. Люндебю можно добавить любопытный штрих: распространенное выражение *manne seg opp* ‘взять себя в руки, набраться мужества’ (от *mann*, см. выше) получило параллельный вариант *kvinne seg opp* (от *kvinne*), употребляемый (преимущественно женщинами) о женщинах; это выражение не зарегистрировано даже в самых последних словарях.

2.6. К брутализации современной норвежской речи Э. Люндебю относит следующие явления:

2.6.1. Употребление нецензурных слов в официальных выступлениях. Он приводит, в частности, тот же пример, что запомнился автору этой статьи, когда министр экологии пять лет назад публично назвал своего британского коллегу *говнюком* (*drittsekk*). Не рискую приводить другие примеры из моей коллекции.

Проф. Люндебю выделяет в особую группу слова, являющиеся грубыми наименованиями понятий сексуальной сферы. Видимо, их правомерно отнести к этому же разряду.

2.6.2. Чертыханье. Согласно норвежскому речевому этикету, употребление слов типа *черт*, *дьявол* и т.п. примерно столь же предосудительно, как употребление нецензурных слов по-русски. Сейчас чертыханье в публичной речи встречается нередко.

3. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ФОНЕТИКИ

3.0. Целесообразно различать – и потому рассматривать порознь – изменение фонемного состава ряда типов слов, связанное с «норвегизацией», изменение инвентаря фонем, изменения в распространении вариантов фонем, а также изменения в дистрибуции фонем и тоном.

3.1. Здесь нет ни возможности, ни необходимости вдаваться в детали изменения фонемного состава слов, связанного с «норвегизацией». Отметим лишь общую тенденцию, заключающуюся в том, что ряд «традиционных» (т.е. общих для датского и норвежского) форм в большей или меньшей степени вытеснен формами специфически норвежскими. Несколько иллюстраций (для standard østnorsk – речи образованных слов населения Восточной Норвегии, прежде всего региона Осло):

3.1.1. Монофтонг → дифтонг. Процесс идет медленно и избирательно. Фактически полностью победили только две формы с дифтонгами – stein ‘камень’ и øy ‘остров’ (ср. дат. sten, ø); нередко встречается вариант sein ‘поздний’ (ср. sen). Основная же масса дифтонгических форм, которые в 1981 г. были признаны допустимыми параллельно с монофтонгическими, продолжает оставаться характерной для «радикального» варианта букмола, например (в скобках приводится распространенный нейтральный вариант): raud ‘красный’ (rød), haust ‘осень’ (høst), leike ‘играть’ (leke), løuse ‘освобождать’ (løse) и т.п.

3.1.2. v → g. И этот процесс идет медленно и избирательно. По реформе 1981 г. упразднены формы lave ‘изготавливать’, have ‘сад’, но равно допустимы mave/mage ‘живот; желудок’, krave/krage ‘воротник’ и др. Однако форма lave нередко слышится в речи старшего поколения, а формы have, mave, krave по-прежнему используются довольно многими.

3.1.3. u [ч] → o [ɔ]. Несмотря на то, что формы с [ɔ] были легализованы еще реформой 1938 г., ни одна из них не стала единственной. Правда, преобладает вариант hogge ‘рубить’ и производные, но форма hugge также встречается нередко. Другие (например golv ‘пол’, dokke ‘кукла’) остаются характерными для «радикального» варианта букмола.

Конечно, есть немало параллельных форм, различающихся по нескольким характеристикам сразу, например традиционное kurv ‘корзина’ – радикальное korg, традиционное brudd ‘перелом’ – радикальное brott и др.

3.2. Говоря об изменении инвентаря фонем, необходимо сделать предварительное замечание. У норвежского нет единой произносительной нормы, различные региональные варианты считаются равноценны-

ми. По этой причине рассмотреть все варианты с точки зрения фонетических изменений невозможно.

3.2.1. Еще несколько десятилетий тому назад в речи образованных людей различались фонемы открытое /œ:/ и закрытое /ø:/, например *dør* /dœ:r/ 'дверь' и *dør* /dø:r/ презенс глагола *dø* 'умирать'. Теперь фонема /œ:/ практически исчезла, слившись с фонемой /ø:/.

Объяснение этого явления, видимо, заключается в том, что у данной оппозиции фонем была очень небольшая функциональная нагрузка, поскольку пар с таким противопоставлением фонем в одинаковом контексте практически не было.

3.2.2. В разговорной речи (самого) молодого поколения зарегистрирована по всей Норвегии, особенно в городах, замена фонемы /ç/ фонемой /ʃ/,¹³ т.е. конвергенция данных фонем. Таким образом, например, слова *kjære* 'дорогие' и *skjære* 'резать' произносятся детьми и частью молодежи одинаково – [ʃæ:rə].¹⁴ На одном мосту в пригороде Осло несколько лет висел плакат, написанный школьниками фонетически, т.е. с умышленными орфографическими ошибками: «Sjør forsiktig» [ʃø:r fɔʃ'iktɪ] 'Езди осторожно' вместо правильного *Kjør forsiktig* [çø:r fɔʃ'iktɪ].

Характерно, что аналогичная конвергенция фонем /ç/ и /ʃ/ уже давно произошла в немецких диалектах Верхней Саксонии, ср. литератур. нем. *Geschichte* [gəʃ'ɪçtə] 'история' и диалект. сакс. [gəʃ'ɪftə]. В настоящее время подобный процесс наблюдается также в Швеции.

Объяснение этому феномену то же, что и в предыдущем случае. К тому же фонема /ç/ усваивается норвежскими (и шведскими) детьми одной из последних, т.е. является одной из наиболее трудных для артикуляции (некоторые дети не овладевают ею до поступления в школу, т.е. до семилетнего возраста, а 10–15% затрудняются произносить ее до 9-го класса).

3.2.3. Еще несколько веков тому назад из древненорвежского сочетания фонем /-rð-/ развился звук, называемый норвежскими фонетистами «толстым l» (*tykk l*). Фонетически он обозначается как [l̥] (в нашем «Русско-норвежском словаре»¹⁵ используется знак [l̥]). Этот редко встречающийся в языках звук артикулируется следующим образом: кончик языка поднимается к твердому нёбу, а затем резко опускается вниз. На слух «толстое l» напоминает однораскатное /r/. Впоследствии «толстое l» заменило в ряде позиций обычное /l/, т.е. приобрело достаточно широкую, хотя и специфическую дистрибуцию.

«Толстое l» распространено только в Восточной Норвегии и Трёнделаге (Средняя Норвегия). Поскольку в речи жителей названного реги-

она встречаются минимальные пары с оппозицией [l] – [ɫ], следует признать этот звук самостоятельной фонемой /ɫ/.

До самого недавнего времени у «толстого l» был весьма своеобразный статус. Этот звук был характерен только для разговорного стиля и просторечия, и стилисты единодушно осуждали его использование в нейтральном – и тем более официальном – стиле. Следует особо подчеркнуть, что такой статус фонемы – явление достаточно редкое. Разумеется, существует корреляция между степенью радикальности формы и употреблением «толстого l». Так, естественно произнести ['ɛlvən] 'река' (форма с суффицированным артиклем общего рода, см. ниже) и ['æɫva] (форма с суффицированным артиклем женского рода; /ɛ, e:/ перед /ɫ/ расширились в /æ(:)/).

В результате названной выше демократизации современного норвежского языка «толстое l» теперь довольно широко употребляется в речи, также в тех речевых ситуациях, в каких его ранее избегали.

Следует, впрочем, отметить, что «толстое l» и прежде sporadически встречалось в официальной речи, когда говорящий, особенно политический деятель, старался придать своей речи народный характер (у некоторых из них, выходцев из рабочих или крестьянских семей, это, возможно, происходило непреднамеренно: они просто сохраняли свое естественное произношение; определенную аналогию можно усмотреть в окании некоторых русских, образованных и достигших высокой ступени в социальной иерархии, как, к примеру, Максима Горького). Так, весьма популярный в первые послевоенные годы премьер-министр Эйнар Герхардсен, в молодости рабочий коммунального хозяйства, выдвинул нашедший в народе широкий отклик лозунг, который он произнес на ослоском просторечии: ['he:lə 'fɔɫkə i 'arbə!] = литерат. *Hele folket i arbeid!* ['he:lə 'fɔlkə i 'arbæi(d)!] – досл. 'Весь народ в труде!', т.е. 'Каждый должен трудиться!'.

По нашим наблюдениям, в последнее время «толстое l» звучит – особенно в речи молодежи – значительно чаще.

3.3. Следует отметить изменение в распространении (факультативного) варианта фонемы /ɫ/. Несколько расширился ареал распространения увулярного /R/, характерного для юго-запада Норвегии.¹⁶

3.4. Появились изменения в дистрибуции фонем. Еще в начале нашего столетия произношение [ɫl-] в начале слова считалось нелитературным, а в середине слова – просто вульгарным. Сейчас произношение [sl-] в начале слова практически не встречается (в В. Норвегии), ср. *slå*

[jɔ:] ‘бить’, slik [ʃli:k] ‘такой’. В середине слова произношение исторического -sl- колеблется. В общем, старшее поколение образованных людей произносит [-sl-], например Oslo [ʊslu], тогда как остальные – преимущественно [-ʃl-], например [ʊʃlu]. Играет роль и характер лексемы. Книжные и нейтральные слова произносятся чаще с [-sl-], разговорные и сниженные – с [-ʃl-], например veksle [ˈvekslə] ‘менять’, но rusle [ˈrʊʃlə] ‘идти не торопясь’. Однако произношение [-ʃl-] на стыке морфем (Rusland [ˈrʊʃlan], husleie [ˈhʉ:ʃlæiə] ‘квартплата’) и по сей день считается просторечным.

3.5. Кроме фонемных изменений, есть изменения и в дистрибуции тоном. Заимствования, как правило, за исключением некоторых типов, имеют тонему 1. Однако при освоении их они могут приобретать тонему 2. Характерный пример: заимствованное из английского слово football ‘футбол’ произносится теперь большинством с тонемой 2.

Об изменении тоном в сокращениях см. 4.3.3.

4. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ГРАММАТИКИ

4.1. Изменения в морфологии.

4.1.1. Важнейшее изменение в этой области – увеличение количества слов, употребляемых со специфическим показателем женского рода, т.е. суффиксированным артиклем -a (см. 1.1.). Если ранее с этим показателем употреблялись преимущественно слова разговорные (типа jåle ‘ломака’, bikkje ‘пес(ик)’) или обозначающие норвежские реалии либо понятия крестьянского быта (bygd ‘селение’, ku ‘корова’), то теперь показатель женского рода употребляется многими (но далеко не всеми!) и в нейтральном стиле, однако не с книжными существительными, генетически относящимися к женскому роду (ср. приведенный в разделе 1.1. пример bøtta, но dronningen). Характерно, что при этом специфический неопределенный артикль женского рода (ei) употребляется значительно реже, например многие говорят gata (форма существительного gate ‘улица’ с суффиксированным определенным артиклем), но en (не ei!) gate (то же с неопределенным артиклем).

Сходное положение и со специфическими формами женского рода притяжательных местоимений: в постпозиции они обязательны, если существительное употреблено с артиклем женского рода (так!), но в препозиции (в этом случае существительное стоит без артикля) большинство использует форму общего/мужского рода, например говорят boka mi ‘моя книга’, но min (не mi!) bok.

Еще в 1921 г. Эуг. Вестерн писал, что формы женского рода не являются приобретением для языка, ибо «вне сомнения только два рода предпочтительнее, чем три», но что формы женского рода закрепятся за некоторым количеством употребительных слов, хотя это и не будет последовательно проведенный грамматический род.¹⁷ Действительность подтвердила его прогноз. Формы женского рода экспандируют, все больше проникая в нейтральный стиль. Это сложный и неравномерно протекающий процесс. Интересующиеся отсылаются к специальной работе.¹⁸

4.1.2. Изменение слов среднего рода. Здесь важны два момента.

4.1.2.1. По нынешнему общему правилу, в букмоле все существительные среднего рода (если они не оканчиваются на -e) во множественном числе *могут* иметь нулевое окончание, или, иными словами, у них в обоих числах может быть одинаковая форма: *hus* 'дом; домá', *fakultet* 'факультет; факультеты'. На деле же значительная (видимо, бóльшая) часть говорящих образует множественное число так же, как и раньше: односложные существительные среднего рода не имеют окончания, существительные среднего рода из двух и более слогов получают, как правило, окончание -er (как существительные мужского/женского (общего) рода: *hus*, но *fakulteter*). Естественно, немало случаев колебаний.

4.1.2.2. По правилам 1981 г. (восходящим к реформе 1938 г.) все существительные среднего рода *могут* иметь во множественном числе суффигированный артикль -a (совпадающий с суффигированным артиклем единственного числа женского рода): *husa*, *fakulteta*. Реально же говорящими на *standard østnorsk* этот артикль используется без исключений только с двумя существительными среднего рода – *barn* 'ребенок' и *be(i)n* 'нога' (*barna*, *be(i)na*); часто так же оформляется существительное *år* 'год'. В остальном можно утверждать, что формы типа *problema*, *universiteta* – при всех индивидуальных отклонениях – употребляются мало.

4.1.3. Заметно увеличилось число случаев, когда употребляется существительное без артикля (по норвежской грамматической терминологии «голое существительное»). Не вдаваясь в детали, приведем примеры на некоторые типы структур, в которых еще несколько десятилетий назад артикль был обычен: *han skriver bok* 'он пишет книгу'; *han er pasjonert teatergjenger* 'он страстный театрал'; *kort stempler i automat* 'проездные билеты компостировать в автомате' и др.

4.1.4. Относительно глагола можно отметить следующее:

4.1.4.1. Факультативные показатели -a/-a претерита и причастия II слабых глаголов I класса, хотя и приводимые в нормативном словаре при

каждом из них (см. выше 1.2.1.), реально используются мало, преимущественно в сниженном стиле.

4.1.4.2. Приглагольная частица *opp* все больше используется как формальный признак перфективизации; в некоторых случаях она фактически плеонастична, ср. *stanse, stoppe* ‘останавливаться’ – *stanse opp, stoppe opp* (значение то же), например: *trafikken stanset/stoppet opp* ‘(уличное) движение остановилось’.

4.2. Изменения в синтаксисе.

4.2.1. Важнейшее изменение в синтаксисе за последние десятилетия состоит в глобальном упрощении структуры предложения. Это, конечно, является следствием демократизации речи, приближения письменной речи к устной. Все норвежские пособия по практической стилистике неустанно призывают к максимальному упрощению синтаксических структур, в частности к замене по возможности сложноподчиненных предложений сложносочиненными, разделению длинных предложений на короткие, замене пассивных конструкций активными и т.д.

4.2.2. Постепенно проникает в речь на букмоле так называемый *garregonitiv* (от существительного *gar* – клички ганзейских купцов в Бергене в средние века) – конструкция с возвратно-притяжательным местоимением, эквивалентная по значению родительному падежу, например, *Knut sitt hus* – досл. ‘Кнут свой дом’, т.е. ‘дом Кнута’. Конструкция эта широко распространена в западно-норвежских диалектах и, естественно, в «новонорвежском», но в букмоле избегается; впрочем, сочетание *hvem sin...* ‘чей’ стало в букмоле вполне употребительным за последнее время (форма *hvis* считается книжной, а форма *hvems* – просторечной).

Garregonitiv возводят к аналогичной нижненемецкой конструкции (откуда и название). Эта же конструкция представлена в ряде германских языков (например, фризском, африкаанс), особенно их диалектов (нидерландских, немецких и др.). Ее аналогом является тюркский *изафет*.

4.2.3. В норвежском языке в последние десятилетия широкое распространение получило явление, которое мы называем «скрытым» родительным падежом. Это – первый элемент определительной конструкции, в которой определяющее – топоним – не имеет генитивного показателя (-s), но которая тем не менее обладает всеми остальными признаками генитивной конструкции, а именно: определяемое существительное не имеет артикля, а эвентуальное прилагательное стоит, как в позиции после существительного в родительном падеже, в слабой форме, например, *Oslo Nye teater* ‘Новый театр Осло (название)’, ср. обычную генитивную конструкцию *Oslos nye ordfører* ‘новый мэр Осло’. В названиях совре-

менных учреждений, объединений, предприятий, магазинов и т.п. используется только «скрытый» родительный падеж. О том, что это относительно новое явление, свидетельствует тот факт, что в старых названиях этого типа по традиции сохраняется обычный родительный падеж, ср., например, с одной стороны, современные названия в районе Руделёкка (Осло): Rodeløkka Fysikalske institutt ‘Физиотерапевтический центр Р.’, Rodeløkka Rensesenter ‘Химчистка Р.’ и аналогичные, а также более старые (с показателем -en общего рода, см. 4.1.) Rodeløkken Bil- og Karosseriverksted ‘Автомобильная и кузовная мастерская Р.’, Rodeløkken Kafé ‘Кафе Р.’, с другой – два старых названия: Rodeløkkens Maskinverksted & Jernstøperi A/S ‘Механическая мастерская и Плавильня Р.’ и Rodeløkkens Treskofabrik ‘Производство деревянных башмаков Р.’

4.2.4. Поскольку предлог имеет грамматическое значение, уместно рассмотреть его в разделе о синтаксисе. Заслуживают внимания две детали.

4.2.4.1. Первая касается употребления предлогов *i* ‘в’/*på* ‘на’ при названиях городов. Согласно правилам, приводить которые полностью нет необходимости, с названиями небольших городов, не расположенных на побережье, употребляется предлог *på*: *på* Namar, *på* Røros, *på* Lillestrøm, *på* Kongsvinger и т.п. Отмечается явная тенденция к замене предлога *på* на предлог *i* с названиями некоторых городов, особенно в речи самих жителей этих городов: предлог *i* как бы престижнее, употребление его словно переводит город из разряда небольших и провинциальных в разряд более крупных. Так, с названием города Moss (Мосс, Юго-Восточная Норвегия) теперь используется (и не только местными жителями) предлог *i*, хотя до сих пор в ходу три фразеологизма, в которых фигурирует сочетание ... *på* Moss. Это же относится к месту проведения последних Зимних Олимпийских игр (*på/i* Lillehammer), к названию города Namar и др. В «Норвежском топонимическом словаре», где, в частности, указывается предлог, с которым употребляется то или иное название, о населенном пункте Вого (Vågå, Центральная Норвегия) сказано: ... Предлог *på* (в речи молодого поколения *i*) ...¹⁹

Это явление представляется связанным с процессом речевого украшения, описанным выше (2.4).

4.2.4. Наблюдается процесс экспансии одних предлогов за счет других. Наиболее экспандирующим предлогом является названный выше предлог *på*, используемый теперь в ряде значений, ранее ему не свойственных (например, *professor på universitetet*, ранее ...*ved*... ‘профессор

университета'; begynnelsen på arbeidet 'начало работы', ранее ...av...; på slutten 'в конце', ранее ...i; и др.).²⁰

4.3. Изменения в словообразовании.

4.3.1. Самая значительная инновация в этой области — это возникшее сравнительно недавно так называемое обратное («ретроградное») словообразование. Под этим термином понимается образование сложных глаголов от сложных существительных путем отсечения у последних субстантивного суффикса (и, естественно, смены парадигмы, а в отдельных случаях и присоединения глагольного суффикса), например røntgenbehandling 'лечение рентгеном' → røntgenbehandle 'лечить рентгеном'; børskrakk 'биржевой крах' → børskrakke 'потерпеть биржевой крах'; støvsuger 'пылесос' → støvsuge 'обрабатывать пылесосом; разг. пылесосить'; filmdebut 'дебют в кино' → filmdebutere 'дебютировать в кино' и т.д. Реже встречаются обратные образования от сочетаний «глагол + предлог + существительное»: hoppe i plastbakke 'прыгать (на лыжах) с трамплина с пластмассовым покрытием' → plasthoppe; kvalifisere seg til OL 'пройти отборочные соревнования для участия в Олимпийских играх' → OL-kvalifisere seg.²¹

4.3.2. Расширилось использование конверсии для образования отглагольных существительных (со значением действия или результата), например søke 'искать' → søk 'поиск(овые работы)'; dykke 'погружаться в воду, нырять' → dykk 'погружение в воду (водолаз, аквалангиста)'; styrte 'падать (о самолете и т.п.)' → sturt 'падение'; skrive 'писать' → skriv 'официальное письмо, документ' (ср. rundskriv 'циркуляр') и т.д.

4.3.3. Как и во многих языках, очень широкое распространение за последние десятилетия получили в норвежском языке разного рода сокращенные слова.

Аббревиатура — достаточно хорошо известное и подробно описанное явление, и поэтому нет нужды долго на нем задерживаться. Отметим лишь норвежскую специфику.

Двусложные алфавитные аббревиатуры (те, в которых звучит алфавитное название буквы) произносятся теперь с тонемой 2: FN ['ɛf:ɛn] 'ООН', UD ['u:de] 'МИД', TV ['te:ve] 'телевидение; телевизор' и т.п. Впрочем, многие представители старшего поколения продолжают произносить слова подобного рода с ударением на втором слоге и, естественно, тонемой 1.²²

Значительно возросло число усеченных слов. Усеченный вариант — это чаще всего начальный элемент слова (по-норвежски слова такого типа называются hodeord 'слова-головы'), но нередко и последний (haleord

‘слова-хвосты’): mikrofon ‘микрофон’ → mikk, temperatur ‘температура’ → temp, personlig rekord ‘личный рекорд’ → pers, diskvalifisere ‘дисквалифицировать’ → diske, deprimert ‘в депрессии’ → deppa, paranoia ‘паранойя’ → noia, Vinmonopolet ‘винная монополия; винный магазин’ → Polet и т.п.²³

В последние десятилетия стали широко использоваться морфемные сокращения, т.е. сочетания усеченных/неусеченных слов с усеченными/неусеченными словами, например: ellok (= elektrisk lokomotiv) ‘электровоз’; språklab(b) (= språklaboratorium) ‘лингфонный кабинет’ и др.

Относительно новое явление – телескопические слова, число которых непрерывно увеличивается. Примеры: tastafon (< tastatur ‘клавиатура’ + telefon) ‘кнопочный телефон’; шуточные svorsk (< svensk ‘шведский’ + norsk ‘норвежский’) ‘норвежский со множеством шведских вкраплений’; dromedille (< dromedar ‘одногорбый верблюд’ + krokodille ‘крокодил’) ≈ ‘неудачный гибрид, помесь кота с велосипедом’ и т.п.²⁴

5. ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ

5.1. Самое значительное изменение в норвежской лексике последних десятилетий – это, конечно, колоссальное обогащение словарного состава, связанное с развитием науки, культуры, изменением социальных отношений и т.д. К примеру, только терминология, связанная с электронно-вычислительной техникой, насчитывает многие сотни единиц. Этот процесс свойствен большинству современных языков, особой норвежской специфики в нем, на наш взгляд, нет, так что можно ограничиться констатацией факта.

5.2. Распространение в букмоле «общенорвежских» форм. Последним термином называют лексемы, отсутствовавшие в датско-норвежском и вошедшие в букмол из «новонорвежского». Это – следствие специфического норвежского пуризма (см. 5.3).

5.3. Пуризм. Возможны две пересекающиеся классификации типов пуризма.²⁵

а) По степени охвата языкового материала различаются пуризм глобальный, направленный против иностранных слов любого происхождения, и пуризм избирательный, направленный против какого-либо одного языка.

б) В зависимости от того, направлена ли пуристическая деятельность против единиц, уже укоренившихся в языке, либо на наименование понятий, еще не получивших в языке обозначения, различаются соответ-

ственно пуризм изменительный и пуризм охранительный. Для букмола характерен прежде всего избирательный изменительный пуризм, а именно постепенная замена слов датского происхождения со словообразовательными формативами, не свойственными норвежскому языку. Ср. датско-норвежские формы, вытесненные в последние десятилетия или вытесняемые норвежскими (указаны справа от стрелки): *ansøkelse* 'заявление' → *søknad*; *omkostning* 'расход' → *kostnad*; *unntagelse/unntakelse* 'исключение' → *unntak*; *stavelse* 'слог' → *staving*; *skrivelse* 'официальное письмо, документ' → *skriv*; *benytte* 'использовать' → *nytte* и др.

Как и подавляющее большинство современных европейских языков, норвежский страдает «английской болезнью» – испытывает сильнейшее воздействие английского (американского). В него вошло значительное количество английских заимствований. Изменительный пуризм проявляется в том, что обычно сначала заимствуется английская лексема, а затем она заменяется норвежской, например (слева приведено английское слово): *feedback* 'обратная связь' → *tilbakemelding*; *printer* 'принтер' → *skriver*; *boardingcard* 'посадочный талон' → *ombordstigningskort* и т.п. Впрочем, такой замене подверглась лишь небольшая часть английских заимствований. Очень много также калек с английского, например: *skuggeregjering* (англ. *shadow cabinet*) 'теневое правительство'; *het linje* (*hot line*) 'горячая линия'; *ferdskriver* (*flight recorder*) 'черный ящик (авиа)', – немало калек разговорных единиц, например: *det er opp til deg* (*it's up to you*) 'твое дело, тебе решать'; *sitte på gjerdet* (*sit on the fence*) – досл. 'сидеть на заборе', т.е. 'занимать выжидательную позицию' и т.п.

Норвежский выделяется среди других европейских языков тем, что многие освоенные иностранные слова со временем начинают писаться в соответствии с норвежской орфографией, т.е. транскрибируются (это в первую очередь относится к словам французского происхождения), ср. (в скобках указано написание на языке-источнике, оно же первоначальное норвежское): *sjåfør* (фр. *chauffeur*) 'шофер'; *sjanger* (фр. *genre*) 'жанр'; *roeng* (фр. *point*) 'очко'; *tøff* (англ. *tough*) 'жесткий; грубый' и др. В 1996 г. «Норвежским языковым советом»²⁶ был предложен новый список (несколько десятков) таких орфографических замен, например: *gaid* (вм. *guide*) 'гид', *hedde* (вм. *heade*) 'забивать гол головой', *sjampanje* (вм. *champagne*) 'шампанское', *sjåk* (вм. *choke*) 'воздушная заслонка, подсос (авто)', *sørvis* (вм. *service*) 'сервис' и др. Эти предложения встретили у многих резко негативную реакцию.

5.4. Ряд других лексических процессов: эвфемизация речи, речевое украшательство, употребление модных слов, «языковой допинг» и др. – был описан в разделе 2.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многие процессы, которые произошли в норвежском языке за последние десятилетия, характерны и для других языков. Наиболее интересны те изменения, которые специфичны именно для него.

Усилия нормализаторов норвежского языка (повторим, руководствовавшихся благими намерениями) привели фактически к ликвидации сколько-нибудь четкой нормы. Нет европейского языка, который бы характеризовался подобной многовариантностью. Пример Норвегии показывает, к каким результатам может привести языковое планирование.

Но к такому примеру можно подойти и с другой стороны и задать еретическим вопросом: а так ли уж необходима четкая языковая норма? Может быть, многовариантность и не столь уж большое зло? А что если допустимость разных вариантов, напротив, благо?

Всякое новшество в языке – нарушение принятой нормы. Мы привыкли считать, что любое отступление от нормы недопустимо, что оно – свидетельство недостаточной грамотности (и следовательно, по мнению многих, ущербности) говорящего/пишущего, и не задумываемся над тем, бесспорно ли это.

Будущее покажет, так ли уж плох пример Норвегии.

Примечания

¹ Названия *букмол* (дословно ‘книжный язык’) и «*новонорвежский*», конечно, никак не отражают сути явлений. Букмол – совсем не только язык письменных текстов, как раз «новонорвежский» – книжный язык, поскольку на нем пишут те, кто в подавляющем большинстве вне официальной среды говорит на диалекте.

² *Askedal J.O.* Den «gamle» og den «nye tellemåten» // *Ordet*. 1997. Nr. 3. S. 29–31; *Lauritsen V.* Den nye teljemåten – meir forvirring? // *Språknytt*. 1996. Nr. 3. S. 5–7.

³ *Fossestøl B., Sandvei M.* Tanums store rettskrivningsordbok. Bokmål. Oslo, 1989; *Tanums store rettskrivningsordbok*. Bokmål / Revidert av Boye Wangensteen. Oslo, 1996.

⁴ Термин *риксмол*, как сказано выше, в настоящее время не является официальным. Однако так называют консервативный вариант букмола его приверженцы.

⁵ *Lundeby E.* Intimisering og brutalisering // *Maal og Minne*. 1995. Nr. 1–2. S. 35–44.

⁶ *Ibid.* S. 39–40.

⁷ *Берков В.П.* Норвежская лексикология. СПб., 1994. С. 137; *Berkov V.* Norsk ordlære. Oslo, 1997. S. 160.

⁸ *Lundeby E.* *Op. cit.* S. 40–41.

⁹ *Ibid.*

- ¹⁰ *Svenkerud H.* Språklig doping // *Språknytt*. 1989. Nr. 3. S. 1–4.
- ¹¹ *Lundeby E.* Op. cit. S. 43–44.
- ¹² *Ibid.* S. 42.
- ¹³ *Papazian E.* 1) Skal det være noe vindus-skitt? Om sammenblanding av sje- og kje-lydene blant barn og ungdom // *Språknytt*. 1994. Nr. 2. S. 1, 3, 17; 2) Om sje-lyden i norsk, og ombyttinga av den med kje-lyden // *NORSKRIFT*. 1994. Nr. 83.
- ¹⁴ В норвежском языке ударение динамически-тоническое. Тонема 1 обозначается акутом (´), тонема 2 – грависом (˘).
- ¹⁵ *Берков В.П.* Русско-норвежский словарь. М., 1987; *Berkov V.* Russisk-norsk ordbok. 2. utg. Oslo, 1994.
- ¹⁶ *Foldvik A.Kj.* Spredning av skarring i Norge i løpet av om lag 70 år // *Norsk Lingvistisk Tidsskrift*. 1988. Nr. 1–2. S. 55–61.
- ¹⁷ *Western A.* Norsk riksmålsgrammatikk for studerende og lærere. Kristiania, 1921 (факсимильное переиздание 1975). S. 397.
- ¹⁸ *Берков В.П.* О статусе грамматического женского рода в современном букмоле: (К вопросу о языковом планировании) // *Скандинавские языки: Актуальные проблемы грамматической теории*. М., 1984. С. 43–58.
- ¹⁹ *Sandnes J., Stemshaug O.* Norsk stadnamleksikon. Oslo, 1976. S. 349.
- ²⁰ О расширении употребления предлога på см.: *Prytz C.F.* Vokalepreposisjonsbruk // *Språknytt*. 1994. Nr. 2. S. 16; *Svar fra Norsk språkråd* // *Ibid.* S. 17.
- ²¹ Подробнее см.: *Берков В.П.* Норвежская лексикология. С. 148–149; *Berkov V.* Norsk ordlære. S. 172–173.
- ²² Там же. С. 142; *Ibid.* S. 170–171.
- ²³ Там же. С. 146–148; *Ibid.* S. 168–170.
- ²⁴ Там же. С. 142–143; *Ibid.* S. 165.
- ²⁵ *Berkov V.* De nordiske språkene og purismen // *Maal og Minne*. 1992. Nr. 1–2. S. 27–36; *Берков В.П.* Норвежская лексикология. С. 71–73; *Berkov V.* Norsk ordlære. S. 90–92.
- ²⁶ «Норвежский языковой совет» (Norsk språkråd) – учрежденный в 1972 г. государственный консультативный орган. В его задачи входит: нормирование языка, контроль над языком учебников, терминологическая работа, регистрация новых слов и др.

Valerij Berkov
Nytt i norsk

I artikkelen behandles de endringene i norsk som har funnet sted i de siste årene.

Først analyseres dagens språksituasjon i Norge. Forfatteren vurderer resultatene av den norske språkplanleggingen og den «språkfreden» som skal råde i Norge nå for tiden.

I neste avsnitt behandles forskjellige forandringer i ususen. Det er intimisering, bruk av evfemismer, språkforsiring m.m.

Blant forandringene i fonetikken analyseres særskilt endringene i lydsammensetningen i noen ordtyper og endringene i lydinventaret.

Videre redegjøres det for novasjoner i morfologi og syntaks.

Siste avsnitt er viet endringene i ordforrådet.

ЧТО ПРОИЗОШЛО И ПРОИСХОДИТ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ?

В 1906 году профессор Гетеборгского университета Густав Седершельд опубликовал небольшую работу под названием «Шведский будущего» (Cederschiöld, 1906), посвященную тенденциям развития родного языка в наступившем столетии. Основной в работе Седершельда была идея дальнейшего сближения устной и письменной речи в XX в.; среди возможных изменений письменной нормы были названы следующие:

I. В морфологии существительного:

1) изменение конечного -а у существительного en historia 'история' на -е, по аналогии с опр. формой ед.ч. historien и формой мн.ч. historier; существительное *материя* уже тогда имело в неопр. форме ед.ч. два варианта: en materia/materie;

2) переход к склонению заимствованных из греческого и латыни существительных на -а (prisma 'призма', drama 'драма', komma 'запятая'), -on (lexikon 'словарь'), -um (faktum 'факт', spektrum 'спектр'), -us (numerus 'число') по шведской модели;

3) образование форм мн.ч. существительных ср. рода на согласный (sekel 'век', porträtt 'портрет') посредством показателя -er, по аналогии с такими словами, как ett tyg 'ткань' (мн.ч. tyger), и с существительными ср. рода на гласный (ett fängelse 'тюрьма' – fängelser, ett galleri 'галерея' – gallerier); существительные ср. рода magasin 'склад, лавка', ackord 'договор', medikament 'медикамент', logement 'ложемент', fragment 'фрагмент' а также названия частей речи substantiv 'существительное', adjektiv 'прилагательное', pronomen 'местоимение', verb 'глагол', adverb 'наречие' имели вариативные формы с нулевым показателем и с окончанием -er;

4) распространение показателя опр. формы мн.ч. существительных с основой на гласный -na/-ena на существительные ср. рода с основой на согласный (barna 'дети', husena 'дома');

5) распространение показателя -ar (в ущерб -er) в формах мн.ч. заимствованных существительных общего рода, особенно в словах, имеющих конкретное значение и вошедших в обиход шведской речи (en bil 'автомобиль' – bilar);

6) переход *pluralia* и *singularia tantum* в разряд изменяемых по числу (en grönsak 'сорт овоща' от grönsaker 'овощи', medgångar от medgång 'успех, удача, счастье');

7) распространение показателя генитива -es у существительных с основой на -s: Larses bok 'книга Ларса' вместо Lars' bok; ср. также у В. Рюдберга hans huses folk 'его домашние' (Cederschiöld, 1906, 12).

II. В морфологии прилагательного:

1) вытеснение аналитического способа образования форм степеней сравнения у прилагательных на -isk, -esk (groteskast);

2) использование вариативных форм степеней сравнения – супплетивных, или с перегласовкой и показателями -re, -st, и «правильных», с показателями -are, -ast: bättre/godare 'лучше'; värre/ondare 'хуже'; värre/elakare 'злее'; sämre/dåligare 'хуже'; lägre/lågare 'ниже'; grövre/grovare 'грубее'; trängre/trångare 'теснее'.

III. В глагольном словоизменении:

1) сохранение сильного спряжения;

2) сохранение форм конъюнктива;

3) сохранение страдательного значения у форм на -s в письменной речи при их вытеснении в устной речи аналитическим сочетанием bli со страдательным причастием II;

4) образование особой «командной формы» (kommandoformen) с отпавшим конечным -а у глаголов первого спряжения и переход этих форм в разряд междометий: kast loss 'отдать концы', hiv upp 'поднять якорь', spel ut 'карты на стол' или 'конец игре';

5) отпадение дентального показателя в формах претерита слабых глаголов первого спряжения (kasta вм. kastade 'бросил');

6) образование форм претерита слабых глаголов первого спряжения по второму с оглушением звонкого дентального после l, n, r, g, v (talte 'говорил', svarte 'ответил', viste 'показал') и возникновение смешанного класса, при сохранении показателей первого спряжения у всех остальных форм. По мнению Седершельда, оба процесса были обусловлены наметившейся тенденцией перехода слабых глаголов второго спряжения в продуктивное первое, что, в свою очередь, привело к сокращению «самой длинной формы» претерита.

IV. В системе местоимений:

1) распространение устного варианта указательных местоимений den, det, de här 'этот' в письменной речи;

2) написание объектных форм личных и возвратного местоимений в соответствии с произношением *mej, dej, sej* во всех жанровых типах текстов;

3) распространение энклитических форм объектного падежа -*n* (м. род), -*na* (ж. род), -*et, -t* (ср. род);

4) повышение статуса местоимения 2-го лица *Ni* как формы обращения в ед.ч.;

5) вытеснение относительного местоимения *vilken* 'который' союзом *som* во всех регистрах письменной речи.

Насущными задачами нормализаторов Седершельд считал:

1) освобождение шведской речи от излишней загруженности иностранными словами; письменный язык начала XX в. Седершельд называл космополитичным (*det nuvarande «kosmopolitiska» svenska språket*);

2) сближение письменной и устной норм речи;

3) освобождение письменной речи от излишней тяжеловесности в словообразовании и синтаксисе сложного предложения, а также от искусственности и абстрактности.

По мнению Седершельда, нормализацию следовало проводить в письменной речи, используемой в прессе и школьных учебниках, а образцом и регулятором новой нормы должна была стать разговорная речь образованных слоев общества.

Как и на заре XX в., пути развития и судьбы родного языка привлекают внимание шведских языковедов на его исходе. Поздновошведский период (*ungre nysvenska*) ведет отсчет от выхода в свет в 1732 г. морально-дидактического журнала «Шведский Аргус», издававшегося выдающимся шведским просветителем У. Далином. В 1801 г. поэт и просветитель К.Г. Леопольд в трактате о шведском правописании восторженно отмечал: «В истории всех цивилизованных языков наступает такой момент, когда они достигают совершенства и приобретают форму, которая может улучшаться, но не стареть. Эту форму придал шведскому языку Далин, и, возможно, ни один язык никогда в одночасье усилиями одного автора не совершал такого скачка» (Thelander, 1991, 23).

Этот период распадается на два этапа, на протяжении которых способ существования и внутренняя структура шведского языка дважды претерпевали глубокие изменения.

Первый этап завершился к концу прошлого столетия; происходившие во второй половине XIX в. процессы нашли наиболее полное выражение в творчестве другого великого шведа – Августа Стриндберга, в

первом шведском реалистическом романе «Красная комната» (1879). Этой датой открывается новый период, а вместе с ним и новейшая история шведского языка, который отныне начинает именоваться историками языка «современный шведский язык» (nusvenska). В 1899 г., через двадцать лет после выхода в свет романа «Красная комната», выдающийся шведский языковед начала XX в. Адольф Нурен писал о роли А. Стриндберга в истории шведского языка: «Что бы ни случилось в будущем с его литературной славой, как художник слова он навсегда останется классиком и образцом для подражания, знаменуя важную веку в истории родного языка» (Thelander, 1991, 29).

Процессы, которые произошли в шведском языке во второй половине XIX в. и предвосхитили тенденции его развития в нынешнем столетии, включали пять основных моментов:

1) оживленная дискуссия о правописании в 60–70-е годы XIX в., итогом которой стала орфографическая реформа 1906 г.;

2) резкий скачок в упрощении синтаксической структуры предложения, который, судя по результатам проведенных исследований, в основном пришелся на период с 1878 по 1880 г. (см. об этом: Thelander, 1991, 28); здесь стоит напомнить о том, что роман А. Стриндберга «Красная комната» появился в промежутке между этими датами, в 1879 г.;

3) начало взаимного сближения устной и письменной норм речи, обусловленного реформой школьного образования и становлением прессы во второй половине XIX в.;

4) выравнивание диалектов, уходящее корнями в начало индустриализации конца XIX в., обусловившей первую волну миграции населения;¹

5) активное вторжение английской лексики, начавшееся в конце XIX в. с заимствования спортивной и морской терминологии.

Второй этап глубоких изменений в шведском языке приходится на вторую половину XX в. — с начала 40-х годов. Для него характерны три процесса:

1) дальнейшее сближение норм устной и письменной речи;

2) мощный поток английских заимствований;²

3) «драматическое» падение диалектов;³ к началу 60-х годов после второй волны урбанизации наступила «подлинная смерть диалектов» (Josephson 1997, 6).⁴

Названные здесь процессы, по существу, отражают две основные тенденции:

А. Обновление словарного состава.

Б. Повсеместное выравнивание различий:

- 1) между устной и письменной нормами;
- 2) между различными диалектами;
- 3) между региональными вариантами и литературным стандартом;
- 4) между профессиональным и литературным языком;
- 5) между книжным и обиходно-разговорным стилями речи;⁵
- 6) между обиходно-разговорной речью различных слоев общества.

Вместе с тем с начала 60-х годов происходит все большая стилистическая дифференциация письменных текстов, что на первый взгляд находится в некотором противоречии с отмеченной выше тенденцией повсеместного выравнивания. Следует, однако, помнить о том, что в современном шведском языке дифференциация носит свободный характер и проявляется в индивидуальном употреблении, в то время как прежде она была строго регламентированной.

Как отмечалось выше, процесс сближения устной и письменной норм был двунаправленным, поскольку обе они оказывали влияние друг на друга. Влияние устной речи на письменную проявилось прежде всего в падении категорий лица и числа в глагольном спряжении.⁶ К другим, более частным, но тем не менее важным изменениям письменной нормы под влиянием устной относятся:

- 1) замена производных глаголов с префиксами на сочетания с поствербгами (например, *ta emot* 'принять' вместо *mottaga*);
- 2) выпадение вставного *-e-* в презентных формах пассива на *-s* у глаголов второго и четвертого (сильного) спряжений (например, *skriv-s* вместо *skriv-e-s* 'пишется');
- 3) замена модальных и связочных слов, являвшихся текстовыми показателями письменной речи *icke* 'не', *blott* 'только', *ehuru* 'хотя', *intet* 'ничто', *likväl* 'однако' на свойственные устной речи *inte*, *bara*, *fast(än)*, *inget*, *ändå*;⁷
- 4) свободное употребление сочетаний *den*, *det*, *de här* в письменных текстах в функции указательных местоимений, наряду с принятыми в письменной норме *denna*, *detta*, *dessa*.

Влияние письменной речи на устную изначально было обусловлено общественными процессами, поскольку социально-классовые различия заметно проявлялись в речевом узусе. Становление устного стандарта способствовало тому, что язык высших слоев шведского общества, представлявший причудливое смешение книжно-письменных черт и разговорных особенностей центрально-шведских диалектов, подвергся вы-

равниванию, ориентированному на соответствие произношения и написания. Так, стали произноситься, как писались, опр. формы ед.ч. существительных ср. рода с основой на согласный (huset 'дом' вм. huse), опр. формы ед.ч. существительных общего рода с исходом основы на -r (affären 'магазин' вм. affärn), формы мн.ч. существительных общего рода на -a (flickor 'девочки' вм. flicker); формы претерита слабых глаголов первого спряжения (gorade 'позвал' вм. gora); предлоги (till 'к' вм. te, vid 'около' вм. ve); инфинитивная частица (att вм. å); прилагательные с исходом основы на смычный (röd 'красный' вм. rö).⁸

Устная речь низших слоев общества в процессе становления общенационального произносительного стандарта опиралась на правописание; сложившийся в первой половине XX в. близкий к письменной норме стандарт, на котором говорили широкие слои населения, когда им приходилось выступать в общественных собраниях (что по мере демократизации шведского общества происходило все чаще), получил название boksvenskan 'книжный шведский': на нем осуществлялось обучение и просвещение, в частности, в народных университетах.

В целом процесс сближения устной и письменной речи приобрел характер своего рода «перетягивания каната». Так, футурологический прогноз Г. Седершельда предполагал, что принятая в разговорной речи определенная форма множественного числа существительных среднего рода с исходом основы на согласный (barna 'дети', husena 'дома') закрепится в письменной речи, чего на самом деле не произошло; напротив, как показало проведенное в конце 60-х годов исследование, письменная норма вытеснила устную (Thelander, 1991, 26). Показательна также судьба вспомогательного глагола ha в составе форм перфектного ряда, который прежде, согласно письменной норме, обязательно опускался в придаточной части сложноподчиненных предложений. Сближение устной и письменной речи обусловило возможность факультативного употребления супина в письменных текстах наряду с полными формами; параллельно наметилась тенденция к синтетизации супина в обиходно-разговорной речи (Holm, 1951, 87–93).⁹ Однако в дальнейшем происходило 'расподобление' письменной и устной норм; проведенное в 1985 г. исследование показало, что устная и письменная речь по-прежнему сохраняют различия: так, в современных газетных текстах ha опускается в 90% употреблений, а в устной речи, напротив, оно на 90% сохраняется в придаточной части СПП (Thelander, 1991, 27).

В период с 1965 по 1975 г. происходит сокращение длины предложения в газетных текстах; однако затем падающая кривая выравнивается.

С 1977 по 1992 г. уменьшается и частотность употребления разговорной формы *dom 'они'* в газетных текстах (Josephson, 1997, 7).

Вплоть до начала 60-х годов предпринимались попытки унифицировать произношение школьников в различных регионах Швеции; так, в Стокгольме детей учили произносить минимальные пары *meta – mäta, rösta – rusta*, а в Гетеборге – *bada – båda, kungen – köngen*; объяснением такой политики служило то, что детей легче обучать правописанию. Дело доходило до того, что эксперты в области фонетики в своих рекомендациях предлагали отучать школьников из южной Швеции произносить вульгарное *r* (Josephson, 1997, 9). Однако с начала 70-х годов наметилась противоположная тенденция: в программах новостей центрального радиовещания стали допускаться различные региональные особенности произношения дикторов, в то время как прежде литературный стандарт был ориентирован только на восточнореднешведское произношение.

С начала 70-х годов исследователи отмечают резкие изменения в стилистике шведской речи: на смену дистанцированности приходит 'интимизация', на смену сдержанности – открытость, допускающая употребление вульгаризмов и так называемых «круглых слов» (*runda ord*), принятых в обиходной речи для обсуждения сексуальных тем, на смену безличности – личностная ориентация. Как отмечает У. Юсефсон, оба варианта просьбы о чашке кофе – безлично-отстраненный и очень вежливый *Inte skulle det vara möjligt att få en kopp kaffe?* 'Нельзя ли получить чашку кофе?' и откровенно-фамильярный *Du ger mig en kopp kaffe* 'Ты дашь мне чашку кофе' с точки зрения современной стилистики можно считать одинаково вежливыми.

Возвращаясь к вопросу, сформулированному в названии статьи, и подводя итоги сказанному выше, посмотрим, какие прогнозы Г. Седершельда сбылись и что произошло и происходит в современном шведском языке помимо предположений ученого.

I. В морфологии существительного:

1) в современном шведском языке предпочтение действительно отдается склонению заимствованных из греческого и латыни слов по шведским образцам: *ett drama – dramer; ett komma – komman; ett/en prisma – prismor/prismor; ett lexikon – lexikon; ett faktum – faktum; ett numerus – numerus*;

2) наблюдается дальнейшая реализация тенденции перехода *pluralia tantum* в разряд изменяемых по числу, например, *en förälder* 'родитель', *en möbel* 'предмет мебели'.

II. В морфологии прилагательного:

1) вариативные формы степеней сравнения используются с различными значениями: *bättre* 'лучше' – *godare* 'вкуснее'; *sämre* 'хуже' – *dåligare* 'больнее' (о состоянии здоровья, ср. рус. *плохой*, т.е. 'болезненный, большой'); *värre* 'хуже' – *ondare* 'больнее' (об ощущении боли); *lägre* 'ниже' – *lågare* 'подлее' (ср. рус. *подлый, низкий*); см. об этом (Thorell, 1973, 66; Lindberg, 1980, 35); другие из названных Г. Седершельдом вариантов в литературном языке не встречаются.

Среди новых, не отмеченных явлений следует назвать:

1) тенденцию к образованию форм степеней сравнения с показателями *-are/-ast*, вместо аналитического способа, у отрицательных прилагательных и «квазипричастий» на *-en* и *-d/-t*, например: *drucken* 'пьяный' – *drucknare*; *galen* 'безумный' – *galnare*; *storslagen* 'грандиозный' – *storslagnare*; *svullen* 'распухший' – *svullnare*; *uppbragt* 'возмущенный' – *uppbragtare*; ср. также *en bortskämdare unge* 'более избалованный ребенок'; *en förskräcktare man* 'более ужасный мужчина'; *en högljuddare församling* 'более шумное собрание'; *en vidsyntare person* 'более дальновидный человек'; *ett naknare vittnesbörd* 'более откровенное показание' (Lindberg, 1980, 34–35); *bestämd* 'определенный' – *bestämdare*, *utsåld* 'распроданный' – *utsåldare* (Thorell, 1973, 66);

2) использование при образовании форм степеней сравнения у некоторых прилагательных наряду с синтетическим аналитического способа: *Alexander är aktsammare/mera aktsam och redbarare/mera redbar men högfärdigare/mera högfärdig än Caesar* (Lindberg, 1980, 33) 'Александр осторожнее и честнее, но тщеславнее, чем Цезарь'.

III. В глагольном словоизменении, как и предполагал Г. Седершельд, сохранилось сильное спряжение. Что касается форм конъюнктива, образованных от презентных основ, чаще называемых оптативом, то они используются в современном языке исключительно в составе клише: *Kristus vare med dig* (G. Sandgren) 'Христос с тобой'; *Vile han i frid* (S. Delblanc) 'Мир праху его'; при этом речевые формулы *Gud give* 'Дай Бог' и *Gud nåde* 'Помилуй Бог' фактически приобрели характер междометий, о чем свидетельствует возможность слитного написания *Gudnåde er* (Vi, 1993). У Телеман отмечает также, что в современном языке форма *leve* 'да здравствует', которая используется в устойчивом обороте, проявляет тенденцию к переходу в разряд междометий, поскольку в речи встречается конструкция с объектной формой личного местоимения *leve henne* 'слава ей', по аналогии с междометием *ve dig/mig* 'горе тебе/мне' (Teleman 1991, 98).¹⁰

Падение опатива затронуло даже те формализованные стили письменной речи, которые вплоть до середины XX в. выполняли роль его основной функциональной ниши: они перестали употребляться в текстах законов к концу 50-х годов и полностью отсутствуют в современном переводе Нового Завета (см. об этом Bensson, 1968; Hellberg, 1991).

Из форм конъюнктива, образованных от претеритальных основ множественного числа, устойчиво сохраняется только *vore* от глагола *vara* 'быть'. Единичные формы конъюнктива сильных глаголов встречаются в современном языке крайне редко; они могут использоваться для выражения повышенной экспрессии говорящего: *Om jag finge följa med hem!* (G. Björkman) 'Если бы мне можно было поехать домой!' (см. подробнее Чекалина, 1993, 248–266; 1997, 80–81).

Наблюдается также дальнейшая тенденция к переходу отдельных форм императива в междометия, например: *Tittut!* 'Ку-ку!' (при игре в прятки); *Passpå!* 'Не зевай!'; в том числе при эксплицитном выражении адресата побуждения: *Högg!* 'Послушай'.

Соотношение между формами на *-s* в страдательном значении и аналитической конструкцией с *bli* и причастием II является более сложным и не ограничивается предпочтительным употреблением первых в письменной, а вторых – в устной речи. Различия между ними имеют видовой характер: пассивом на *-s* акцентируется сам процесс, а аналитической конструкцией – его наступление и/или результат; ср.: *Artikeln säljs över hela världen* 'Товар продается (можно купить) во всем мире' и *Artikeln blir såld över hela världen* 'Товар распродается (имеет спрос) во всем мире' (Lindberg, 1980, 73); *Den här cykeln ska göras ren* 'Этот велосипед нужно почистить' (пожелание заказчика) и *Cykeln ska bli ordentligt rengjord* 'Велосипед будет тщательно вычищен' (обещание мастера по ремонту) (Thorell, 1973, 135).

IV. В системе местоимений получили подтверждение два предположения Г. Седершельда:

1) о распространении союза *som* наряду с *vilken* во всех регистрах письменной речи;

2) о повышении статуса местоимения *Ni* как формы обращения. Действительно, как отмечают шведские языковеды, после периода почти повсеместного распространения *du* в 60–70-е годы, с начала 80-х годов наблюдается возрождение *Ni* – сначала в сфере сервиса, а затем шире – при обращении младших к значительно более старшим по возрасту незнакомым людям (Josephson, 1997, 9).

Среди новых тенденций, не упомянутых Г. Седершельдом, следует также назвать:

1) унификацию предлога på, например: att gå / arbeta på skolan 'учиться/работать в школе' (ранее правильным было только сочетание с предлогом i); att gå på matsalen 'идти в столовую' (ранее только с предлогом till);

2) употребление временного союза innan 'прежде чем' в функции предлога, наряду с före 'до, прежде': Han gick före/innan kl.7 (Norrb, Lundqvist, 1997, 116) 'Он ушел до семи';

3) употребление субъектной формы местоимения 3-го лица м. рода han в объектной функции: Han träffade honom/han (там же, 117) 'Он встретил его'; показательно, что по происхождению это слово является формой аккузатива;

4) опущение частицы att в футуральной конструкции kommer + инфинитив в разговорной речи (там же, 117);

5) употребление неопр. формы мн.ч. существительного ср. рода ett stycke 'кусок' – stycken как формы ед.ч. общего рода en stycken в значении 'один экземпляр'.

Современные нормализаторы считают своей основной задачей сохранение целостности шведского языка как средства национального общения в условиях глобальной интернационализации общества, особенно усилившейся после вступления страны в ЕС в 1995 г. В связи с этим 30 апреля 1997 г. правительство Швеции приняло решение поручить Шведской языковой комиссии изучить вопрос о статусе шведского языка как средства коммуникации и выработать общую стратегию и программу конкретных действий для его защиты и упрочения в условиях активного вторжения английского языка. Языковеды считают, что разрушительное воздействие английского проявляется в вытеснении шведского из целого ряда важных функционально-коммуникативных ниш (Teleman, Westman, 1997, 6):

1) экономика и деловая жизнь;

2) наука и техника, включая не только медицину и естественные науки, но и гуманитарные;

3) политика и управление;

4) попкультура.

Строя оптимистические прогнозы на будущее, шведские специалисты предполагают, что при коммуникации шведы будут пользоваться как родным, так и английским языком, легко переходя с одного на другой, что в пограничной между устной и письменной речью зоне возник-

нут новые жанры, а региональные и социальные различия прочно утвердятся в речевом узусе.

Примечания

¹ В результате притока нового населения в промышленные центры в конце XIX – начале XX в. сложились новые ‘городские диалекты’: Ekensnacket в южной части Стокгольма и Källes göteborgska в западной части Гетеборга.

² В последнее время все чаще встречается употребление показателя -s в формах мн.ч. заимствованных из английского слов типа avokados ‘авокадо’, videos ‘видеоустановки’, вместо образованных по шведскому образцу avokador, videor, а также использование английской орфографии; показательно семантическое различие между словами tejr ‘скач’ со шведской орфографией и tape ‘магнитофонная лента’ с английской (Norrbj, Lundqvist, 1977, 118).

³ К началу 60-х годов в результате мощной волны иммиграции стали складываться так называемые новые диалекты, на которых говорят рожденные в Швеции дети иностранцев, например rinkebysvenska в Стокгольме и gårdsten в Гетеборге.

⁴ Последние исследования шведских социалингвистов показали, что такие факторы, как развитие СМИ и новых средств коммуникации, а также школьное образование сами по себе не представляют угрозы для диалектов, а лишь делают их носителей из отдаленных регионов страны двуязычными.

⁵ Как отмечает доцент отделения скандинавских языков Стокгольмского университета У. Юсефсон, «...можно почти одинаково говорить с кафедры проповедника и в раздалке» (Josephson, 1997, 8).

⁶ В 1940 г. формы ед.ч. стали регулярно употребляться при подлежащем во мн.ч. в передовицах газет крупнейших утренних газет «Dagens Nyheter», с 1943 г. – в репортажах, с 1945 г. – в материалах телеграфного агентства TT; с начала 50-х годов они появились в протоколах риксдага, правительственных документах и в выпускных сочинениях гимназистов, с середины 60-х годов – в законах, в 1981 г. – в современном переводе Нового Завета. Таким образом, если прежде формы мн.ч. глаголов были в письменной речи стилистически нейтральными, а употребление форм ед.ч. при подлежащем во мн.ч. являлось приметой сниженного обиходно-разговорного стиля, то в современном языке маркированным является множественное число. Так, в предновогодней рекламе известной шведской мебельной фирмы ИКЕА отмечено его эмфатическое употребление даже при подлежащем в ед.ч.: Tomten äro här (Josephson, 1997, 5) ‘Дед Мороз здесь’; это напоминает некорректное с точки зрения исторической грамматики употребление русской формы *суть* при подлежащем в ед.ч. в целях эмфазы.

⁷ Сто лет назад отрицание *icke* было в письменной речи стилистически нейтральным, а *inte*, напротив, являлось маркированной приметой устной речи. Теперь нейтральным как в письменной, так и в устной речи является *inte*, а *icke* воспринимается как признак высокого стиля, архаизм или средство эмфазы.

⁸ В некоторых случаях верх одержала устная произносительная норма центрально-шведских регионов: 1a *vm. lade, mej vm. mig, gett vm. givit*.

⁹ Например: Jag har många gånger talat om för er att jag varit sjöman (S. Claesson) ‘Я много раз говорил вам, что был моряком’.

¹⁰ «Оплатив окончательно исчез из шведского языка как продуктивный грамматический элемент» (Teleman 1991, 97).

Литература

- Bensson S.* Quo vadis, institua? // Vetenskaps societetens i Lund årsbok. Lund, 1968.
- Cederschiöld G.* Framtidssvenska. Göteborg, 1906.
- Hellberg S.* Optativen är död: (Leve optativen!) // Studier i svensk språkhistoria № 2. Göteborg, 1991.
- Holm G.* Om utelämnandet av hjälp verbet *hava* i bisats // Nysvenska Studier, årg. 30, 1951. S. 87–93.
- Josephson O.* Vad skulle Agda Östlund ha gjort med e-posten? Svenska språket 1922–1977 // Dialogen. 1997. № 8. S. 3–17.
- Lindberg E.* Beskrivande svensk grammatik. 2-a upplagan. Stockholm, 1980.
- Norrbby C., Lundqvist A.* Tendenser i språkbruket // Texter och övningar. C-svenska för gymnasieskolan. Stockholm, 1997. S. 116–118.
- Teleman U.* Guds ord och människans meningar // Språket i bibeln – bibeln i språket / Red. Chr. Åsberg. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden 76. Arlöv, 1991. S. 86–105.
- Teleman U., Westman M.* Behöver vi en nationell språkpolitik? // Språkvård. № 2, 1997. S. 5–16.
- Thelander M.* Perspektiv på 110 års nusvenska // Språket i bibeln – bibeln i språket / Red. Chr. Åsberg. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden 76, Arlöv, 1991. S. 21–31.
- Thorell O.* Svensk grammatik. Stockholm, 1973.
- Чекалина Е.М.* Система форм и грамматические категории шведского глагола: Докт. дис. М., 1993.
- Чекалина Е.М.* Грамматический статус наклонения в современном шведском языке // Вопросы филологии, методики преподавания иностранных языков и страноведения. Вып. 1. Новгород, 1997. С. 77–95.

J.M. Tjekalina

Vad har hänt och händer i svenska språket?

I slutet av 1800-och början av 1900-talet genomgick svenskan stora förändringar, vilka inledde en ny fas i dess språkhistoria: från och med sekelskiftet började den yngre nysvenska, som hade varit O. von Dalins modersmål, benämnas nusvenska. Artikeln berör de huvudtendenser i 1900-talssvenskans inre uppbyggnad och bruk, som har blivit orsak till en ny epok i språkutvecklingen. De viktigaste förändringarna gäller ordförrådets tillväxt på grund av ett kraftfullt engelskt inlån och en global utjämningsprocess (mellan tal- och skriftspråk, högre och lägre stilarter, fack- och allmänspråk, olika dialekter, enskilda dialekter och riksspråket, talspråket hos olika samhällsgrupper). Närmandet mellan tal- och skriftspråket började i mitten av 1900-talet i och med genomförandet av singulara verbformer vid flertalssubjekt i skrift, men i andra avseenden var språkbruket relativt stabilt fram till början av 1960-talet. Stora omdaningar har skett under tiden mellan 1965 och 1975, och detta decennium utgör en brytpunkt i språkutvecklingen, lika viktig som tiden vid sekelskiftet. Denna epok har blivit en gräns till en ny språkperiod, och framtida språkhistoriker kan komma att känna ett behov av att ge den en särskild beteckning, kanske «modern nysvenska».

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРНОГО ФОНДА ДАТСКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

За последние 10–20 лет в датский язык вошло большое количество неологизмов. На страницах газет и журналов постоянно появляются новые слова, и, хотя многие из них быстро забываются и уходят в прошлое, некоторая часть оказывается жизнеспособной лексикой и пополняет языковой фонд.

Наиболее подробно проблема неологизмов в датском языке рассматривается в работах Пии Ярвад (Pia Jarvad), автора словаря «Новые слова в датском языке 1955–75»¹, целого ряда статей о неологизмах и книги «Новые слова – почему и как?»². В этой научно-популярной книге автор рассматривает причины изменения словарного состава и пути создания лексических единиц, приводя примеры как из конца прошлого века, так и из современности. Адресуя книгу самому широкому читателю, П. Ярвад не затрагивает целого ряда теоретических вопросов, проблемы стилистической дифференциации, нормативности новых слов и практически не касается вопроса о семантических инновациях. Материал книги – это вся масса новых слов, встречающихся в разговорной речи, на страницах газет, журналов и книг, в некоторых случаях это окказиональные явления. Такой подход объясняется не только характером издания, но и тем, что ограниченность рассматриваемого П. Ярвад периода затрудняет отбор наблюдаемых в языке новшеств. Сами подлежащие описанию явления еще не стали отчетливыми в течение этого времени, не определен статус слова в языке и речи, его стилистические, а подчас грамматические свойства. Именно поэтому решение вопроса о принадлежности литературному языку слов и выражений, не прошедших испытания временем, представляется таким сложным.

Во втором издании датского орфографического словаря³, вышедшем в 1996 г., спустя десять лет после первого⁴, зарегистрировано около 3000 новых слов, т.е. 3000 прошедших отбор, закрепившихся, жизнеспособных, ставших, по материалам датских лингвистов, принадлежностью литературного языка.

Поддавляющее большинство слов, вошедших в новое издание словаря, представляет собой лексические неологизмы (существительные,

прилагательные, глаголы и т.п.). И лишь в отдельных случаях зарегистрированы семантические или фразеологические неологизмы. Но это отнюдь не означает, что за последние 20 лет в датском языке не произошло семантических изменений или изменений в области фразеологии. Просто характер словаря не позволяет отразить эти изменения. Орфографический словарь датского языка фиксирует нормативное написание слова (и его варианты), грамматические характеристики слова, а также имеет нормализующую функцию, которая реализуется в отборе вокабул. Словник именно этого словаря берется в Дании за основу авторами двуязычных словарей.

По характеру новизны все неологизмы, вошедшие в новый орфографический словарь, можно разделить на следующие группы.

1. Слова, обозначающие новые объекты, явления и процессы в жизни общества (antivirusprogram 'антивирусная программа', bompenge 'плата за проезд по дороге', klonе 'клонировать', tyvekronemønt 'монета в 20 крон').

2. Новые слова, которые возникли в результате более глубокого познания окружающей действительности, выделения в ней новых черт (aftabuisere 'снять табу', breddeidræt 'спорт для широких слоев населения', højstatus-gruppe 'группа населения, обладающая высоким социальным статусом'). Появление слов этой группы, как правило, вызвано следующими причинами: потребностью выразить более точно какое-нибудь понятие (asylant 'человек, который просит политического убежища', в отличие от более общих flygtning 'беженец' и indvandrer 'иммигрант'), потребностью создать более лаконичную форму (letlæsebog 'легкое чтение' вместо bogen, som er let at læse 'книга, которую легко читать'), тенденцией к экономии знаковых средств выражения, то есть использование разного рода аббревиатур (A-hold 'активная на рынке труда часть населения').

К этой же группе можно отнести слова, возникшие вследствие эвфемизации, за этими словами не стоят новые реалии. На современном этапе практически все эвфемистические замены обусловлены социальными и политическими факторами (forretningskvinde 'бизнесмен' (женщина), orhavskvinde 'автор' (женщина), statskvinde 'государственный деятель' (женщина)).

3. Слова, обозначающие известные ранее реалии, по той или иной причине не зафиксированные в прежних изданиях словаря (abhaser 'абхазец', anoreksi 'анорексия', bosnisk 'боснийский', objektivisme 'объективизм'). Появление слов этой группы в словаре – результат миграции

языковых средств из одной сферы употребления в другую, когда слово, употреблявшееся ранее отдельными группами людей, входит в общелитературный язык. Слова этой группы – так называемые внутренние заимствования – не обозначают новые понятия и явления, они стали широко использоваться благодаря актуальным событиям, политической обстановке в мире и т.п. Появление этих неологизмов в литературном языке иногда объясняется каким-нибудь одним событием, одной дискуссией в прессе или по телевидению, которые тем не менее имели большой резонанс и сделали специальный термин общеупотребительным. Так, в связи с трагическими событиями в сентябре 1994 г., когда затонул паром «Эстония», на страницах газет замелькал специальный термин *bovport* ‘новосовые ворота’, который стал понятен всем; дискуссия на страницах газет и журналов об анорексии привела к тому, что ранее непонятное слово *anoreksi*, а также прилагательное *anorektisk* и существительное *anorektiker* стали использоваться активно. К этой группе можно также отнести слова, относившиеся прежде к устной разговорной речи (*kratlusker* ‘активист движения за охрану окружающей среды’).

4. Слова, появившиеся в рассматриваемый период и поэтому зафиксированные словарем, но в силу тех или иных причин (экстралингвистических или внутриязыковых) вытесненные или вытесняемые своими дублетами. Так, например, включенное в новое издание слово *døds hospital* ‘хоспис’ фактически не используется, его вытеснил другой неологизм *hospice*, возникший одновременно. Использование иностранного слова вместо датского, содержащего в себе нечто неприятное, в данном случае напоминание о смерти, является предпочтительным. К этой же группе можно отнести слова, как правило имеющие отношение к моде или политике, которые уже ощущаются как устаревшие, поскольку сами предметы и явления, которые они обозначают, ушли в прошлое или потеряли актуальность. Эти слова очень скоро станут историзмами или выпадут из языка (*bz-demonstration* ‘демонстрация представителей молодежных группировок 70–80-х годов, незаконно занимавших брошенные дома’).

Неологизмы обычно определяют как слова, обозначающие новые реалии. Однако такие слова (1-я группа) составляют всего 15–20% от общего количества зафиксированных словарем неологизмов. Большинство новых слов возникло в связи с необходимостью переосмыслить старое, по-новому взглянуть на уже существующее (2-я группа) или расширить языковую практику, привлекая слова из отдельных областей знания (3-я группа). Четвертая группа невелика и представлена единичными примерами.

Анализ неологизмов, вошедших в последнее издание орфографического словаря, с точки зрения происхождения инноваций, показывает, что больше половины слов образованы при помощи средств датского языка. Самым распространенным способом создания новых лексических единиц является основосложение. Приблизительно половина всех новых слов-композигов представляет собой сочетание существительных. Однако встречаются и сочетания других частей речи: глагол + существительное (*venteafdeling* 'отделение больницы, где пациенты ждут перевода в другую больницу'), прилагательное + существительное (*fjernundervisning* 'заочное обучение при помощи компьютера'), существительное + прилагательное (*konflikttsky* 'избегающий конфликтов'). Реже встречаются другие комбинации: наречие + существительное (*alenefader* 'отец-одиночка', *alenemoder* 'мать-одиночка'); местоимение + существительное (*selvopfattelse* 'представление о самом себе, самооценка'), числительное + существительное (*andengeneration* 'второе поколение'). Зафиксировано три примера сочетания междометие+существительное (*ahaoplevelse* 'неожиданное узнавание, просветление', *fyord* 'неприличное слово', *hovsalsøsning* 'необдуманное решение').

Особенностью скандинавских языков, в частности датского, является многочленная модель. Среди новых слов, зафиксированных словарем, они также есть (*andengenerationsindvandrer* 'иммигрант второго поколения', *andetårsstuderende* 'студент второго курса', *bogklubudgave* 'издание, предназначенное для членов общества книголюбов'). Но, совершенно очевидно, что потенциально таких композигов в языке существует гораздо больше.

Значительную часть новой лексики составляют сложносокращенные слова, которые употребляются в основном в области политики и в системе образования. Это инициальные слова (*AF* – *arbejdsformidling* 'бюро по трудоустройству'), частично-сокращенные слова (*cd-afspiller* 'проигрыватель для компакт-дисков'), различного рода морфемные сокращения (*alkoambulatorium* 'амбулаторное отделение для лечения от алкоголизма').

Широкое распространение в последние годы получило создание новых лексических единиц путем усечения (*demo* от *demonstration* 'демонстрация, показ', *deprim* от *deprimeret* 'находящийся в состоянии депрессии', *aku* от *akupunktur* 'акупунктура', *key* от *keyboard* 'клавиатура (компьютера)', *døgner* от *døgnkiosk* 'небольшой магазин, часы работы которого превышают часы работы обычного магазина'). Особенно много усеченных слов встречается в разговорной речи. В последние 10–20 лет

усеченные слова часто используются для создания композитов (demobånd ‘пленка с демонстрационной версией’, infomøde ‘информационное заседание’). Большое распространение получили композиты с первыми элементами bio- и øko-, которые П. Ярвад называет «крипторнями»,⁵ по-видимому, образованные путем усечения. При этом с помощью элемента bio- создано 6 новых слов, а с элементом øko- не зафиксировано ни одного нового слова, хотя композиты с этим элементом встречаются повсюду: на страницах газет, в радио- и телепередачах, в рекламе. Объясняется это, очевидно, тем, что не определился еще статус этих слов в языке и речи.

В последние годы в датском большое распространение получили телескопические слова. Большинство из них не вошло в язык, хотя некоторые широко использовались в письменной и устной речи. Поскольку создавались они большей частью не для номинации, а чтобы вызвать эффект за счет неожиданного сближения разных понятий, переосмысления реальностей, в литературный язык вошло всего несколько таких слов, например: infoteria (information + cafeteria) ‘небольшое кафе на автомагистрали, в котором можно получить информацию о погоде и расписании движения паромов’, parkomat (parkometer + automat) ‘счетчик на автостоянке’. Ряд телескопических слов был заимствован из английского, например, brunch (breakfast + lunch) ‘поздний завтрак’, или ‘завтрак, совмещенный с обедом’.

Несмотря на то, что в литературный язык проникли слова, образованные путем морфемного сокращения, усечения и телескопические слова, все эти явления более характерны для разговорной речи.

В последние годы получили значительное распространение слова со вторым элементом -bevidst, -effekt, -ideologi, -pakke, -pleje, -rigtig, -strategi, -syndrom, -tække, -venlig, и с первым элементом kultur-, natur-, nøgle-. На примере этих корней, часть которых, по-видимому, находится на пути превращения в аффиксы, можно наблюдать дальнейшее развитие процесса делексикализации. Особенно ярко эти процессы отражаются зафиксированными словарем неологизмами со вторыми элементами -tække (børnetække – han har børnetække ‘его любят дети’, publikumstække – han har publikumstække ‘он нравится публике, он любимец публики’, ранее в языке были модели herretække (dametække), -venlig (læservenlig ‘приятный для чтения’), а также уже приведенные выше примеры со вторым элементом -kvinde.

Наиболее продуктивным префиксом является *u-* (13 новых слов), далее следуют *de-* (6 слов), *ge-* (6 слов), *gen-* (6 слов), *sam-* (4 слова), *mis-* (3 слова).

Наиболее активными суффиксами являются *-er* и *-ist*, которые используются для обозначения лица по профессии, привычному занятию, наклонностям и т.п. Самым активным суффиксом при образовании неологизмов – названий действия по-прежнему является *-(n)ing*. Наиболее активен глагольный суффикс *-ere*.

Среди новых слов встречаются также случаи перехода в другую часть речи (*allergen* ‘аллерген’ стало также прилагательным со значением ‘вызывающий аллергическую реакцию’, *autonom* ‘автономный’ – существительным, обозначающим члена определенной молодежной группировки). Зафиксирована небольшая группа глаголов, образованных от существительных по конверсии: *soache* ‘тренировать’ от английского *coach* ‘тренер’. Эта модель чрезвычайно продуктивна в разговорной речи, но в словарь вошли лишь единичные примеры.

Одной из ярких особенностей современного периода является широкое распространение обратного словопроизводства. При этом необходимо заметить, что если раньше такие образования благодаря своей компактности были характерны в основном для газетного стиля, то теперь они завоевывают все больше места в самых разных сферах. Очень многие из глаголов, образованных от композитов, зафиксированы словарем: *antistatbehandling* → *antistatbehandle* ‘проводить антистатическую обработку’, *bombesprængning* → *bombesprænge* ‘взрывать бомбами’, *ferielukning* → *ferielukke* ‘закрывать на время отпуска’, *fremtidssikring* → *fremtidssikre* ‘обеспечивать будущее’, *lokalbedøvelse* → *lokalbedøve* ‘сделать местное обезболивание’.

Наиболее распространенными случаями семантических изменений среди рассматриваемых неологизмов являются следующие:

1) появление нового значения на основе метафорического употребления наименования (*arkitekt* ‘архитектор’ широко используется в значении ‘создатель, автор’, по-видимому, под влиянием английского, подобное метафорическое употребление слова *архитектор* зафиксировано и в русском языке; *discountuddannelse* ‘второсортное образование’, исходной моделью послужило *discountbutik* ‘магазин с низкими ценами, дешевый магазин’);

2) появление нового значения на основе сужения, специализации или расширения объема значения (заимствованное из английского *carport* использовалось для обозначения навеса для автомобилей, в настоящее

время происходит расширение значения этого слова: оно обозначает как навес для машин, так и гараж).

Неологизмы, заимствованные в виде готовых единиц, являются либо внутренними заимствованиями, о которых говорилось выше, либо внешними.

Огромное количество английских заимствований привело в Дании к бурным дискуссиям о судьбе датского языка. На протяжении последних лет высказывались диаметрально противоположные мнения: от озабоченности тем, что датский язык может прекратить свое существование, до абсолютной уверенности в том, что английский, а точнее американский вариант английского, не оказывает никакого серьезного влияния на датский. Анализ произведений художественной литературы и газетных текстов говорит о том, что английские заимствования составляют лишь 1–2% от общего количества слов. В языке рекламы, напротив, используется большое количество заимствований из английского (до 40% от общего количества слов).⁶ Среди неологизмов, представленных в новом орфографическом словаре, не более 3% новых слов представляют собой готовые единицы, заимствованные из английского. Наряду с этими заимствованиями часто встречаются кальки (tæppebombning 'ковровая бомбежка', англ. carpet bombing; hjernestorm 'мозговая атака', англ. brainstorming), но они созданы при помощи словообразовательных средств самого датского языка и очень редко воспринимаются носителями как слова, пришедшие из английского. Довольно трудно определить количество калек среди вошедших в словарь неологизмов, поскольку имеется целый ряд спорных случаев, но, по приблизительным подсчетам, слова, в которых заимствованная структура облекается исконным материалом, составляют в среднем около 15–20% от общего числа включенных в словарь неологизмов.

Наибольшее количество слов было заимствовано в компьютерной области, в области культуры и моды.

В целом можно сказать, что заимствования последних лет распадутся на две группы: 1) заимствования, которые обозначают новые в жизни явления и процессы и соответственно не имеют датского наименования, а представляют собой тот случай, когда явление было заимствовано вместе со словом (aerobic 'аэробика', batch 'пакет, группа программ'); 2) заимствования, возникшие под влиянием моды параллельно с датским словом и конкурирующие с ним. Так появилось, например, слово coach 'тренер' при наличии датского træner, слово event 'событие' при наличии датского begivenhed. В большинстве случаев невозможно на нынешнем

этапе заметить дифференциации значений в таких парах. Иногда в них наблюдается тенденция к некоторой стилистической дифференциации, так что английское слово используется в книжном, официальном стиле, а датское – в разговорной речи. Но довольно часто английское слово используется потому, что говорящий считает его более «престижным».

Характерная особенность последних лет – появление заимствований из арабского, турецкого, хинди, греческого, итальянского, испанского языков, что связано с целым рядом экстралингвистических факторов. Из русского языка на протяжении последнего периода были заимствованы следующие слова: *blini* (форма мн.ч. в русском стала формой ед.ч. в датском), *datja* (дача), *perestrojka*.

Таким образом, наиболее характерными особенностями последних 10–20 лет являются следующие: 1) массив номинаций датского литературного языка значительно расширился за счет перехода в литературный язык слов из специальных языков (внутренние заимствования), а также за счет возникновения новых понятий, связанных с более глубоким познанием действительности; 2) тенденция к экономии языковых средств реализуется в использовании разного рода аббревиатур, в усечении слов, в использовании однословных номинаций вместо описательных обозначений, а также в очень широком использовании ретроградного словопроизводства; 3) внутриязыковая тенденция к унификации средств выражения проявляется в пополнении рядов, серий системных номинаций, в действии аналитического способа образования; 4) наиболее распространенным видом семантической деривации является создание новых значений слов на основе метафорического переноса наименования; 5) количество английских заимствований относительно невелико, в большинстве случаев используются кальки – датский предпочитает облекать заимствованное слово в исконный материал.

Примечания

¹ *Riber Petersen P. (Jarvad P.) Nye ord i dansk 1955–75: Dansk Sprognævns skrifter. № 11. København, 1984. 678 s.*

² *Jarvad P. Nye ord i dansk – hvorfor og hvordan? København, 1995. 346 s.*

³ *Retskrivningsordbogen, Dansk Sprognævn. København, 1996. 669 s.*

⁴ *Retskrivningsordbogen, Dansk Sprognævn. København, 1986. 622 s.*

⁵ *Jarvad P. Op. cit. s. 209.*

⁶ *Jarvad P. Op. cit. s. 103–111.*

Om nogle tendenser i udviklingen af det moderne danske ordforråd

I artiklen beskrives der nogle tendenser i det danske ordforråds udvikling. Materialet er af ca. 3000 nye opslagsord som den nye udgave af Retskrivningsordbogen (1996) er blevet forøget med. Der behandles semantiske ændringer, orddannelse og engelsk indflydelse i moderne dansk.

Дж. Томсен

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ФАРЕРСКОГО ЯЗЫКА*
(Проблемы пуристической лексикографии)

В 1998 г. вышел в свет толковый словарь фарерского языка – Føroysk orðabók. Red. Jóhan Hendrik Winther Poulsen, Marjun Simonsen, Jógvan í Lon Jacobsen, Anfinnur Johansen og Zakaris Svabo Hansen. Tórshavn: Føroya Fróðskapar-felag, 1998. 1483 s.

Со времени выхода первого печатного фарерского словаря – фарерско-датского словаря Я. Якобсена (Jakobsen, 1891) издано несколько фарерско-иноязычных словарей (фарерско-датский, фарерско-английский, фарерско-норвежский, фарерско-шведский) и иноязычно-фарерских (датско-фарерские, англо-фарерские). Рецензируемый словарь является первым одноязычным – толковым словарем фарерского языка.

Пуризм. С начального периода возникновения новофарерского письменного языка языковая политика и языковое строительство харак-

* На фарерском языке в настоящее время говорит около 50 тысяч человек, 90% которых живет на Фарерских островах, расположенных в Атлантическом океане примерно посередине между Шотландией и Исландией. Фарерский язык относится к западно-скандинавской языковой подгруппе и всего ближе к исландскому. Вместе с тем показательно, что ни фарерцы не понимают устную исландскую речь, ни исландцы фарерскую.

Фарерские острова административно входят в состав Дании, но обладают широкой автономией. На протяжении многих веков официальным языком на островах был датский; он и по сей день играет очень важную роль. Все фарерцы практически двуязычны, более того, средний фаререц больше читает по-датски нежели по-фарерски. Естественно поэтому, что для множества понятий до недавнего времени в фарерском языке не было обозначений. Теперь, когда фарерский язык стал основным языком островов, делаются попытки создать свою научно-техническую терминологию. Нередко такой новый термин призван вытеснить существующий и широко используемый датский. Фарерские пуристы используют для пропаганды новых терминов словари, зачастую игнорируя распространенные термины датского происхождения. Этой проблеме и посвящена статья фарерского филолога Джонни Томсена.

теризовались пуризмом. Это явление имело и имеет решающее значение для фарерской лексикографии.

Условно можно выделить два типа пуризма: 1) умеренный пуризм, прежде всего концентрирующийся на создании новых слов для обозначения новых явлений или на расширении значения существующих слов; 2) крайний пуризм, который, помимо названного направления, пытается освободить существующий язык от иноязычных элементов. Фарерский пуризм всегда был второго, радикального типа.

Первая цель фарерского пуризма — препятствовать проникновению определенной части лексики в письменный язык и заставить пишущих употреблять пуристические неологизмы. Здесь успех бесспорен.

Вторая цель — вытеснить определенные лексические элементы из обиходного языка или заменить их неологизмами. Успехи в этом направлении достаточно скромны.

В этом расхождении и кроется причина фарерской диглоссии.

Фарерская диглоссия. Фарерская диглоссия — это параллельное существование двух разновидностей языка, функционально комплементарных и значительно различающихся, преимущественно в лексическом отношении.

Первую разновидность условно назовем *фарерской устной речью*, под которой понимается некодифицированный устный стандартный язык, охватывающий все социальные и диалектные варианты, принятый всем языковым социумом как средство устного общения и являющийся родным языком для всех фарерцев.

Вторая разновидность встречается прежде всего в письменном виде и представлена как *письменная речь*. Это значит, что даже в своей устной форме она, как правило, подготовлена заранее, например в радио- и телепередачах, официальных выступлениях и т.п. Ниже под *письменной речью* будут иметься в виду все реализации этой разновидности, в том числе и устная, т.е. чтение письменных текстов.

Различия между фарерской устной и письменной речью проявляются в области лексики, где отмечается следующее:

1) количественно весьма значительный слой нейтральной лексики в устной речи, не допущенный в письменную речь по причине иностранного происхождения лексем. Между тем этот слой вместе с общими для устной и письменной речи словами составляет ядро фарерской лексики;

2) обилие интернационализмов, свободно употребляемых в нейтральной устной речи, но только в ограниченных случаях допускаемых в письменную;

3) значительное количество пуристических неологизмов в письменной речи, лишь в ограниченных случаях встречающихся в устной речи;

4) большое количество пар, в том числе и обозначающих вполне бытовые понятия, членами которых являются слово устной речи, ~ письменное слово (например *bilett* – *atgongumerki* ‘входной билет’; *ferðasedil* ‘проездной билет’), слово устной речи ~ общее слово (например *forsvinna* – *hvørva* ‘исчезать’) или, в редких случаях, общее слово ~ письменное слово (например *AIDS* – *eyðkvæmi* ‘СПИД’).

Функционально эти разновидности относятся к разным сферам употребления. В беседе «один на один» и т.п. (за исключением некоторых интервью и т.п.) всегда используется устная речь, даже в официальных ситуациях. На письме, в радио- и телепередачах, в разного рода выступлениях и т.п., используется вторая разновидность, т.е. письменная речь. Таким образом, в фарерском языке нет единого литературного устного варианта, как, например, в русском. Структурно наблюдается взаимопроникновение различной глубины этих разновидностей языка. Функционально же ситуация, напротив, представляется стабильной.

Диглоссия в фарерских словарях. Диглоссия является основной проблемой фарерской лексикографии. Фарерские лексикографы, следуя строго пуристической линии, решали эту проблему, игнорируя устную речь. Описывалась почти исключительно лексика письменной речи и общего лексического слоя. Следовательно, большое количество слов устной речи в словари не включалось. Это обстоятельство привело к тому, что в словниках фарерско-иноязычных словарей отсутствовало значительное количество центральных элементов фарерской лексики, а в иноязычно-фарерских словарях появились неточности и неясности в переводах (Thomsen, 1986; 1992; 1993). Первый словарь, который нарушил эту традицию, – это англо-фарерский словарь уй Скоала и др. (í Skála et al., 1992), где в качестве эквивалентов впервые были приведены некоторые единицы устной речи и интернационализмы. Однако это было осуществлено не вполне последовательно и недостаточно систематично. В датско-фарерский словарь Я. Петерсена (Petersen, 1995) такие единицы были включены в еще большем количестве и еще более систематично. Это вызвало резкую критику многих сторонников пуризма, которые сочли такой словарь угрозой чистоте фарерского языка.

Главная цель настоящей рецензии – исследовать, как первый толковый словарь фарерского языка подходит к проблеме пуризма и диглоссии.

Пуризм и фонетика. Пуристические традиции фарерской лексикографии отражаются не только в выборе слов, но в известной мере и в передаче их произношения.

Фонологическая система для обеих разновидностей языка общая. Рецензируемый словарь в передаче произношения всего ближе стоит к англо-фарерскому словарю уй Скоала и др. (í Skála et al., 1992), так как в некоторых случаях приводит несуществующее произношение. Этого нет в датско-фарерском словаре Петерсена (Petersen, 1995).

В фарерской фонологической системе долгие гласные фонемы /a:/ и /y:/ занимают особое положение, так как встречаются только в словах иностранного происхождения, в том числе в именах и фамилиях, а также в некоторых высокочастотных словах, как, например, *haga* ‘заяц’; *dysa* ‘форсунка; насадка’ (слова *dysa* в словаре нет, хотя в речи оно встречается часто).

Словарь по-разному отражает эти два звука. В перечне фонетических знаков на с. 15 [a:] приводится. В отдельных случаях этот звук приводится и в тексте, например *kraní* [-a:-] ‘кран’. Знака же [y:] в перечне нет, и даже в таком слове, как *spryt* ‘бушприт’, ни произношение [y:], ни какое-либо другое не дается.

Во многих случаях отсутствие транскрипции в словаре дает неверное представление о произношении. Фарерские буквы *á* и *ú* в исконно фарерских словах обозначают соответственно дифтонги [ɔa] (в так называемом долгом чтении, т.е. в открытом слоге или перед кратким согласным) и [ui], но в словах иностранного происхождения они обозначают соответственно [a:] и [y:]; так, например, слова *arábiskur* ‘арабский’, *slávískur* ‘славянский’ произносятся с [a:], а не с [ɔa]; слова *akrýl* ‘акрил’ *týpiskur* – с [y:], а не с [ui]. На каких критериях основано частичное исключение одного и полное исключение другого из состава объективно существующих фарерских гласных, остается неясным.

Если можно привести хоть какие-то аргументы в пользу исключения вышеупомянутых «иностранных» звуков, то углублению этой тенденции удовлетворительное объяснение можно найти разве что с точки зрения пуризма. В некоторых случаях в словах иностранного происхождения безо всяких на то оснований одни исконно фарерские звуки заменяются другими, также фарерскими. Словарь дает без транскрипции, например, слова *pólskur* ‘польский’, *jón* ‘ион’. Написанные таким обра-

зом слова по-фарерски можно прочесть одним способом – с [ɔi]. Но фарерцы на самом деле в этих случаях произносят [o:], т.е. звук сходный с датским. Видимо, здесь пуризм выполняет свою «отделяющую» функцию (см., например, Thomas, 1991; 54), задача которой максимально отдалить фарерский язык от датского.

Произвольное обращение авторов с фарерской фонетикой – доказательство разрыва между теоретическими основами фарерского пуризма и научными взглядами на фарерскую фонетику.

Разговорная речь в словаре. Вышеупомянутые словари уй Скоала и др. и Петерсена значительно расширили словник фарерских словарей. Они появились в результате новых, возникших в конце 1980-х годов, сдвигов в фарерском лексикографическом мышлении. Не случайно первые практические результаты дали именно иноязычно-фарерские словари, где наиболее заметны слабость и спорность пуристического лексикографического подхода (Thomsen, 1986).

Во введении к рецензируемому словарю об отборе слов пишется следующее: «... в большей степени, чем раньше, включены интернационализмы и слова из разговорного языка (*talað mál*) с иноязычными корнями. Эти слова, как правило, снабжены пометой (*tlm.*)».

Заявляется, таким образом, об отходе от прежних официальных пуристических позиций в сторону нового понимания задач фарерской лексикографии. Однако не совсем ясно, что имеется в виду под словом *раньше*. Если речь здесь идет о фарерско-иноязычных словарях, то это верно. Но если имеются в виду фарерские словари вообще, то и словарь уй Скоала и др., и словарь Петерсена включают очень много таких слов; бесспорно также, что у Петерсена значительно больше интернационализмов, чем в рецензируемом словаре. К тому же, рассматриваемый словарь включает весьма ограниченное количество слов нейтральной лексики устной речи. В эту группу с пометой (*tlm.*) входят, например, и заимствование *forstanda* ‘понимать’, являющееся в устной речи стилистически нейтральным, и фарерское по происхождению стилистически сниженное слово *smalur* ‘глупый’. Иными словами, в словарь включены и нейтральная лексика устной речи, не допущенная в письменный язык по причине иностранного происхождения, и стилистически окрашенные слова чисто фарерского происхождения, которые составляют часть общего состава лексики устной и письменной речи, но сфера применения которых по причине стилистической окраски сужена.

В этом, на мой взгляд, заключается принципиальная ошибка редакции: не делается различия между не допущенными в письменный язык

нейтральными словами устной речи и стилистически сниженными словами общего словарного состава. Этим редакция устраняет едва ли не самую важную границу в фарерской лексике, а ведь именно этой чертой фарерский язык отличается от английского, русского, датского и многих других языков.

Кроме слов вышеупомянутых типов в эту группу попало также, например, слово *analfabetur* 'неграмотный', которое фарерцами воспринимается как явно иностранное со специальным значением. И в эту же группу включено такое слово как, например, *fakfelag* 'профсоюз', которое, вопреки указаниям словаря, свободно употребляется даже в передачах новостей по радио и телевидению как нейтральное слово общего лексического состава. Создается впечатление, что у редакции нет четко разработанных критериев в применении пометы (*tlm.*).

Предметы обихода. Все изданные до сих пор фарерско-иноязычные словари, как и первые иноязычно-фарерские словари [av Skarði, 1967; 1984] отличаются избирательным подходом к предметам современного быта. Названия многих таких предметов являются заимствованиями, и по этой причине большая часть слов этой области не отражается в упомянутых словарях.

Настоящий словарь, идя по стопам словарей уй Скоала и др. и Петерсена, включает значительно больше единиц из этой сферы, чем предыдущие словари с фарерским языком как входным. В нем действительно много слов из современного фарерского быта. Тем более странным кажется отсутствие некоторых высокочастотных слов, например, названия самого распространенного (и не только на Фарерах) – предмета одежды наших дней – *cowboynbuksur* 'джинсы'.

С точки зрения пуризма было бы вполне логично и объяснимо, если бы те или иные слова не включались по причине их иностранного происхождения. Однако среди помещенных в словарь слов, обозначающих предметы быта, встречается очень много слов нефарерского происхождения. Тогда непонятно, почему, например, есть *konjak* 'коньяк', но нет *whisky* (или *viski*, как пишут некоторые) 'виски'; *sofa* 'софа' есть, а *divan* 'тахта' нет, хотя оба слова одинаково распространены. И тем более, если смотреть шире на разные стороны обиходного языка, непонятно почему, например, слово *opera* 'опера' есть, а слово *balett* 'балет' отсутствует. Чем эти не допущенные в словарь слова отличаются от многих других слов иностранного происхождения, которые приводятся в словаре, понять трудно.

Словарь унаследовал традиции фарерского пуризма – вместо пространенного названия предмета повседневной жизни приводится перевод, либо – чаще всего – калька. Так, в словаре нет слова *hoftahaldari* ‘пояс (для чулок)’ которое употребляют все фарерки, но зато есть довольно нелепый эквивалент *mjadnahaldari*, который скорее вызывает смех. Продолжим тему дамских аксессуаров. Фарерские словари дают разные варианты, когда речь, например, идет о губной помаде, но ни в одном из них, в том числе и в рецензируемом, нет слова, фактически употребляемого всеми фарерками, а именно *lepastift*. Вместо этого даются переводы и кальки, в рассматриваемом – *varrasmursl* и *varrastift*. Слово *brósthaldari*, которое фарерцы не употребляют, есть, а *brósthaldari* ‘лифчик’, которое все употребляют, отсутствует. Причина здесь, видимо, кроется в механическом создании сложных слов (первый член слова в этом случае обязательно должен быть в форме родительного падежа множественного числа), и не учитывается реальная гибкость фарерского языка в этом отношении.

Несмотря на включение относительно большого количества слов вышеупомянутых типов, все же складывается впечатление произвольности отбора слов. Поэтому словарь дает не вполне правильное представление о современной фарерской повседневной жизни, но при этом, напротив, дает детальное, подробное изображение старого крестьянского быта.

Неологизмы. Одной из главных целей фарерского пуризма было и остается создание новых слов – или для замены существующих и употребляемых слов иностранного происхождения, или для обозначения новых понятий. Этот процесс охватывал и охватывает все области жизни: от наименований элементов домашнего быта до языка техники и науки. Одни неологизмы прижились – чаще всего, хотя и не только – в письменном языке, другие так и остались мертвыми словами в словарях или отдельных изолированных текстах.

Сферы употребления фарерского языка по известным демографическим причинам (население страны сейчас составляет около 45 тысяч человек) намного уже, чем у многих литературных языков, и поэтому неологизмы, созданные, например, для многих отраслей науки или техники, часто в речи фактически не употребляются и не оставляют никаких следов.

На мой взгляд, одна из главных задач любого словаря фарерского языка – четко различать неологизмы, вошедшие в общий словарный со-

став языка, неологизмы, употребляемые в основном в письменной речи и неологизмы, которые существуют только на страницах словарей.

Рассматриваемый словарь оказался не в состоянии сделать это.

И проблема здесь не в самих неологизмах. В широких слоях фарерского общества создание пуристических неологизмов в принципе, хотя не всегда на практике, поддерживается. Проблема в *лексикографическом подходе* к неологизмам.

Наглядным примером являются слова со значением ‘телефон’. Когда-то в начале нашего века делались попытки заменить *telefon* словом *máltráður* (*mál* ‘язык, речь’, *tráður* ‘нить’). Одно время *telefon* употреблялось как общее слово, а *máltráður* находило ограниченное употребление в письменной речи. Потом последнее слово полностью вышло из употребления, и сейчас его вряд ли можно встретить даже в современном письменном языке. Другая, более поздняя попытка, состояла в замене слова *telefon* словами *gøðil* или *fjarðil* (ср. *gøða* ‘говорить’, *fjar* ‘дальний’). Они в еще меньшей степени, чем *máltráður* были приняты обществом, даже в письменной речи. Тем не менее все три слова приводятся в словаре без каких-либо помет, словно они являются частью активного лексического состава фарерского языка. Они также приводятся как синонимы в толковании слова *telefon*. Таким образом, затушевывается тот факт, что *telefon* – единственное реально употребляемое слово в современном фарерском языке.

Во многих случаях словарь просто вводит читателя в заблуждение. Например, согласно словарю, микроволновая печь по-фарерски называется *erbylgjuovnur*. На самом деле, это редкий пуристический неологизм, находящийся на грани идиолектизма, абсолютно неизвестный подавляющему большинству фарерцев. А слово *mikrobylgjuovnur*, фактически употребляемое в фарерском языке, не включено в словарь вообще. Таким образом, и давно вошедшие в общий состав слов неологизмы, как, например, *telda* ‘компьютер’, и мало чем отличающиеся от идиолектизмов неологизмы, как, например, *gavindi* ‘электроника’, *teknindi* ‘(компьютерная) графика’, приведены без каких-либо помет, что создает впечатление, будто это единицы одного уровня употребительности и одного частотного ранга.

Заключение. Важнейшая задача фарерской лексикографии – найти решения словарных проблем, которые возникают как следствие пуризма и диглоссии. Лексикографы должны либо привести убедительные аргументы в пользу описания лишь письменного языка и общего состава

слов в словарях, либо дать удовлетворительную трактовку всего лексического состава фарерского языка.

Рецензируемый словарь во многом оказался половинчатым. С одной стороны, он ушел далеко вперед от прежнего пуристического канона фарерских словарей, с другой – он еще не стал словарем, описывающим современный фарерский язык таким, каков он есть. К тому же авторы не осознали, что для лексикографического описания фарерского языка с его социолингвистическими и демографическими особенностями требуется иной лексикографический подход, нежели тот, что принят для европейских литературных языков. Поэтому, при всех бесспорных достоинствах нового словаря, слабо разработанная теоретическая основа лексикографических принципов привела к ряду непоследовательностей и противоречий.

Литература

- av Skarði J.* Donsk-føroysk orðabók. Tórshavn, 1967; 2. útg. 1977.
av Skarði J. Ensk-føroysk orðabók. Tórshavn, 1984.
í Skála A., Mikkelsen J., Wang Z. Ensk-føroysk orðabók. Tórshavn, 1992.
Jakobsen J. Ordsamling og register // Hammershaimb V.U. Færøsk antologi. II. København, 1891 (фототипич. переиздание 1947 г.).
Petersen H.P. Donsk-føroysk orðabók. Tórshavn, 1995.
Thomas G. Linguistic Purism. London; New York, 1991.
Thomsen J. Eitt sindur urn orðabókagerð // Málting. (Tórshavn). 1993. № 7.
Thomsen J. Ensk-føroysk orðabók // Brá. № 8. Tórshavn; København, 1986.
Thomsen J. Problems of Faroese Lexicography // Proceedings of the Seventh International Conference of Nordic and General Linguistics in Tórshavn, 7–11 August 1989. Vol. 2. Tórshavn, 1992.

Johnny Thomsen

Етспрогет færøск орdbог (Problemer i puristisk leksikografi)

Anmeldelsen af bogen «Føroysk orðabók. Red. af J.H.W. Poulsen et al. Føroya Fróðskaparfelag» (Tórshavn, 1998) giver en kort beskrivelse af færøsk purisme og den deraf følgende diglossi og den særlige problemstilling, de skaber for færøsk leksikografi. Ordbogens behandling af områder som udtaleangivelse, talesprog, hverdagssprog og puristiske neologismer beskrives. Der påvises nogle særlige træk ved ordbogens leksikografiske principper. Dens forhold til den puristiske færøske leksikografiske tradition og de nye leksikografiske synspunkter belyses.

К ВОПРОСУ О ПРОДУКТИВНЫХ МОДЕЛЯХ ГЛАГОЛЬНОГО ШВЕДСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Лексический фонд современного шведского языка пополняется главным образом в результате словообразования и различного рода заимствований, в основном из английского языка. При этом ведущая роль в словообразовании, безусловно, принадлежит основосложению, поскольку возможности шведского языка в создании композитов практически безграничны. Однако, обращаясь к глагольному словообразованию, невозможно не отметить обширную группу отыменных и, в первую очередь, отсубстантивных глаголов, которая, возникнув еще в древнешведский период, продолжает активно пополняться и в современном шведском языке (тип: *fisk* 'рыба' – *fiska* 'ловить рыбу').

Способность образовывать подобные глаголы свойственна и целому ряду других языков, но при этом в работах по словообразованию наблюдаются различия в атрибуции данной словообразовательной модели. Наиболее часто возникновение подобных глаголов в языке признается в нашей лингвистике результатом конверсии, т.е. замены субстантивных словоизменяемых морфем на глагольные без использования словообразовательных суффиксов. Думается, что с особенной наглядностью убедительность такого подхода демонстрирует материал английского языка (*salt* – *to salt*). Заметим, однако, что даже здесь существуют различные точки зрения.¹ Как результат конверсии обычно рассматриваются французские отыменные глаголы на *-er* (*dame* – *damer*).² У исследователей немецкого языка единая позиция, судя по всему, отсутствует. М.Д. Степанова и В. Фляйшер считают конверсию особым случаем имплицитной деривации и отмечают ее особую продуктивность в сфере отглагольной деривации существительных.³ В то же время, говоря об отсубстантивных глаголах, они рассматривают глаголы типа *ackern*, *baggern*, *färben* в разделе, посвященном деривации с *-(e)n-*, уже не упоминая о конверсии.⁴ А А.Л. Зеленецкий и П.Ф. Монахов о глаголах типа *salzen* уже прямо говорят как о суффиксальных глаголах.⁵

На скандинавском материале единая позиция в данном вопросе также отсутствует. Автор «Норвежской лексикологии» В.П. Берков считает такие глаголы, как *sporte* (от *sport* 'спорт') и *kontakte* (*kontakt* 'кон-

такт'), образованными по конверсии от соответствующих существительных.⁶ В то же время исследователи современного датского языка рассматривают глаголы типа *grille* (от *grill* 'гриль'), как результат аффиксального словопроизводства.⁷ Эту же точку зрения практически единодушно разделяют и современные шведские лингвисты. Классик шведского языкознания Адольф Нурен исследует 1118 отсубстантивных глаголов в разделе, посвященном глагольному суффиксу -а.⁸ Таким же образом этот материал, как правило, подается и в современных шведских исследованиях, посвященных словообразованию. Иногда, правда, он сопровождается оговорками. Так, например, Р. Сёдерберг отмечает, что морфему -а нельзя рассматривать как обычный суффикс, поскольку, строго говоря, это – глагольное окончание.⁹ В то же время в небольшом разделе, посвященном переходу слов в другую часть речи, среди важнейших типов такого перехода в шведском языке Сёдерберг выделяет переход прилагательных и глаголов в класс существительных, а также переход существительных и наречий в класс прилагательных, совсем не упоминая об отсубстантивных глаголах.¹⁰

На общем фоне выделяется подход Э. Вессена, который в «Истории шведского языка» хотя и не говорит о конверсии, но видит здесь разновидность обратного словопроизводства, отмечая, что «с древних времен глаголы можно было очень просто образовывать от существительных, всего лишь добавляя к их основам глагольные окончания (к инфинитиву -а и т.д.)».¹¹ Особая позиция Э. Вессена, очевидно, объясняется тем, что он анализирует исторический материал. Аналогичный подход к «старой» шведской лексике наблюдается и у С.С. Масловой-Лашанской, считающей глаголы типа *fiska* 'ловить рыбу' или *gåsta* 'гостить' образованными от соответствующих существительных путем конверсии. Но в то же время она отмечает, что подобные им «молодые» глаголы уже являются результатом суффиксального словопроизводства, и объясняет это тем, что «старая флексия 2-го лица мн.ч. -en уже не является живым элементом грамматической системы шведского языка, и потому -а, входящее в систему всех форм глаголов первого спряжения, нужно признать для современного языка глагольным словообразовательным суффиксом».¹²

Необходимо подчеркнуть, что речь о первом спряжении слабых глаголов идет здесь далеко не случайно. Дело в том, что, в отличие от исторического материала Э. Вессена, где хоть и редко, но все же встречаются глаголы из других спряжений, в современном языке все интересующие нас глаголы изменяются именно по первому спряжению. Первое

спряжение слабых глаголов уже в древнешведский период отличалось особой устойчивостью, и на протяжении всей истории шведского языка именно к этому спряжению тяготело подавляющее большинство глагольных новообразований и заимствований, а на сегодняшний день оно просто является единственным продуктивным спряжением шведского языка. Говоря о первом спряжении, целесообразно отметить, что та самая морфема -а, которая присоединяется к основе существительного при образовании от него глагольного инфинитива, исторически являлась в этом спряжении, в отличие от других, основообразующим суффиксом, который в древнешведском доминировал в парадигме, а в современном языке представлен во всех существующих словоизменительных формах.

Современные шведские лингвисты продолжают считать морфему -а суффиксом германского происхождения и соответственно рассматривают образованные с ее помощью отсубстантивные глаголы в разделе «Аффиксальное словопроизводство». У Туреля, например, пишет: «Суффикс -а наиболее обычный и самый продуктивный из образующих глаголы суффиксов. Он может присоединяться к существительным и прилагательным германского происхождения».¹³ Думается, что, когда речь идет о современном шведском языке, следует присоединиться к данному мнению и признать морфему -а не только грамматическим, но и словообразовательным показателем. При помощи суффикса -а шведский язык может образовывать глаголы практически от любой части речи: *banda* ‘записывать на пленку’ (от существительного *band*), *lugna* ‘успокаивать’ (от прилагательного *lugn*), *dua* ‘обращаться «на ты»’ (от местоимения *du*), *heja* ‘болеть за кого-либо, выкрикивая «хей!»’ (от междометия *hej*) и т.п. Однако особый интерес представляет самая крупная и постоянно пополняющаяся группа глаголов, образованных от существительных.

В зависимости от семантики субстантивной основы при образовании глагола наблюдается тот или иной семантический сдвиг. Подробная классификация отыменных глаголов дана в работах У. Туреля и Р. Сёдерберга,¹⁴ поэтому ограничимся лишь некоторыми примерами. Так, именная основа может указывать на субъект действия (*turista* ‘быть туристом’), на объект занятий (*idrotta* ‘заниматься спортом’), на орудие действия (*borsta* ‘чистить щеткой’), на место назначения (*tanka* ‘наполнять бак, заправлять’), на то, чем снабжают или чего лишают (*sanda* ‘посыпать песком’, *bepa* ‘вынуть кости’) и т.п. Семантика отсубстантивного глагола во многих случаях определяется контекстом и может меняться с развитием языка. Например, глагол *golva* в XVII в. мог означать ‘снабдить полом, настелить пол’, а в современном языке он употребляется в значении ‘уло-

жить ударом на пол'. Кроме того, глагол может образовываться как от прямого, так и от переносного значения существительного: *bila* 'ехать на машине' (от *bil* 'машина'), но *torska* 'влипнуть, проиграть' (от *torsk* 'глу- пый человек' < *torsk* 'треска').

Исследуемая группа глаголов не вполне однородна по своему со- ставу и со словообразовательной точки зрения. В ней, безусловно, доминируют глаголы, образованные при помощи суффикса -а как от иско- нных, так и от заимствованных в разные периоды (в первую очередь, из германских языков) существительных. Но наряду с ними выделяется и ряд отсубстантивных глаголов, образованных первоначально при помо- щии суффикса -(is)era, а в дальнейшем претерпевших сокращение, в ре- зультате чего исходная форма могла либо вытесниться полностью (*krockera* → *krocka* 'столкнуться', *bojkottera* → *bojkotta* 'бойкотировать'), либо приобрести несколько отличную от нового глагола семантику (*bombardera* → *bomba* 'бомбардировать → бомбить').¹⁵ Иногда глагол сокращается в разговорном стиле настолько, что его именная основа так же претерпевает значительное изменение: *diskvalificera* → *diska* 'дисква- лифицировать', *ackompanjera* → *kompra* 'аккомпанировать'. В современ- ном языке существуют и своеобразные глагольные пары типа *charma* → *charmera* 'очаровывать', *chocka* → *chockera* 'шокировать'. При этом гла- голы с суффиксом -а, как правило, носят более разговорный характер. Можно предположить, что здесь наблюдается совпадение двух тенден- ций в развитии языка: стремление к более кратким формам выражения удачно сочетается с усилением роли морфемы -а в качестве словообразо- вательного суффикса.

Оставляя в стороне вопрос о способе образования сложных глаго- лов типа *atombomba* 'вести атомную бомбардировку', *färgfilma* 'снимать на цветную пленку', вызывающий дискуссии у шведских лингвистов,¹⁶ обратим все же внимание на глагол *hushålla* 'вести хозяйство'. Вторым компонентом этого композита является сильный глагол *hålla*, обладаю- щий соответствующими словоизменительными формами. Тем не менее глагол *hushålla* спрягается по первому спряжению слабых глаголов. Не- вольно напрашивается аналогия с глаголом *bita* 'делить на куски', также относящимся к первому спряжению в противоположность его более древ- нему омониму со значением 'кусать', являющимся сильным глаголом. Вполне вероятно, что «переход» глагола *hushålla* в первое спряжение, о котором говорит К. Грюнбаум,¹⁷ связан либо с образованием этого глаго- ла от существительного *hushåll* по рассматриваемой модели, либо с про-

стым выравниванием по аналогии, опять же вызванным высокой продуктивностью этой модели.

Отсубстантивные глаголы, образованные при помощи суффикса -a, широко представлены в толковых словарях шведского языка. Во многих случаях словари отмечают их принадлежность к разговорному стилю. Однако обращает на себя внимание тот факт, что целый ряд глаголов не имеет соответствующей пометы. Причем это относится как к более старой лексике типа *bila* 'ехать на машине', *posta* 'отправлять по почте', *köa* 'стоять в очереди', так и к достаточно новой. Посвященный вопросам шведского языка журнал «*Språkvård*» уже на протяжении ряда лет публикует подборки словарных статей, которые предполагается включить в новое издание словаря новейшей лексики, и среди заголовочных слов данной подборки легко обнаружить отсубстантивные глаголы, не имеющие стилистических помет, такие как, например, *bälta sig* 'пристегнуться ремнем', *faxa* 'отправить факс'. Очевидно, что значительное количество отсубстантивных глаголов уже является нормативным. Продуктивность данной словообразовательной модели особенно ярко проявляется при заимствовании шведским языком новейшей английской лексики. Именно стремлением шведских лингвистов адаптировать заимствования к шведской словообразовательной системе часто объясняется невозможность сохранения английской орфографии: *tejpa* 'приклеивать тейпом', *mejla* 'посылать электронное письмо', *blejda* 'кататься на роликах'. В шведском языке вполне допустимо было использовавшееся на протяжении ряда лет заимствованное из английского существительное *tape*, но как только встал вопрос о создании производного от него глагола с суффиксом первого спряжения -a, написать пришлось изменить.

Способность шведского языка создавать окказиональные отыменные дериваты отмечается с давних времен. В качестве яркого примера абсолютно корректного использования словообразовательных возможностей шведского языка Т. Юханниссон приводит телеграмму с сообщением о пожаре, произошедшем в Стокгольме в 1873 г. Стремясь к максимальной компактности, журналист Арвид Гумелиус наряду с использованием новых композитов изобретает и такие глаголы, как *utfönstra* 'выскочить из окна', *lasarett* 'отправить в больницу' и *knallfalla* 'внезапно умереть'.¹⁸ Последний глагол интересен еще и тем, что он образован от целого словосочетания *knall och fall* 'внезапно', часто употребляющегося, когда речь идет именно о смерти. Заметим также, что новый глагол спрягается автором по первому спряжению слабых глаголов в отличие от сильного глагола *falla* (ср. описанный выше глагол *hushålla*). Отсубстан-

тивные дериваты-новообразования легко обнаружить и у шведских писателей, как у классиков шведской литературы, так и у современных авторов. Например, Б. Лильестранд фиксирует у А. Стриндберга такие авторские неологизмы, как *kneкта* 'сделать солдатом' и *dränga* 'быть батраком у', а у Х. Мартинсона – *karusella* 'кружить'.¹⁹ По той же модели Т. Юнссон образует от существительного *sprutt* глагол *sprutta på* 'прибавить ходу',²⁰ а Я. Гйу – от существительного *diplomat* глагол *diplomata loss* 'высвободить путем дипломатии'.²¹

Приведенный материал показывает, с какой легкостью в шведском языке по данной модели могут образовываться новые единицы, постепенно входящие в лексический фонд, и окказионализмы. При безусловной неоспоримости ведущей роли словосложения в шведском словообразовании все же представляется возможным проведение здесь определенной параллели: словосложение обладает столь высокой продуктивностью в первую очередь за счет практически неограниченных возможностей шведского языка в создании синтаксических композитов; при образовании отсубстантивных глаголов также проявляется присущая шведскому словообразованию синтаксическая функция, и они в большинстве случаев могут считаться результатом синтаксической деривации,²² что во многом определяет продуктивность и перспективность данной словообразовательной модели. Заметим также, что здесь, как и в случае основосложения, можно говорить о существенном расхождении в словообразовательной системе шведского и русского языков. При переводе шведских отыменных глаголов на русский язык, в котором преобладает отглагольное образование, достаточно часто возникает необходимость кардинального изменения синтаксиса переводимого предложения.

Примечания

1. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 235.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977. С. 62; Штейнберг Н.М. Аффиксальное словообразование во французском языке. Л., 1976. С. 134.
3. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М., 1984. С. 131.
4. Там же. С. 142.
5. См.: Зеленецкий А.Л., Монахов П.Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1983. С. 178.
6. См.: Берков В.П. Норвежская лексикология. СПб., 1994. С. 145.
7. См.: Hansen Å. *Moderne dansk*. Bd. 3. København, 1967. S. 174; Jarvad P. *Nye ord – hvorfor og hvordan?* København, 1995. S. 204.
8. См.: Noreen A. *Vårt språk*. Bd. 7. Lund, 1906. S. 229–237.

9. См.: *Söderbergh R. Svensk ordbildning // Skrifter utg. av Nämnden för svensk språkvård. № 34. Stockholm, 1968. S. 161.*
10. *Ibid.* S. 182–183.
11. *Wessén E. Svensk språkhistoria. Bd. 2. Stockholm, 1948. S. 11.*
12. *Маслова-Лаианская С.С. Лексикология шведского языка. Л., 1973. С. 160.*
13. *Thorell O. Att bilda ord. Stockholm, 1984. S. 91.*
14. *Ibid.* S. 91–94; *Söderbergh R. Op. cit.* S. 162–170.
15. См.: *Johannisson T. Tendenser i nutida svensk ordbildning // Nutidssvenska: Uppsatser i grammatik. Stockholm; Göteborg; Uppsala, 1964. S. 13.*
16. См.: *Åkermalm Å. Rubrik svenska. Gleerups, 1965. S. 99–105.*
17. См.: *Grünbaum C. Strövtåg i språket. Stockholm, 1996. S. 133.*
18. См.: *Johannisson T. Op. cit.* S. 7–9.
19. См.: *Liljestrand. B. Så bildas orden: Handbok i ordbildning. Uppl. 2. Lund, 1993. S. 94–95.*
20. См.: *Jonsson T. Flicka på cykel // Kärlek genom ett fönster. Stockholm, 1989. S. 120.*
21. См.: *Guillou J. Fiendens fiende. Stockholm, 1989. S. 276.*
22. См.: *Маслова-Лаианская С.С. О синтаксической функции словообразования в шведском языке // Скандинавская филология = Scandinavica. Вып. 5. Л., 1991. С. 32.*

A.V. Savitskaja

Om en produktiv modell i svensk ordbildning

I artikeln analyseras a-verb avledda av substantiv (typ: fisk – fiska). Dessa verb utgör en mycket produktiv ordbildningstyp i modern svenska och de flesta svenska språkforskare betraktar dem som suffixavledda verb fast det existerar en annan syn på motsvarande ordbildningstyp i andra språk. Enligt den betraktas sådana verb som resultat av att substantiven övergått till en annan ordklass.

Den analyserade verbgruppen är bekant i svenskan sedan gammalt men just på 1900-talet har gruppen blivit speciellt produktiv. Man kan spåra upp några källor för nybildningarna, t.ex. förkortning av verben på -(is)era (bojkottera – bojkotta), lånord (tejp – tejsa) och tillfälliga bildningar hos svenska författare (dränga – hos Strindberg).

Det verkar vara möjligt att dra en viss parallell mellan denna ordbildningstyp och sammansättningen eftersom dessa a-verb skapas i syfte att ändra på utgångsordets syntaktiska funktioner, dvs tjänar som ett syntaktiskt medel, vilket sammansättningen också ofta gör i svenskan. De nya a-verben bildas i svenskan så intensivt och lätt att man tors påstå att U. Telemans ord om sammansättningar som skapas «medan vi talar och skriver» passar i viss mån också till a-verben.

О РОЛИ СОПОСТАВЛЕНИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

(На материале скандинавской языковой группы)

В качестве темы статьи в сборнике, посвященном юбилею видного российского скандинависта Валерия Павловича Беркова, мне бы хотелось предложить проблематику, которая может в какой-то степени отразить разнообразие интересов этого ученого: норвегиста, скандинависта, германиста, всестороннего лингвиста-теоретика и одновременно преподавателя-практика, возглавившего Санкт-Петербургскую школу скандинавистики и воспитавшего не одно поколение филологов.

Задачи, стоящие перед современным филологическим образованием, диктуются, с одной стороны, требованиями координации преподавания практики изучаемого языка с современным уровнем развития теоретического языкознания и, с другой стороны, необходимостью изучения языка в широком социально-историческом и культурологическом контексте, т.е. учитывая социолингвистический фактор. Последнее особенно характерно для преподавания языков скандинавского ареала в силу того, что их формирование шло в тесном контакте друг с другом, но в постоянном геополитическом противостоянии, что опосредованно наложило отпечаток на ряд их языковых особенностей.

В силу культурной и экономической целостности скандинавского ареала, а также большой генетической близости скандинавских языков специфика работы как лингвиста-теоретика, так и преподавателя-практика, специализирующихся на одном из скандинавских языков, состоит в том, что каждый из них в большей или меньшей степени выступает как скандинавист широкого профиля. От этого не уйти ни в преподавании исторических, культурологических и литературных курсов, ни в практической работе, когда приходится переводить с разных скандинавских языков.

Работа со скандинавским материалом диктует особый «скандинавистический» подход к описанию языков вообще. Примером такого подхода может служить книга В.П. Беркова «Современные германские языки» (СПб., 1996).

Посвященная фронтальному описанию каждого из одиннадцати современных германских языков, эта книга, помимо изложения фонетических, грамматических и лексических сведений, уделяет большое внимание историко-культурологическому аспекту, вопросам исторического взаимодействия и взаимовлияния языков, проблемам языковой политики, социолингвистическому статусу описываемых языков. Описывая каждый из германских языков по единой схеме, автор подчеркивает, что он «стремился в каждом из этих описаний особо выделить именно то, что представляет собою специфику данного языка, его характерные черты, то, что отличает его от других родственных языков».¹ Такой подход естествен для скандинависта, работающего с группой близкородственных языков, и поэтому особо внимательно относящегося к контрастивным аспектам их описания.

Среди современных скандинавских языков примером наиболее близких в структурном отношении служат такие восточноскандинавские языки, как датский и шведский, а также норвежский букмол, в свое время развившийся на основе литературного датского языка.

Межъязыковые сопоставления, проводимые в рамках этих языков, важны по целому ряду причин. Помимо возможности быстрого и эффективного овладения целым рядом близких языков на базе знания одного из них, контрастивный подход несет в себе еще один методологический аспект. Речь идет о *более глубоком понимании структуры изучаемого языка посредством отражения специфики данного языка в зеркале систем близкородственных языков.*

Использование контрастивных аспектов в преподавании теории и практики изучаемого языка позволяет студентам познакомиться с одним из направлений современной теоретической лингвистики, а также развить в себе системное лингвистическое мышление, научиться видеть в изучаемом языке не набор грамматических правил, а *целостную систему, в которой одни структурные закономерности обусловлены другими* и даже предсказуемы на их основании.

В этой связи уместно будет сказать о некоторых дидактических аспектах того, что в современных исследованиях получило название «языковая компетенция». Овладение любым иностранным языком всегда носит характер последовательного перехода от «осознанной некомпетенции» (состояния незнания и отсутствия навыков при наличии известной мотивированности изучения языка) через состояние «осознанной компетенции» (сознательного усвоения правил, моделей, заучивания лексем и т.п. и успешного применения выученного в условиях постоянного и ин-

тенсивного сознательного контроля) к стадии «бессознательной компетенции», собственно, и являющейся стадией овладения языком, когда порождение высказывания происходит автоматически на основании сформировавшегося навыка. Задача преподавателя иностранного языка как раз и состоит в том, чтобы помочь студенту наиболее быстро и эффективно преодолеть процесс перехода из стадии «осознанной компетенции» в стадию «бессознательной компетенции». Для этой цели преподаватели используют широкий набор методологических приемов, техник и упражнений.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы показать, как для этой цели может быть использовано также *контрастивное представление материала*.

Суть усвоения любого знания состоит в том, что новая информация встраивается в систему ранее полученных знаний, непротиворечиво объединяется с предыдущим опытом данного получателя информации. В психологии существует термин «якорение», который используется для обозначения ключа к какому-либо состоянию по ассоциативной связи с каким-либо зрительным, аудиальным или сенсорным впечатлением. Когда речь идет о языковой компетенции, роль таких «якорей», облегчающих использование усваиваемой языковой информации, могут брать на себя 1) правильно выстроенные фоновые знания исторических и культурологических курсов, 2) отсылки к контрастивному материалу родственных языков, высвечивающему специфику изучаемого языкового явления и 3) установление взаимосвязи данного явления с ранее усвоенными специфичными для данного языка моделями и конструкциями. Все это призвано создать для студента своего рода «пространство компетенции», в котором *новое знание оказывается объединенным в уже усвоенный языковой материал*.

Следующая часть статьи проиллюстрирует высказанные выше положения.

Уже во вводно-фонетическом курсе, когда преподаватель объясняет студентам такое типично датское просодическое явление, как «толчок» (гортанная смычка в процессе звучания гласного, сонорного или вокоида), полезно (учитывая, что датский «толчок» прототипически связан с односложным словом) провести сопоставление со специфическими просодическими особенностями шведского и норвежского языков.

Если датский «толчок» маркирует односложные слова и некоторые типы грамматических форм, выступающих как *дискретные целостности* (например, формы определенности), то в шведском и норвежском

соответствующие формы остаются немаркированными (произносятся с простым музыкальным ударением, обозначаемым еще как ударение 1), в то время как сложным грависным ударением (или ударением 2) маркируются многосложные непроезводимые основы (швед. 'afton, 'inte, норв. 'kone, 'fremmede), слова со словообразовательными суффиксами (швед. 'blåaktig, 'sjukdom), сложные слова (швед. 'stenkol, 'flygplats), грамматические формы с полнозвучными гласными аффиксов. Т.е. в шведском и норвежском сложным грависным акцентом маркируется *многосложность* элементов в составе слова, тогда как в датском языке «толчком» маркируется *дискретность*.

С датской синтагматической тенденцией к дискретности можно также связать отмечаемую фонетистами новейшую *тенденцию к вытеснению* в речи молодого поколения датчан *форм, в которых слоговая граница не совпадает с морфемной, формами с соответствием слоговой и морфемной границы*, что происходит за счет перемещения толчка с гласного на вокоид: tyv|en 'вор' (в опр. форме) [ty'-ven] > [tyu'-эн], tur|en 'поездка' (в опр. форме) [tu'-Rэн] > [tuR'-эн].²

Таким образом, уже на стадии фонетического курса вводится идея о *специфике синтагматической стратегии изучаемого языка по сравнению с близкородственными*. Эта идея может использоваться как своеобразный «якорь», с которым увязывается значительный объем вводимой в дальнейшем информации о структуре данного скандинавского языка.

Так, при объяснении правил фонетических *ассимиляций* можно подчеркнуть, что, хотя ассимилятивные явления в датском языке распространены весьма широко, они охватывают лишь согласные, не входящие в словоизменяемые морфемы, и поэтому реализуются лишь внутри морфем, не образуя межморфемных скреп.

Примеры датской метафонии: gl[l] fugl 'птица', hv[v] hvad 'что', hj[j] hjælpe 'помогать', ld[l] guld 'золото', nd[n'] vand 'вода', ds[s] plads 'место'. Морфологическая структура слова в датском языке служит препятствием для реализации межморфемной ассимиляции. Так, например, аффикс -te после сонорных произносится как [dэ], но ассимиляции [l] корня и [d] аффикса не происходит: kvalte [kva:ldэ], talte [taldэ].³

Датской синтагматической тенденцией к дискретности можно также объяснить ряд специфических ассимилятивных правил датского языка, отмечаемых, в частности, в книге В.П. Беркова: «Буквосочетания nd, ld обозначают [n], [l] в конце слова и перед [э] (курсив мой. — Д.Н.): vand [van'] 'вода', fylde [fylэ] 'полнота' (но fyldig [fyldi] 'полный', aldrig [aldRi]

‘никогда’). Сочетание rd после долгого гласного, обозначает [R], после краткого [Rd]: hårde [hå:Rə] ‘уровые’, hærde [hæRdə] ‘закалять’.⁴

Представляется, что подобная ‘асимметричность’ правила объясняется тем, что речь идет о разных процессах. Если в случае сочетаний nd, ld имеет место типичная контактная ассимиляция по месту образования звука, то в случае сочетания г и d контактной ассимиляции между ними происходить не может, поскольку датский дрожащий [r] – заднеязычный, а смычный [d] – переднеязычный. Регистрируемый процесс образования вокоида [R] обусловлен влиянием долгого гласного, вокализирующего сонант г и дистантно (что характерно именно для датской синтагматики!) ослабляющего смычный d до нуля. Схематично: $\overline{\text{V R d}}$.

Поэтому в словах с обычным долгим или с толчковым гласным (поскольку толчковый гласный всегда долгий) независимо от того, односложны они или многосложны, проявляется дистантное влияние этого гласного. Ср., например, наличие ассимиляции rd > R после долгого гласного: а) в односложной корневой морфеме: ord [o'R] ‘слово’, bord [bo'R] ‘стол’, værd [væ'R] ‘достойный’, færd [fæ'R] ‘путешествие’, б) в многосложной: borde [bo:Rə] ‘столы’, på færde [fæ:Rə] ‘в движении’ – и отсутствие ассимиляции rd после краткого гласного: а) в односложной корневой морфеме: byrd [byR'd] ‘происхождение’, Urd [uR'd] ‘Урд’ (одна из норн); б) в двусложной основе: byrde [byRdə] ‘грязь’, værdi [vaR'di] ‘ценность’, verden [vaRdn] ‘мир’, ordne [å:dne] < [åRdnə] ‘упорядочивать’, ordre ['å'drə] < [åRdrə] ‘приказ’. Показательны примеры из Большого орфоэпического словаря датского языка⁵, где даются две произносительные нормы – одна с кратким, а другая с долгим корневым гласным, например borde [boRdə] и [bo:ə] ‘брат на абордаж’.

Иная картина наблюдается в случае типичных контактных ассимиляций. Такие ассимиляции происходят – в полном соответствии с датской синтагматикой дискретности – в односложных морфемах, но не встречаются на стыках морфем или на стыках слогов внутри одной морфемы, что отражает датскую тенденцию к использованию контактных ассимиляций для консолидации элементов внутри односложной морфемы. Это явно следует из обязательности ассимиляций nd, ld > [n'], [l'] в односложном слове. Консолидации способствует и толчок, обычный на возникшем в результате такой ассимиляции сонанте: fynd [fɔn'] ‘энергия’, brand [brʌn'] ‘пожар’, fyld [fyl'] ‘начинка’, told [tɔl'] ‘пошлина’.

В многосложных словах (но не перед [ə]) ассимиляция отсутствует. Здесь представлены такие многокомпонентные единства, как

а) многосложные корни: forældre [fǽ'æɫ'-drə], Mathilda [ma'til-da], India ['en'-dia], undre [ʌn-drə] 'удивлять', ændre [æn-drə] 'менять', б) производные слова væld|ig [væɫ-di] 'громадный', fynd|ig [fɔn-di] 'веский'. Несоответствие границы слога границе корня отвечает комплексности этих словообразовательных единиц.

Приставки, как просодически более дискретные элементы слова, ведут себя так же, как изолированные односложники, в которых ассимиляция обязательна: undlade ['ʌn|la'ðə] 'упускать', indbyde ['en|by'ðə] 'приглашать'.

Особый интерес представляет ассимиляция перед [ə]. В абсолютном большинстве случаев [ə] в датском языке используется для образования словоизменительных аффиксов а) мн. ч. существительных -e (vold/volde [vɔɫ']/[vɔɫə] 'вал/валы'); б) форм инф. и наст. времени -e, -er (fyld/fylde/fylder [fɫ']/[fɫə]/[fɫ'əR] 'наполни/наполнять/наполняет'); в) форм определенности и мн. ч. прилагательных -e (kold/kolde [kɔɫ']/[kɔɫə] 'холодный/холодные'); г) форм суффиксированных артиклей: -et, -en (sild/silden [sil']/[sil'n] 'сельдь', hold/holdet [hɔɫ']/[hɔɫ'ð] 'команда').

Присутствуя во всех словоизменительных формах, такая ассимиляция создает единую звуковую форму слова. Одновременно она усиливает характерную для современного датского языка корнеизоляцию, что соответствует датской синтагматической тенденции к образованию дискретных целостностей. Так, вместо слога деления корня, которое происходило бы при отсутствии ассимиляции *bin-de, при ассимиляции происходит сверхплотное (в терминах Ю.К. Кузьменко) примыкание согласных корня. В результате слога деление в корне с кратким гласным проходит не перед следующим за ним согласным, а, как отмечает Ю.К. Кузьменко, *по согласному*.⁶ Схематично: *bin|de (без ассимиляции) – нет совпадения морфемных границ – [ben|ə] (с ассимиляцией) – сверхплотное примыкание в корне. Особенности датских стратегий ассимиляций становятся особенно явными, если их «отразить в зеркале» шведских и норвежских ассимилятивных стратегий. Ведь метафония в шведском и норвежском языках носит принципиально иной характер, выступая в виде многочисленных *консонантных скреп на стыке морфем*. Это наглядно проявляется в наличии в шведском и норвежском языках и отсутствии в датском класса какуминальных согласных [d], [t], [n], [s], [l], возникающих в результате слияния звука [r] с последующими согласными [d], [t], [n], [s], [l]. Характерно, что пять из шести названных звуков, кроме [l], могут входить в состав аффиксальных морфем. Поэтому, хотя ассимиляции такого рода возможны и внутри морфем, они широко распространены

ны именно на стыках морфем: суффиговый артикль (sommel-en [sɔmɛn]); мн. ч. + суффиговый артикль (dagar-na [da:gana]); притяжательный падеж (far-s [fa:s]; средний род прилагательного (klar-t [kla:t]); претерит слабых глаголов II класса (hör-de [hö:də]).

Таким образом, не имея чисто морфологического характера, подобные шведские ассимиляции создают «побочный эффект», который часто используется для усиления контактной связи между морфемами, тогда как для датского языка характерны консонантные ассимиляции, происходящие в ну три морфемы и консолидирующие ее в просодическом плане.

Отмеченные на фонетическом уровне синтагматические явления можно использовать как *дидактическую базу для понимания и усвоения студентами материала других языковых уровней.*

Например, при знакомстве студентов с таким характерным для всех скандинавских языков явлением, как *словосложение*, целесообразно подчеркнуть *основной характер датских композитов*, в которых, как правило, не сохраняются словоизменительные показатели первого компонента, однако слово представлено в полной исходной форме, в которой оно встречается в изолированном употреблении. Для сравнения можно привести соответствующие шведские композиты, где наглядно проявляется *корневой характер словосложения*. Элементы композитов усекаются до корней, не употребляемых в качестве изолированных слов, что согласуется с контактным характером шведской синтагматики. Ср. дат. hængeldynd 'трясина' < hænge 'висеть' и dynd 'ил, тина' и швед. gung|fly < gunga 'качать' или gung|a -an, -or 'качели' и fly 'трясина'; дат. samle|sæt 'строительный набор' < samle 'собирать' и sæt 'набор' и швед. bygg|sats < bygga 'строить' или bygge -t, -r 'стройка' и sats 'набор'; дат. kugle|leje 'подшипник' < kugle -n, -r 'шар' и leje 'ложе' и швед. kull|lager < kulla -an, -or 'шар' и lager 'ложе'.

Отмеченные расхождения синтагматических стратегий прослеживаются и в *синтаксической сфере*. Однако, поскольку элементы синтаксических единств в любом языке по определению дискретны, противопоставление датской дискретности и шведской контактности видоизменяется и может быть на синтаксическом уровне определено как противопоставление *датской тенденции к рамочности (дистантности) и шведской тенденции к цепочечности (конкатенации)* в построении многокомпонентных синтаксических единств.

Такой подход позволяет объяснить и запомнить множество специфических синтаксических явлений изучаемого языка.

Например: инфинитивная частица, роль которой *реляционна* и состоит в маркировании того, что инфинитив используется в предложении в одной из синтаксических функций имени, закономерно занимает в шведском языке позицию на внешней орбите инфинитивной группы, что согласуется со стратегией катенативности: (*att (dolskt (bespeja alla egenheter)))*) ‘коварно высмотреть все странности’; в датской же инфинитивной группе тенденция к дистантной синтагматике проявляется в том, что реляционный формант продвигается ближе к ядру, чем адвербиальный член группы глагола, связанный с ним лексически. Это создает дистантную структуру: *lumsk at udspejde små ejendommeligheder*.

Аналогичные различия наблюдаются и в *группе имени*, в частности расположение в датском и шведском языках оценочно-демонстративных местоимений *sådan, sikken* и *så + adj.* Если в шведском языке они располагаются правее артикля: *en sådan lång tid* ‘такое долгое время’, – то в датском возможно двоякое их расположение. Когда *sådan* употребляется в функции заместителя описательного прилагательного, то оно ставится после артикля: *en sådan begivenhed* ‘такое событие’, *et sådant hus* ‘такой дом’. Когда же оно употребляется в усилительной функции, то предшествует артиклю: *sådan en dyr jakke* ‘такая дорогая куртка’, *sikken en kold blæst* ‘что за холодный ветер’. Т.е. датском языке имеется определенная позиционная «клавиатура», в пределах которой возможна альтернативная позиция слова относительно некоторого закрепленного элемента в зависимости от функции этого слова. Это явление естественным образом описывается в рамках многокомпонентной линейной схемы, предполагающей наличие некоторых рамочных позиций (позиция артикля в поле детерминации), что естественным образом сочетается с датской дистантной синтагматикой.

Соотношение суффиксированного и свободного определенного артикля в изучаемых скандинавских языках также может быть объяснено в контексте расхождения их синтагматических стратегий. Так, в датском суффиксированный присловный определенный артикль обязательно заменяется на свободный синтаксический артикль, как только слово получает определение, т.е. когда вместо отдельного слова выступает синтаксическая группа: дат. *huset > det store hus*, – где определенный артикль *дистантно* связан с существительным. Эта датская особенность может быть лучше усвоена студентами, если «отразить ее в зеркале» так называемой шведской *сверхопределенности*, когда в соответствии со шведским

принципом контактности сохраняются два определенных артикля – присловный и синтаксический: швед. *huset* > (*det stora*) (*huset*).

В структуре *глагольных групп* разных скандинавских языков прослеживаются аналогичные расхождения. Так, та лексико-грамматическая целостность, которую представляет собой *глагол с поствербом*, в полном соответствии с датской дистантной синтагматикой замыкает прямое дополнение, что становится понятно, если сравнить эту структуру с ее шведской параллелью, где более тесная связь глагола и постверба проявляется в их контактном расположении: ср. дат. *sigе stillingen op* ‘отказаться от должности’ (V-Obj-Pv) и швед. *säga upp ett avtal* ‘отменить договоренность’ (V-Pv-Obj).

Рамочные позиционные отношения характерны для множества датских синтаксических структур, например *каузативных конструкций* типа дат. *Han lod huset bevogte* ‘он велел охранять дом’. Упоминание системного характера этого явления и сравнение его с соответствующими шведскими параллелями (*Han lät bevaka huset*) облегчает усвоение нового грамматического материала и его использование в речи.

Таким образом, не отменяя множества других важных методологических аспектов преподавания скандинавских языков, *контрастивный аспект* способствует оптимизации преподавания скандинавского языкового материала.

Примечания

¹ Берков В.П. Современные германские языки. СПб., 1996. С. 3.

² Подробнее об этом явлении см.: Кузьменко Ю.К. 1) Изменение фонологического типа датского языка // Скандинавские языки. Вып. 2. М., 1990. С. 6–24; 2) Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991.

³ Подробнее см.: Никулитчева Д.Б. Проблемы характерологической синтагматики скандинавских языков // Скандинавские языки. Вып. 3: Проблемы и методы сопоставительного изучения скандинавских языков. М., 1996. С. 6–60.

⁴ Берков В.П. Указ. соч. С. 103.

⁵ *Den Store Danske Udtaleordbog* / Brink L., Lund J., Heger S. o.a. København, 1991.

⁶ См.: Кузьменко Ю.К. Фонологическая эволюция...

D.N. Nikulitjeva

Om brugen af sammenligning mellem nærbeslægtede sprog i undervisningen i de nordiske sprog

På grund af de nordiske sprogs fælles oprindelse samt kulturelt og økonomisk slægtskab mellem de nordiske lande kan man med fordel bruge sammenligningsprincippet i undervisning i disse sprog eller i landenes litteratur – og kulturhistorie.

Artiklen beskriver kontrastivt danske, svenske og norske fænomener indenfor sprogenes fonetik og grammatik.

О НЕКОТОРЫХ ВТОРИЧНЫХ ФУНКЦИЯХ ТЕРМИНОВ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПО ВЕРТИКАЛИ

(На материале норвежского языка)

Цель данной статьи – описать некоторые периферийные, или вторичные, функции терминов вертикальной локализации в норвежском языке. Локализм, т.е. тенденция использовать формы отражения пространственных характеристик для передачи иных значений, не является специфичным для норвежского языка.¹ Специфичным оказывается то, какие именно термины могут служить для передачи непространственных значений и какие именно значения оказываются важными в картине мира носителей норвежского языка.

Универсальным способом деления пространства признается его трехчленная по вертикали и четырехчленная в горизонтальном срезе структура, основывающаяся на природно-биологических параметрах человека; на эти параметры накладывалось движение солнца, маркировавшее изначально лишь два дихотомических элемента: восток = южная полусфера – запад = северная полусфера.²

Эти базовые характеристики пространства в естественном языке могут задаваться двояко: «в терминах геометрического (объективированного) пространства» и «в терминах относительного пространства (по Лейбницу)», определяемого порядком сосуществования в нем вещей.³

Некоторые исследователи выделяют не два, а три типа подсистем внутри системы передачи пространственных отношений: 1) относительную (relative), точкой отсчета в которой выступают участники речевого акта (лево – право, впереди – сзади), 2) объективную (intrinsic), где точкой отсчета служит рельеф земной поверхности (вглубь, к берегу, в горы), 3) абсолютную (absolute) – ориентированную на объекты, находящиеся вне дискурсивного пространства (отдаленные крупные ориентиры, стороны света). При этом отмечают первичность объективных подсистем для описания чисто пространственных отношений, и большую распространенность использования терминов относительных подсистем при переносе механизма описания пространственных отношений на иные сферы.⁴

Мы рассмотрим термины вертикальной локализации пространства в функции обозначения ими пространственных отношений в горизонтальной плоскости, выделив три сферы применения рассматриваемых терминов в данной функции, на основании различного их поведения в рамках следующих сфер: 1) макрогеографическую (описывающую взаиморасположение в пространстве частей Норвегии, а также Норвегии и других стран), 2) микрогеографическую (отражающую взаиморасположение районов городов и поселков) и 3) сферу жилища вместе с окружающим его и мыслимым как неотчуждаемое от него пространством.

Ориентация по сторонам света касается прежде всего первой из указанных сфер. Типологически она соотносится с двумя системами. Одна система – привычная нам и неоднократно описанная четырехчленная по сторонам света, в ней пространство описывается в терминах nord ‘север’ – syd/sør (разница в семантике этих слов в данной связи нерелевантна) ‘юг’, øst ‘восток’ – vest ‘запад’. Ее можно отнести к абсолютным.⁵

Вторая же система двучленна и представлена парами наречий nede – ned (over) ‘внизу’ – ‘вниз’ и oppe – opp (over) ‘вверху’ – ‘вверх’ (и производными от них), причем первая пара соответствует приблизительно южному направлению, вторая – северному.⁶

Такая ситуация не уникальна. Как указывал М.М. Маковский, «пространство в древнем сознании мыслилось в рамках дихотомических категорий (центр – периферия, верх – низ, правый – левый) и в космическом плане (небо – земля, юг – север, день – ночь)».⁷ Мы говорим «приблизительно», поскольку они отражают не реальное географическое положение функциональных пространственных ориентиров,⁸ а их расположение относительно наблюдателя, находящегося в Норвегии, который и являет собой центр. Таким образом, эта система оказывается связанной с противопоставлением «центр – периферия» и антропоцентрической, т.е. относительной, а не абсолютной.

Если признать последнюю исконной, то относительную систему ориентации по сторонам света, представленную в норвежском языке дихотомией opp – ned ‘вверх – вниз’, следует считать более древней. Она глубоко укоренилась в сознании, воспринимается как нечто само собой разумеющееся и потому труднее поддается анализу.

Эта система используется для обозначения двух типов пространственных отношений в рамках макрогеографической сферы. Во-первых, по отношению к географическим районам внутри Норвегии ned (over) ‘вниз’ указывает на юг, а opp (over) ‘вверх’ – на север: Vjørn spurte hvor de skulle kjøre? AG sa at han ikke visste helt nøyaktig, men oppover i landet

et sted, langt bort (DSF, 131) 'Бьёрн спросил, куда ехать? АГ сказал, что точно не знает, но куда-нибудь **на север** (букв. *вверх по стране*), далеко-далеко'.

Во-вторых, те же обозначения используются и применительно к географическим объектам вне Скандинавии. Под орре в значении 'север' в этом смысле чаще всего понимается Норвегия, иногда вся Скандинавия. Все прочее – чаще всего юг: Det var ikke det jeg hadde i tankene da jeg dro ned (КК 7). 'Вовсе не то мне представлялось, когда я ехала **на юг** (букв. *вниз*, речь идет о Канарских островах)'; Bli det bryllup, kommer jeg til å gifte meg **der nede** (HJ) 'Если мы поженимся, то свадьбу будем справлять у них **на юге** (букв. *там внизу*, речь идет об Африке)'; En rekke vanvittig anerkjente og toneangivende engelske musikkblader har forvillet seg **opp til** vår vanstyrte hovedstad (MB) 'Ряд безумно признанных и задающих тон английских музыкальных изданий нечаянно забрел **на север** (букв. *вверх в*), в нашу плохоуправляемую столицу'; Jazid og andre små, mørke lokaler blir også godkjent av de britiske trendkonstablene, som synes det er forfriskende eksotisk **her opp i** gokk (MB) 'Ясид и прочие темные зальчики тоже признаны британскими блюстителами моды, которым кажется, что все здесь, в **северном** (букв. *наверху в*) захолустье, освежающе экзотично'.

Однако не встретилось ни одного употребления терминов этой подсистемы по отношению, например, к Северной Америке; все же этот континент довольно поздно вошел в сознание европейцев, и по отношению к нему пользуются терминологией более новой, четверичной системы пространственной локализации.⁹

Омонимичность терминов пространственной ориентации в рамках абсолютной системы локализации (в соответствии с общепринятым порядком изображения географических объектов на картах) наречиям первичной вертикальной локализации (поскольку это не настоящая карта) создает предпосылки для художественного их обыгрывания. Так, в следующем примере речь идет не о карте, а о пятнах краски на борту корабля: En stor, avlang flekk, en mindre til venstre. Og en massiv en til høyre for det. Det likner et kart. England i midten, Irland til venstre, kontinentet til høyre. Norge – øverst **oppe** mot den kvite rekka (LL, 8) 'Большое продолговатое пятно, еще одно поменьше слева. И массивное – справа от него. Похоже на карту. Англия посередине, Ирландия слева, континент справа. Норвегия – **на самом севере** = **на самом веру** (букв. *выше всего*), у белого поручня'.

Нередко в одном и том же высказывании вместе употреблены термин локализации по вертикали и название стороны света; в таком случае первое градуирует удаленность объекта от точки отсчета; в данном случае – от центра, мыслимого в Европе: *Her høyt mot nord, i den mørke vinter, kaldt, i en moderne hovedstad i et høyteknologisk rikt land mot slutten av det 20. århundre, tenkte han (DSA, 12) 'здесь, далеко (букв. высоко) на севере, темной зимой, на холоде, в современной столице богатой высококоразвитой страны, в конце XX столетия, – думал он'*.

Интересной представляется возможность описания говорящим одной и той же ситуации в терминах разных систем. В следующем отрывке рассказывается о переезде норвежской семьи на жительство в Испанию: *Meningen var å ta et friår, sier Helle Moe. Vi leide ut huset og dro nedover for å oppleve noe sammen med ungene (KK 7) 'Мы собирались отдохнуть год, – говорит Хелле Му. Мы сдали дом и поехали на юг (букв. вниз), чтобы вместе с ребятами провести это время'*. В документальном репортаже, опубликованном женским журналом, постоянно подчеркивается необычность такого решения, решительность, потребовавшаяся переселенцам, чтобы вместе с детьми сорваться с насиженного места и отправиться так далеко от родной деревни.

Практически та же ситуация описывается в солидной газете «Дагбладет». Речь идет о переезде семьи высокообразованного и много путешествовавшего специалиста в ту же Испанию: *Huset er leid ut og bilen solgt. Med sluttpakke fra Saga i lomma tar han med familien til Spania og starter aksjehandel på Internett (DB) 'Дом сдан внаем и автомобиль продан. С выходным пособием компании Saga в кармане он с семьей отправляется в Испанию и начинает заниматься торговлей акциями через интернет'*. Для героя репортажа ничего необычного поездка в Испанию собою не являет, а журналисты лишь сообщают информацию, не пытаясь играть на чувствах читателей.

Картину, складывающуюся на основании анализа примеров из литературы, подтверждают и данные информантов. Так, продавщицы универсама селения Бё в норвежской глубинке спрашивали: *Nå, skal du ned til Russland? Skal du ned til St. Petersburg? (TB) 'Ага, так ты собираешься аж в (букв. вниз в) Россию? Поедешь в самый (букв. вниз в) С.-Петербург?'*

Сама же информантка утверждает, что не стала бы употреблять наречий в этих предложениях. Кроме того, Петербург расположен не южнее Бё, а даже несколько севернее, хотя по сравнению с расстоянием

между этими пунктами по оси запад – восток этой разницей можно было бы пренебречь.

В приведенных примерах речь идет об одном и том же фактическом расстоянии. Нельзя не согласиться с тем, что «для относительной пространственной модели характерна незначимость абсолютного расстояния».¹⁰

Один и тот же географический объект в следующем примере описывается в терминах и абсолютной, и относительной систем: *Det har ingen hensikt å argumentere med at fly er det sikreste fremkomstmiddel, og at det er minimale farer forbundet med en pakketur til Syden. Hun vil være engstelig. Som nå: Dere dro jo nedover ifjor også. – Vi drar hvert år, mor. – Det er så langt unna (KFB, 9) ‘Бессмысленно доказывать, что самолет – самое надежное транспортное средство и что групповой тур на юг связан с минимумом риска. Ей необходимо поволноваться. Вот и теперь: – Вы же ездили на юг (букв. вниз) и в прошлом году тоже. – Мы ездим туда каждый год, мама. – Это так далеко’.* Вместо употребленного привычным к поездкам сыном прямого выражения *til Syden* ‘на юг’ мать употребляет квазисинонимичное *nedover* ‘вниз’, одновременно указывающее на географическое расположение объекта поездки и на его большую удаленность (в ее восприятии).

Таким образом, если объект воспринимается как дальний и чуждый, говорящий прибегает к использованию наречий *ned/nede/nedover* или *opp/oppe/oppover*; при отсутствии таких коннотаций вполне обходятся и без них.

Как и при обозначении ориентации по сторонам света, для описания микрогеографии городов используется две системы. В обеих на первый план выходит противопоставление «центр – периферия». Нередко оно выражается эксплицитно, при помощи лексики, вполне соответствующей подобному словоупотреблению в русском языке: *I utkanten av den sørlige delen av Kairo ligger et av millionbyens mange fattige områder (KK 44) ‘На окраине южной части Каира располагается один из многочисленных бедняцких районов’.* Такое словоупотребление свидетельствует о наличии объективной системы описания взаиморасположения микрогеографических объектов.

Однако по отношению к обозначению микрогеографии населенных пунктов в норвежском языке за *ned/nede* и *opp/oppe* закрепились иные значения, чем в контексте макрогеографической ориентации. Первое связывается с обозначением центра, второе – окраин, например: *Det fins to Akademikaer, én nede i byen og én oppe på Blindern (TB) ‘Есть два магази-*

на «Академика», один в центре (букв. *внизу в городе*), и один на Блиндерн (букв. *наверху на Блиндерн*, отдаленном районе Осло).

Использованные термины можно считать неполными синонимами соответствующих существительных, которые могут обозначать центр и периферию, в рамках объективной системы (для данного населенного пункта). Разница между существительными и наречиями состоит главным образом в том, что последние легче поддаются градуированию и тем самым служат для более точного местоуказания.

Использование упомянутых наречий для описания микрогеографических отношений настолько естественно для норвежцев, что даже для тех из них, кто свободно владеет русским языком, их употребление в русской речи является весьма распространенной ошибкой. Находящийся у Невы на Васильевском острове информант (FN) так справлялся о местонахождении магазина:

«А где это? **Выше Среднего?**» Он хотел спросить, дальше ли Среднего проспекта, если идти от центра. В другой раз он интересовался: «А больница где на Литейном? На левой стороне, если идти **вниз?**» (к Невскому, т.е. к центру).

И для этой сферы обозначений свойственна возможность использования одних и тех же первичных форм выражения пространственных отношений (а именно наречий *ned/nede* ‘*вниз/внизу*’ – *opp/oppe* ‘*вверх/вверху*’, а также производных от них) в их основной и вторичной функциях в одних и тех же видах конструкций. Лишь широкий контекст позволяет понять, какое же значение наречие имеет в высказывании.¹¹

В текстах, где есть указания на рельеф местности, означенные наречия воспринимаются в прямом значении: *Jeg glemmer å vatne plantene, låser døra og går bakkene ned mot byen* (LL, 31) ‘Я забываю полить растения, запираю дверь и спускаюсь по склонам **вниз** в сторону города’; *Ofte kom jeg ikke lenger enn portvakta, men denne dagen vinket han meg bare gjennom til støperiet som lå innerst på området, helt nede ved fjorden* (НН, 16) ‘Часто дальше охранника на входе я не проходила, но в этот день он только рукой показал, чтобы я шла к литейному цеху, который располагался в самой глубине участка, **внизу** у самого **фьорда** (букв. *совсем внизу у фьорда*)’.

И, напротив, в предложении *Det siste vi gjorde, var å måke opp veien gjennom hagen ned til postkassa* (НН, 131) ‘Последнее, что мы сделали, так это расчистили от снега дорогу через сад **до самого** (букв. *вниз до*) почтового ящика’ возможно двоякое прочтение. Первое – ‘вниз до почтового ящика’, если представить себе дом стоящим на возвышении. Од-

нако естественнее будет понять наречие *ned* как указание на отдаленность от исходного положения говорящего, а именно жилища, мыслимого как составная часть населенного пункта. Такую же функцию выполняет это наречие и в следующих примерах: *Jeg bodde på en helt annen kant av byen... og likevel gikk jeg ved sida av ham helt ned til den vesle parken foran stasjonsbygningen* (НН, 12) 'Я жила совсем в другом конце города... и все-таки я шла рядом с ним до самого (букв. *совсем вниз до*) маленького парка перед зданием станции'.

Словосочетание *huset nederst i gaten* в словаре NEO толкуется как 'дом в конце (букв. *в самом низу*) улицы' (чаще же всего рассматриваемые в статье значения в словарях вообще не отражаются).

В следующем тексте действие происходит в деревне. Зять-тиран, переезжая от ненавистой тещи на другое место в той же деревне, говорит: *Og husk én ting; du viser deg ikke hos oss. Hvis jeg får høre at du flyr ned dørene hos oss... skal jeg klare å gjøre det så hett for deg at helvete blir rene vinterkulden!* (НН) 'И запомни одно: к нам не показывайся. Если я услышу, что ты таскаешься к нашему дому (букв. *гоняешься вниз к нашим дверям*), то тебе так жарко будет, что ад покажется морозной зимой, я уж постараюсь'. Зять особо подчеркивает, что не хочет иметь с тещей ничего общего. Еще пример: *Jeg tar med Kjersti, vi er nyforelska, vi kommer nedom deg om en time.* (LL, 124) 'Я беру с собой Хьерсти, мы влюблены, мы будем у тебя (букв. *придем вниз к тебе*) через час'. Как видим, в переводе последних двух примеров значение наречий *ned(om)* 'вниз' не передано никак.¹² Норвежский текст однозначно дает понять, что речь идет о движении от говорящего в сторону объекта, мыслимого как отдаленный, однако эта информация не является здесь основной.

Таким образом, в сфере микрогеографии слова первичной вертикальной ориентации *ned/nede* и *opp/oppe* могут либо указывать на вертикальное расположение объектов относительно друг друга по вертикали, согласно своему прямому значению, либо выступать во вторичной функции обозначения удаленности по горизонтали в рамках объективной и относительной систем (при иррелевантности высотных характеристик и акцентировании личностного отношения к сообщаемому).

Наиболее запутанную картину представляет собой система вторичных значений *ned/nede* и *opp/oppe* и их производных *nederst* и *øverst* применительно к описанию местоположения внутри и в непосредственной близости жилища. В переводных норвежско-иноязычных словарях, например норвежско-английском (NEO), указываются, и весьма подробно, все оттенки их прямых значений, практически совпадающие с теми,

что выражают русские наречия *внизу* и *наверху*. Из переносных же сообщается лишь в значительной мере устаревшее *øverst ved bordet* 'во главе стола' (букв. *выше всех за столом*). Приблизительно то же находим и в других двуязычных словарях (норвежско-русском, норвежско-немецком, русско-норвежском).

Между тем уже на 1-м курсе студент-норвегист, читая первый текст по аналитике, встречается с предложением: *Lille Marius satt på næst nederste benk litt krum i ryggen* (KG, 171) 'Малыш Мариус, немного сутулясь, сидел за (букв.) **предпоследней по высоте** партой'. Поскольку речь не идет об амфитеатре, такой перевод не годится. К этому примеру мы вернемся чуть позже.

Не годятся предлагаемые словарями эквиваленты и для перевода следующего отрывка: *På Café In The Mood hadde de allerede satt hvitmalte småbord og stoler ut på fortauet. De to hadde satt seg ute, ved det øverste bordet, et stilig par fullstendig opptatt av sin livlige samtale* (KFB, 193) 'В кафе *In The Mood* уже выставили на тротуар покрашенные в белое столики и стулья. Эти двое сели снаружи, за самый дальний (букв. *верхний*) столик – модно одетая пара, полностью поглощенная оживленной беседой'.

Анализ собранного нами материала и опросы информантов позволяют выстроить следующую картину вторичных значений для *oppe/øverst*:

- 1) внутри помещения – на отдалении от входа или от говорящего;
- 2) в помещении за столом (современное употребление) – на отдалении от говорящего;
- 3) в помещении за столом (устаревшее) – на самом почетном месте (которое располагалось дальше всего от входа, от внезапного нападения);
- 4) в учебном помещении – ближе всего к преподавателю (почетное место в Норвегии);
- 5) вне здания на относящейся к нему территории – на отдалении от входа (если территория мыслится отдельно от здания, местоположение объектов на ней фиксируется уже в рамках систем, принятых в сфере микрогеографии).

Соответствующая структура значений, но с обратным знаком, характерна и для *nede/nederst*.

Значения 3 и 4 дважды переносные: по происхождению они являются терминами пространственной ориентации, исходно по вертикали, затем по горизонтали; сейчас же они указывают на различия по статусу.

Вторичные же значения рассматриваемых слов, связанные с локализацией в горизонтальной плоскости, относятся к двум разным подсистемам: объективной (знач. 5), относительной (знач. 2) и в зависимости от контекста – либо объективной, либо относительной (знач. 1). Даже самый полный толковый словарь норвежского языка (NR) дает только оттенки знач. 1 (на отдалении от входа) и знач. 4.

Возвращаясь к примеру о малыше Мариусе, мы можем теперь понять, что он не был примерным учеником: он сидел за предпоследней партой.

Таким образом, выясняется, что в рамках одного языка могут одновременно сосуществовать разные системы выражения пространственных отношений. Это подтверждает тезис историка Подосинова о сосуществовании разных систем ориентации у одного и того же народа.

Обобщая данные анализа терминов пространственной ориентации во всех трех сферах, можно говорить о сосуществовании разных систем ориентации в рамках одной и той же сферы:

в макрогеографической сфере – абсолютной и относительной систем, где оппозиция *ned* – *opp* представляет последнюю;

в микрогеографической сфере – объективной и относительной систем, где снова оппозиция *ned* – *opp* представляет относительную;

в сфере описания местоположения внутри и вокруг жилища термины оппозиции *ned* – *opp* представляют и объективную, и относительную системы в зависимости от избранной точки отсчета.

Заметно преобладание значений, связанных с относительной системой, где точкой отсчета служит либо сам говорящий, либо наблюдатель, т.е. человек. Взаимодействие человека с окружающей средой «всегда протекает в системе некоторых пространственных координат, точкой отсчета которой является человек – субъект восприятия, сознания, действия и познания»,¹³ и сфера субъекта в первую очередь противопоставлена сфере объекта.

Для человека как субъекта пространственной категоризации, по словам Ю.Д. Апресяна, «способ восприятия имеет приоритет перед действительным положением вещей».¹⁴ Важным для понимания предпосылок использования рассмотренных терминов в рамках той или иной системы представляется введенное процитированным исследователем понятие личной сферы говорящего, из которой объекты могут исключаться при помощи определенных языковых средств.¹⁵

Наречие *ned* ‘вниз’ в применении к описанию географического пространства служит в норвежском таким оператором, выводящим геогра-

фический объект за пределы личной сферы говорящего, делая возможным противопоставление референции одного и того же объекта в рамках нескольких систем пространственной локализации: абсолютной и объективной систем и системы относительной, антропоцентрической. То, что для лица с определенным культурным фоном представляется отдаленным, чуждым, не входящим в его личную сферу, отнюдь не является таковым для другого. Отчуждение при этом может мыслиться более чем чисто пространственное, как, например, в этом тексте, где речь идет об отношении косного отца невесты африканца к родине последнего: *Da jeg bestemte meg for å dra på besøk til Christofer, oppmuntret han meg faktisk. «Bare reis! Så får du se hvor støvete og ekle de menneskene der nede er», sa han.* (НН) 'Когда я решила поехать навестить Кристофера, он в общем-то сам подталкивал меня к этому. «Поезжай, поезжай! Посмотри, какие там, в южных краях (букв. там внизу), дремучие и мерзкие людишки», — говорил он'.

Данные норвежского языка подтверждают выводы, сделанные на базе русского материала: «существование в языке абсолютных и относительных оценок расстояния свидетельствует о релевантности (и даже фундаментальности) для описания пространства такого параметра, как человеческое измерение». ¹⁶

Спецификой норвежского языка для рассмотренных систем пространственной локализации оказывается нерелевантность противопоставления динамического и статического характеров взаимоотношения предмета и функционального ориентира, что обычно является чрезвычайно важным для описания подобных систем. ¹⁷

Далее, если сравнить рассмотренную оппозицию с русской семантической подсистемой «далеко — близко», увидим, что в последней параметр вертикальной организации объектов не используется. ¹⁸ Глубоко уважаемый автором И.А. Мельчук категорически не рекомендует лингвистам выходить за пределы собственно языка. ¹⁹ Тем не менее, кажется необычайно соблазнительным связать такую широту использования наречий со значением 'вверх' и 'вниз' в норвежском языке с особенностями рельефа страны. Свое словоупотребление информант FN обосновывал, например, тем, что в горной Норвегии центр поселения обычно располагается в защищенной долине.

О том, что языковые формы отражения пространственных отношений могут различаться у народов, обитающих в равнинной и горной местностях, предположение высказывалось. ²⁰ Попытки подобных объяснений делаются, в частности, в области семиотики и социальной антропо-

логии. Пример – недавно защищенная в Норвегии диссертация об осознании себя в физическом и материальном пространстве жителями тихоокеанских островов, в которой приводятся убедительные примеры параллелизма между физической географией атоллов и системой вторичных функций пространственных выражений.²¹

Традиционно в Норвегии занимаются экзотическими языками, не замечая особенностей собственного и не всегда умея объяснить их иностранцам, изучающим этот язык. Представляется, что исследование поля локативности в норвежском имело бы большое значение как для практических целей, так и для расширения представлений лингвистов о возможных типах организации пространственной информации вообще.

Примечания

¹ См.: *Кравченко А.В.* Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1996. Т 55. N 3. С. 3.

² См.: *Подосинов А.В.* Ex oriente lux!: Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 629–634.

³ *Кравченко А.В.* Указ. соч. С. 5. См. также: *Бюлер К.* Теория языка. М., 1993. С. 94 и след.

⁴ См., например: *Pederson E.* Language as context, language as means: Spatial cognition and habitual language use. Nijmegen, 1994. S. 4.

⁵ О двойственности значений наименований стран света у древних скандинавов и о возможных объяснениях см., например: *Подосинов А.В.* Указ. соч.; *Джэксон Т.Н.* К вопросу о специфике древнескандинавской ориентационной системы // Первые скандинавские чтения. СПб., 1997. С. 32–37.

⁶ Некоторые исследователи утверждали, что в Скандинавии север всегда воспринимается как нечто, располагающееся «внизу». В настоящее время это не так. Возможность «смены полюса» указываемыми наречиями А.В. Подосинов обосновывает тем, что у древних народов пространство не ассоциировалось с расположением стран на картах и, кроме того, когда появились первые карты, они не обязательно были северноориентированы (Указ. соч. С. 13).

⁷ *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996. С. 263.

⁸ Принятый в работах некоторых отечественных лингвистов термин «локум» нами не используется, поскольку эта латинская словоформа вошла в норвежский язык в другом значении с пейоративной окраской и вызывает ненужные ассоциации. Под функциональным пространственным ориентиром мы понимаем то же, что М.В. Всеволодова и Е.Ю. Владимирский называют локумом: «пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета и характер их взаимоотношений» (Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982. С. 6).

⁹ Два описанных типа можно соотносить с так называемыми дальней и ближней ориентацией у древних исландцев (см.: *Подосинов А.В.* Указ. соч. С. 361).

¹⁰ *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира: (Модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. С. 64.

¹¹ Подробнее о реализации пространственного речевого плана в тексте, а не в слове, см.: *Золотова Г.А.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С. 428.

¹² Возможно, при истолковании подобных случаев полезно было бы обратиться к понятию «интенциональной доминанты», предложенному А.В. Бондарко (К проблеме интенциональности в грамматике // Вопросы языкознания. 1994. N 2. С. 34).

¹³ См.: *Кравченко А.В.* Указ. соч. С. 4.

¹⁴ *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 637.

¹⁵ Подробно об этом см.: *Апресян Ю.Д.* Указ соч. С. 644–648.

¹⁶ *Яковлева Е.С.* Указ. соч. С. 64.

¹⁷ См., например: *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М, 1982. С. 6.

¹⁸ Там же. С. 61.

¹⁹ *Извлечения* из электронной переписки А.Д. Кошелева и И.А. Мельчука // Московский лингвистический альманах. 1996. Вып. 1. С. 196.

²⁰ *Яковлева Е.С.* Указ. соч. С. 31.

²¹ *Hoem I.* A sense of Place: The Politics of Identity and Representation: Thesis Presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor Artium, University of Oslo, Department of Linguistics, Faculty of Arts. September 1995. S. 164–179.

Источники и их сокращения

- DB - Dagbladet. 3.05.1998.
DSA - Solstad Dag. Professor Andersens natt. Oslo, 1996.
DSF - Solstad Dag. Forsøk på å beskrive det ugjennomtrengelige. Oslo, 1989.
FN - информант Финн Нильсен
HH - Sveen K. Hannas hus. Oslo, 1991.
HJ - Hjemmet. 1998. N. 39.
KFB - Faldbakken K. Bad boy. Oslo, 1990.
KG - Kjelland A. Gift // Samlede verker. Bd 2. Oslo, 1941.
KK 7 - Kvinner og klær. 1999. N 7.
KK 20 - Kvinner og klær. 1998. N 20.
KK 44 - Kvinner og klær. 1998. N 44.
LL - Småge K. Lex love. Oslo, 1991.
MB - Morgenbladet. 5.02.1999.
NEO - Kirkeby W.A. Norsk-Engelsk ordbok. Oslo, 1986.
NR - Norsk Riksmålsordbok. Bd 3. Oslo, 1983.
SNO - Store norske ordbok. Oslo, 1991.
TB - информант Турюн Бернтсен.

A.N. Livanova

Om noen sekundære funksjoner av termer for vertikalstedfesting (på basis av norsk)

Artikkelen handler om noen sekundære funksjoner som har utviklet seg hos en del uttrykk hvis opprinnelige innhold består i å beskrive vertikalstedfesting. Det viser seg at innenfor norsk koeksisterer de forskjellige systemer når det gjelder tre geografiske domener: makrogeografi (stedfesting av landsdelene i Norge, og stedfesting av land utenfor det), mikrogeografi (stedfesting

i byer og tettsteder) og beliggenhet av objekter inne i hus og like ved. Det som skiller norsk fra de fleste kjente språk er at termene for vertikalstedfesting fungerer innen hver av domeneene, men får forskjellig betydning der. Samtidig kan de tjene som indikator på at objektet innlemmes i utelukkes fra den talende personens private rom.

М.К. Ершова

**ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ
СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ
SKULLE + ИНФИНИТИВ II
В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ**

В настоящее время вопрос о статусе сослагательного наклонения в современном шведском языке является одним из дискуссионных и привлекает особое внимание шведских лингвистов.¹ Однако в силу существующей в шведском языке грамматической традиции без внимания остаются аналитические формы сослагательного наклонения, в частности, *skulle I* и *skulle II*.²

В шведской грамматической традиции в категорию сослагательного наклонения (*konjunktiv*) включаются лишь флективные формы, такие как пресенс конъюнктив (*presens konjunktiv*) и претерит, или имперфект, конъюнктив (*preteritum eller imperfektum konjunktiv*). Что касается сочетаний *skulle* + инфинитив I и *skulle* + инфинитив II, то одни шведские грамматисты называют их «описательными оборотами со *skulle*» (“*omskrivningar med skulle*”) и не относят эти конструкции к категории сослагательного наклонения,³ другие же – называют данные сочетания со *skulle* «кондиционалисом» (условным наклонением) (“*konditionalis*”), что объясняется их употреблением в нереальных условных предложениях.⁴

Однако значение проблематичного предположения, присущее *skulle I* и *skulle II*, является в то же время типичным грамматическим значением сослагательного наклонения. В связи с этим представляется закономерным и логичным причислять данные конструкции со *skulle* к категории сослагательного наклонения. Поэтому мы рассматривали *skulle II*, исходя из грамматической традиции, существующей в русской скандинавистике. В частности, эта традиция представлена в теоретических работах по грамматике С.С. Масловой-Лашанской (на материале шведско-

го языка)⁵ и М.И. Стеблин-Каменского (на материале норвежского языка).⁶ Эти ученые включают *skulle* I и II в состав форм сослагательного наклонения и помещают данные конструкции в разряд аналитического сослагательного наклонения со *skulle* I и *skulle* II, а вышеупомянутые формы пресенса и претерита конъюнктива – в разряд флективного сослагательного наклонения.

Но если конструкция *skulle* + инфинитив I исследуется в отдельных лингвистических работах,⁷ то вопрос об употреблении *skulle* + инфинитив II специально нигде не рассматривается, хотя данная конструкция достаточно широко используется в современном шведском языке.

Поэтому мы сделали попытку рассмотреть использование сослагательного наклонения со *skulle* II в современном шведском языке на материале шведской прессы 1996–1998 гг.

Говоря о *skulle* II, следует упомянуть о наличии омонимичной ему формы индикатива, а именно так называемого предбудущего в прошедшем (*futurum exaktum preteriti*). «Это время обозначает предстоявшее в прошлом действие, которое должно было быть завершено до определенного момента в прошлом».⁸ Например: *Han hoppades att han skulle ha läst boken innan kl. 7.* ‘Он надеялся, что уже прочитает книгу к 7 часам’. Предбудущее в прошедшем формально существует как одно из пяти относительных времен. Однако в современном шведском языке предбудущее в прошедшем малоупотребительно: среди собранных нами 200 примеров со *skulle* II эта временная конструкция не встретилась ни разу.

Собранный материал позволил нам определить случаи традиционного и нетрадиционного употребления *skulle* II.

Наиболее полное, системное описание значения и употребления всех форм сослагательного наклонения дано в грамматике шведского языка С.С. Масловой-Лашанской. Данная работа была написана в 1953 г., и вполне естественно, что с тех пор в языке произошли изменения. Поэтому нам представилось интересным сравнить собранный нами материал и материал, представленный в упомянутой грамматике.

Известно, что в сослагательном наклонении в шведском языке отсутствует грамматическая категория времени в том виде, в каком она существует в изъявительном наклонении, – 8 времен (3 основных и 5 относительных). Конъюнктив признает лишь сферу прошедшего и непрошедшего. Так, в частности, формы сослагательного наклонения с инфинитивом II и *hade* + супин относят нереальное действие в сферу прошедшего, и по нормам дистрибуции данных форм характерным для них является контекст прошедшего времени.

Так, в грамматике С.С. Масловой-Лашанской приводятся примеры употребления *skulle* II в контексте прошедшего времени в нереальных условных предложениях II типа (т.е. в нереальных условных предложениях, относящихся к плану прошедшего): «Hade hon icke då och då vänt bladen i boken, skulle man hava trott, att hon icke förmått läsa, utan endast grubblat och tänkt <...>. ‘Если бы она не переворачивала время от времени страницы книги, то можно было бы подумать, что она не в состоянии читать и лишь погружена в размышления’. Сослагательное *so skulle* II выражает следствие реально не существующего условия, относящегося ко времени, предшествующему времени высказывания. *Skulle* II употребляется только в главном предложении, сочетаясь с *hade*-конъюнктивом в условном придаточном предложении, выражающем самое условие».⁹

Как показал собранный нами материал, нереальное условное предложение II типа до сих пор остается традиционной сферой употребления *skulle* II (примеры 1, 2). На долю таких предложений приходится 67 из 200 собранных нами примеров. (В примере (2) нереальное условное предложение II типа употребляется в составе сложноподчиненного комплекса.) (1) (Den 2 februari hölls ett litet vemodigt jam på jazzklubben Fashing i Stockholm.) Stan Gets skulle ha fyllt 70 om han levat (Vi, N7, 97). ‘(2 февраля в джаз-клубе «Фэшинг» в Стокгольме была маленькая тихая музыкальная вечеринка.) Стану Гецу исполнилось бы 70, если бы он был жив’; (2) Det är bara fagra ord som skulle fått större tyngd om de varit sanna (Vi, N7, 97) ‘Это всего лишь красивые слова, которые приобрели бы большую значимость, если бы они были правдивыми’.

В приведенных примерах *skulle* II выражает нереализовавшееся действие в прошлом. Однако, если в примере (1) *skulle* II употребляется в контексте прошедшего времени, что является дистрибутивным признаком данной формы, то в примере (2) наблюдается отклонение от норм дистрибуции данной формы, поскольку она употребляется в контексте настоящего времени, т.е. в окружении, характерном для нереальных условных предложений I типа (нереальных условных предложений, относящихся к плану непрошедшего). Как показывает пример (2), в контексте настоящего времени *skulle* II используется для того, чтобы подчеркнуть большую степень нереальности действия и выдвинуть на первый план грамматическое значение предшествования.

Однако возможные оттенки значения нереального действия, предшествующего моменту высказывания, теряются в русском переводе, по-

сколько в русском языке сослагательное наклонение представлено лишь одной формой – глаголом в прошедшем времени с частицей *бы*.

Кроме того, нами отмечены случаи употребления *skulle* II (в половине нереальных условных предложений II типа из числа наших примеров) не только в главной части условного предложения, что ранее считалось единственно возможным, но и в придаточной части в общем контексте прошедшего времени.

При этом *skulle* II выражает как не реализовавшееся в прошлом условие, так и его следствие, например: (3) (Men efter att ha tänkt igenom min personliga situation valde jag att avstå.) Om min nysatsning skulle ha lyckats, så skulle jag ändå inte ha hunnit förbättra min privatekonomi med gällande regler för fåmansföretag (Du & Co). ‘(Но, обдумав свое собственное положение, я решил отказаться.) Если бы мое новое вложение денег и оказалось удачным, то я бы все равно не успел улучшить свое личное финансовое положение при действующих правилах для малых предприятий’.

В грамматике С.С. Масловой-Лашанской говорится также об употреблении *skulle* II в сравнительных придаточных предложениях, где *skulle* II выражает «сопоставление с другим фактом, реально не существующим (или возможно не существующим), когда он мыслится как предшествующий, напр. Det förefaller nästan som om han skulle ha blivit rädd för allt det trots och motstånd, som står honom till mötes <...>. ‘Создается впечатление, словно он испугался того упорства и сопротивления, с которым он сталкивается’». ¹⁰ Однако наш материал показал, что в настоящее время *skulle* II в таком типе предложений не употребляется. Тенденция к замене форм сослагательного наклонения формами изъявительного в данном типе предложений была отмечена еще в 1968 г. Вессеном в книге «Наш шведский язык», где, в частности, приводится такой пример: Det förefaller mig som om jag har hört detta förut. ‘Мне кажется, что я уже слышал это раньше’. ¹¹ А в современном шведском языке в сравнительных придаточных предложениях формы индикатива (пресенс и перфект) практически полностью вытеснили формы конъюнктива.

Собранный нами материал показал также, что *skulle* II употребляется не только в условных предложениях, но и в других типах предложений.

Так, 48 из 200 примеров приходятся на долю дополнительных придаточных предложений, причем во всех *skulle* II употребляется в контексте настоящего времени, а не прошедшего, для того чтобы подчеркнуть

дистантность предполагаемого действия от момента речи и его нереальность, например:

(4) (...och inga regler har följts.) Därför kan de inte bevisa vem som skulle ha fått kontraktet. (Alltså kan ingen få skadestånd.) (DI, 10 febr, 98). '(... и никакие правила не соблюдаются.) Поэтому они не могут доказать, кто должен был бы получить контракт (Таким образом никто не может получить возмещение ущерба.);'

(5) Jag anser inte att det skulle ha tillfört mig något nytt (DI, 16 dec, 97). 'Я не думаю, что это дало бы мне что-нибудь новое.'

В 28 из 200 собранных нами примеров *skulle II* употребляется в придаточных определительных предложениях, например:

(6) (Jag är glad att Dario Fo får nobelpriset.) Men det är säkert många som skulle ha velat ropa BU vid offentliggörande av valet (– han är inte okontroversiell.) (Vi, N 43-44, 97). '(Я рад, что Дарио Фо получит Нобелевскую премию.) Но, конечно же, есть много таких, которые хотели бы выразить свое недовольство при оглашении решения о выборе его кандидатуры (– он [Дарио Фо] неоднозначен)';

(7) Den tidigare verkställande direktörens fallskärm, som skulle ha kostat bolaget 4 Mkr brutto, var en av anledningarna till att en rekonstruktion av verksamheten misslyckades (DI, 24 sept, 97). 'Двухгодичное денежное содержание для бывшего исполнительного директора, которое в целом обошлось бы компании в 4 млн крон, явилось одной из причин того, что реорганизация деятельности компании не удалась'.

При этом более чем в половине собранных нами придаточных определительных предложений *skulle II* употребляется в нетипичном для этой формы контексте настоящего времени, т.е. в контексте, характерном для *skulle I*, где *skulle II* используется для выражения определенных модальных значений, не свойственных *skulle I*, таких как предшествование и отдаленность предполагаемого действия от момента речи. Однако эти значения всегда сочетаются со значением нереальности, общим для *skulle I* и *skulle II*. Значение нереальности и отдаленности относится, в частности, к примеру (6). В примере (7) *skulle II* употребляется в характерном для данной формы контексте прошедшего времени и выражает нереализованное действие в прошлом.

Skulle II встретилось нам также в простых предложениях, составивших 57 из 200 примеров. В половине из них *skulle II* употребляется в контексте прошедшего времени со значением нереализованного действия в прошлом, например:

(8) Evert och Pablo. Så skulle det ha stått på titelsidan i en bok som aldrig blev av (Vi, N6, 97). ‘Эверт и Пабло. Так выглядел бы титульный лист книги, которая так и не была написана’, – а в половине – в контексте настоящего времени, где оно или подчеркивает дистантность предполагаемого действия и его нереальность (пример 9) или служит для выражения не реализованной в прошлом возможности, о которой сообщают, исходя из момента речи (пример 10):

(9) (...hon bor tillsammans med ett tjugotal andra barn mitt i Pakistans största stad Karadi.) Egentligen skulle hon förmodligen ha varit död (DN, 28 dec, 96). ‘(... она живет вместе с двадцатью другими детьми в центре Каради, самого большого города в Пакистане.) А так она бы, вероятно, умерла’;

(10) – Vi skulle ha sålt våra Graphium-aktier i våras, säger Margaretha. (– De har rasat.) (Vi, N 43–44, 97), ‘«Нам следовало бы продать наши Графиум-акции прошлой весной», – говорит Маргарета. (– Их стоимость сильно понизилась.)’

Характерным также является употребление *skulle* II в простых и сложных вопросительных предложениях, где данная форма сослагательного наклонения может находиться в контексте как прошедшего (пример 11), так и настоящего времени (пример 12):

(11) (Bakom världsmannens förbindliga mask dolde sig ändå säkert hemlig oro och farliga spänningar.) Varför skulle han annars ha dragits åt det ockulta och skrivit «Skruvens vridning»? (Vi, N 17–18, 97). ‘(За учтивой маской светского человека все-таки скрывалось тайное смятение и опасная страсть.) Зачем бы он тогда обратился к оккультизму и написал «Вращение винта»?’;

(12) (Er diskriminerande policy innebär en kränkning av alla lesbiska och bögar.) Skulle företaget ha gått med på att sälja paketresor från ett företag som inte vill ha svarta, judar eller zigenare på sina hotell? (DN, 27 april, 97), ‘(Ваша дискриминационная политика ведет к нарушению прав всех лесбиянок и гомосексуалистов.) А согласилась ли бы ваша компания продавать путевки от фирмы, которая не желает, чтобы в ее гостиницах проживали негры, евреи и цыгане?’.

Skulle II используется в таких предложениях для большего эмоционального подчеркивания содержания высказывания, когда речь идет о событиях, предположительно предшествовавших времени высказывания. В данных случаях *skulle* II выполняет экспрессивную функцию. О возможности такого употребления *skulle* II, в частности, упоминается и в грамматике С.С. Масловой-Лашанской.¹²

Таким образом, собранный нами материал показал, что сфера употребления *skulle* II за несколько десятилетий достаточно расширилась: в современном шведском языке *skulle* II употребляется не только в нереальных условных предложениях II типа (как в главной, так и в придаточной части), хотя они по-прежнему остаются традиционной сферой употребления данной формы (33%), но и в придаточной части сложных предложений с придаточными дополнительными (14%) и определительными (14%), а также в простых предложениях (29%). При этом, *skulle* II довольно часто (примерно 50%) употребляется в нетипичном для данной формы контексте настоящего времени, т.е. в окружении, характерном для аналитического сослагательного *skulle* I. В контексте настоящего времени аналитическое сослагательное наклонение *skulle* II может использоваться для того, чтобы выдвинуть на первый план грамматическое значение предшествования, подчеркнуть дистантность предполагаемого действия от момента речи и большую степень нереальности действия в зависимости от содержания высказывания. Кроме того, *skulle* II может употребляться в простых и сложных вопросительных предложениях для подчеркивания эмоциональности высказывания, когда речь идет о событиях, предположительно предшествовавших времени высказывания.

Примечания

¹ *Evert, Sten. Har vi konjunktiv i svenskan? // Språkvård. 1993. N 4; Pihlström, Sven. Konjunktiv i nutida svenska // Språkvård. 1994. N 3.*

² Говоря о конструкциях *skulle* I и *skulle* II, мы имеем в виду аналитические конструкции сослагательного наклонения *skulle* + инфинитив I и *skulle* + инфинитив II.

³ *Wessén, Elias. Vårt svenska språk. Stockholm, 1968; Wellander, Erik. Riktig svenska. Uppl. 4. Stockholm, 1973.*

⁴ *Dahl, Östen. Grammatik. Lund, 1982; Andersson, Erik. Grammatik från grunden. Uppl. 2. Uppsala, 1993; Pihlström, Sven. Op. cit.*

⁵ *Маслова-Лашанская С.С. Шведский язык. Л., 1953.*

⁶ *Стеблин-Каменский М.И. Грамматика норвежского языка. М.; Л., 1957.*

⁷ Например: *Törnudd-Jalovaara, Elisabeth. Modalverbet skall: Tretton skrifter om tid och modalitet. Uleåborg, 1991.*

⁸ *Маслова-Лашанская С.С. Указ. соч. С. 230.*

⁹ Там же, С. 255.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Wessén, Elias. Vårt svenska språk. Stockholm, 1968. S. 207–208.*

¹² *Маслова-Лашанская С.С. Указ. соч. С. 255.*

Источники и их сокращения

- Vi – Vi, 1997. N 6, N 7, N 17–18, N 43–44.
Du & Co – Du & Co. 1997. N 5.
DN – Dagens Nyheter: 1996. 28 dec; 1997. 27 april.
DI – Dagens Industri: 1997. 29 sept, 16 dec; 1998. 10 febr.

M.K. Jersjova

Om användning av den sammansatta konjunktivformen skulle + infinitiv II (skulle + perfekt infinitiv) i modern svenska

I artikeln analyseras olika satstyper där skulle + infinitiv II används. Man beskriver också de betydelser som denna konjunktivform har.

I modern svenska kan skulle + infinitiv II förekomma i sammansatta satser nämligen i konditionalsatser (både i huvudsats och bisats), attributs- och objektssatser (i bisats) samt i enkla satser. Nuförtiden använder man ganska ofta skulle + infinitiv II i en för denna form otypisk kontext av nutid där skulle + infinitiv II, förutom sin huvudbetydelse av oförverkligad handling i förfluten tid, uttrycker en rad bibetydelser. I nutida kontext använder man skulle + infinitiv II för att framhålla att en händelse föregår en annan, framhäva tidsavstånd till den hypotetiska handlingen från talögonblicket samt betona större grad av irrealitet beroende av yttrandets innehåll. I frågesatser har skulle + infinitiv II en emotiv funktion.

Н.Н.Толстая, Н.И.Тонкова

СИНТАКСИЧЕСКАЯ КОМПРЕССИЯ В ТЕКСТАХ ШВЕДСКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

В последние десятилетия наблюдается все возрастающее воздействие средств массовой информации и, в частности, рекламы на жизнь современного общества. Специфика языка рекламы состоит в его ориентированности на убеждение адресата (потенциального покупателя) и побуждение его к действию. Язык рекламы представляет собой «случай уникального по своей интенсивности функционального использования языка».¹

Прагматическая ориентация рекламных текстов определяет использование в них выразительных средств, способствующих решению специфических задач, стоящих перед рекламой. Язык рекламы располагает широким арсеналом средств выражения, способствующих реализации прагматического потенциала рекламного текста. Одним из таких средств

является языковая компрессия, которая, как показывает исследование шведских и англоязычных рекламных текстов, оказывает действенное воздействие на потенциального покупателя.

Явление компрессии информации в рекламных текстах на сегодняшний день остается практически неисследованным. Настоящая статья представляет собой попытку в какой-то мере восполнить этот пробел.

Исследование основывается на анализе 173 англоязычных и 177 шведских рекламных текстов, полученных методом сплошной выборки из шведских и английских/американских журналов. При сопоставлении явления компрессии в шведских и англоязычных рекламных текстах нам представлялось важным 1) определить роль компрессии в реализации основной коммуникативной установки рекламных текстов и 2) провести сопоставительный анализ форм синтаксической компрессии в шведской и англоязычной рекламе. Нами намеренно были исключены из рассмотрения англоязычные заимствования в шведских рекламных текстах.

Для того чтобы быть эффективной, реклама должна удовлетворять четырем необходимым условиям. Она должна:

- 1) привлекать внимание,
- 2) поддерживать интерес к себе,
- 3) легко запоминаться или быть легко узнаваемой,
- 4) побуждать к действию.²

Одним из лингвистических средств, способствующих реализации этих условий, является компрессия информации. Компрессия информации в рекламном тексте преследует определенные цели:

- обеспечить экономию места компактностью изложения,
- заинтриговать читателя,
- создать эффект неожиданности,
- способствовать устранению некоторых помех в восприятии рекламного текста (дефицит времени, отсутствие установки на восприятие).

Языковая компрессия проявляется на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом. В статье рассматривается только один вид компрессии информации в рекламных текстах – синтаксическая компрессия, наиболее интересная, с нашей точки зрения, для сопоставления англоязычной и шведской рекламы.

Односоставные предложения. Номинативные односоставные предложения обладают большой экспрессивностью. Их главным членом является существительное, причем односоставные предложения в языке рекламы по большей части не однословные. И.В. Арнольд справедливо

считает, что односоставные предложения не содержат отдельного выражения субъекта и предиката и поэтому не могут считаться неполными. С эллиптическими предложениями их объединяет то, что те и другие являются средствами синтаксической компрессии.³

Рассмотрим англоязычную рекламу мебельной фабрики.

Woodstock.

Clearly Woodstock. Craftsmanship. The distinctive design and impeccable quality of Woodstock Furniture equally at home in your boardroom and offices. Professional management. Custom making by our own skilled cabinetmakers (Country Homes. IY, 90).

В максимально краткой форме дается исчерпывающая информация и о качестве продукции, и о наличии опытного персонала. Аналогичное употребление односоставных номинативных предложений находим в двух следующих рекламных мини-текстах:

Chex. Oat bran (Good Housekeeping. Jul. 31).

Du Pont. No-stick systems (Good Housekeeping. Jul. 91).

В шведскоязычной рекламе номинативные односоставные предложения являются доминирующим средством синтаксической компрессии.

Cirkelkaffe. Ögonblick att njuta (Vi. 49/50. 1997).

Fogia. Sångar utöver det vanliga (Vi. 14. 1997).

Bröderna Andersson. Möbler att leva med (Vi. 21. 1997).

Эллиптические конструкции. Эллипсис в рекламных текстах может быть выражен неполными предложениями, т.е. предложениями, позиционная модель которых не полностью выражена словесными формами. Пропущенные элементы легко восстанавливаются из контекста.

You'll discover the classic beauty of fine European ceramic tile.

Timeless. Tasteful. Elegant and durable. (Better Homes and Gardens. Feb. 1990).

Шведская реклама также широко использует эллиптические конструкции как один из способов создания компрессии информации.

Philips nya TV. Svart för färgernas skull (Allers. 10. 1997).

Parfums Vanderbilt. Tar fram skönheten inom Dig (Vi. 49/50. 1997).

Неполные предложения в англоязычной рекламе часто представлены в форме императива.

Give your child the special protection of ACT (Good House-keeping. Sept. 1989).

Choose from five seasonless colours and order now. (Good House-keeping. Sept. 1989).

В шведских рекламных текстах императив хотя и встречается в рекламе широкого спектра товаров и услуг, но не является доминирующим приемом.

Gör Dig hjälv och Ditt liv en tjänst. Börja idag med Astaxin. (Sköna hem. 1. 1996).

Låt inte en täppt näsa snuva dig på livets alla dofter. (Sköna hem. 12. 1997).

Распространенной структурой и для шведских, и для англоязычных текстов является эллиптическая конструкция в виде вопроса. Обычно это вопросно-ответная конструкция, в которой содержится и проблема, и способ ее решения.

Thinking of Replacing your windows? The answer is Mozowski and Murray. (How to Spend it. May 1998).

Собранные примеры шведской рекламы показывают, что эллиптическая конструкция в виде вопроса занимает второе по частотности место после номинативных односоставных предложений.

Ur gängorna? Ginsana hjälper! (Vi. 20. 1996).

Vitaminbrist? Drick Multi 12 (Vi. 21. 1996).

Rynkor? SuperGlandin håller huden ung, fräsch och elastisk (Vi. 15. 1997).

Парцелляция. Парцелляция представляет собой намеренное расчленение единой синтаксической структуры на две или более изолированные части, отделенные друг от друга паузой (на письме – точкой).⁴ Как показывает собранный материал, предложения-парцеллаты весьма распространены в англоязычных рекламных текстах. Важнейшей функцией парцелляции является экономия языковых средств. Краткие парцеллированные конструкции облегчают восприятие рекламного текста и способствуют лучшей его запоминаемости.

We trimmed the excess. Not the technology (Silver Kris. Jan 1992).

Парцелляция в вышеприведенном примере служит для графического и интонационного выделения фразы *Not the technology*. Автор рекламы подчеркивает, что в новой модели фотоаппаратов убрано все «лишнее», а высококачественная технология сохранена.

Пример максимальной структурной неразвернутости и неполноты находим в рекламе распродажи оконных штор:

Blinds. Up to 80% off. (Better Homes and Gardens. Jan 1990).

Широкое использование парцелляции в рекламе объясняется стремлением приблизить язык рекламы к живому разговорному языку. Кроме того, парцелляция представляет собой полутотмеченную структуру, а любое отклонение от нормы стимулирует интерес потенциального покупателя и желание прочесть рекламное объявление до конца. Шведская реклама чернослива использует парцелляцию, намеренно выделяя последние две фразы для подчеркивания того, что продукт не требует никакой обработки перед едой.

Sunsweet Kaliforniska Katrinplommon. Färdiga att äta. Precis när Du vill. Serverat och klart (Vi. 14. 1997).

Интересной особенностью синтаксической компрессии в рекламных текстах является преобладание компрессии в рекламных заголовках (70% для англоязычных и 80% для шведских текстов). В заголовок обычно выносятся лишь краткая, сжатая информация о рекламируемом товаре, детальная же информация всегда находится в основном корпусе текста. Заголовок – самостоятельный и важный компонент рекламного текста. Заинтересовав и заинтриговав потенциального покупателя, краткий заголовок подводит его к восприятию корпуса текста. В корпусе текста компрессия позволяет удержать внимание читателя, не утомляя его длинными высказываниями и повторами.

Собранный нами материал показывает, что англоязычные и шведские рекламные тексты используют одинаковые типы синтаксической компрессии. Для англоязычных текстов характерна большая частотность парцелляции, чем для шведских. Одним из интересных наблюдений, к которым мы пришли в ходе исследования, является следующее: в примерах из англоязычной рекламы (Англия и США) приемы синтаксической компрессии часто сочетаются с игрой слов, аллюзией на популярные шутки и известные фильмы и т.п. Сочетание эллипсиса (аллюзии на известное словосочетание «*Made in the USA*») и каламбура находим в заго-

ловке «Torn in the USA?». Речь идет о рекламе модных джинсов с нарочно сделанными дырками. Собранные примеры из шведской рекламы показывают, что эта реклама более серьезна, менее ориентирована на юмор. В каждой стране существуют свои культурные традиции и реклама по своему их отражает.

Примечания

¹ *Тарасов Е. Ф.* Психолингвистические особенности языка рекламы // Психолингвистические аспекты средств массовой коммуникации. М., 1974. С. 81.

² См.: *Leech G. N.* English in Advertising. London; New York, 1966. P. 27.

³ См.: *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. М., 1990. С. 227.

⁴ См.: *Стилистика английского языка* / Мороховский А. Н., Воробьева О. П., Лихошерст Н. И., Тимошина З. В. Киев, 1984. С. 159.

N. Tolstaya, N. Tonkova

Syntactic Compression in Swedish and English/American Adverts

Syntactic ways of language compression in Swedish and English/American adverts are discussed in this paper. Incomplete sentences are typical for English/American adverts. Nominative one-member sentences as an instrument of language compression are more often used in Swedish adverts while parcellation is more characteristic for English/American adverts.

Ю. К. Кузьменко

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РОДОВОЙ СИСТЕМЫ В ЗАПАДНОЮТЛАНДСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В скандинавском ареале существуют разнообразные родовые системы с разным набором родовых признаков. В исландском и фарерском языках, в обеих норвежских литературных нормах, во всех норвежских диалектах, за исключением говора Бергена, и во многих шведских и датских диалектах господствует трехродовая система. В шведской и датской литературных нормах, в части шведских и датских диалектов, а также в говоре Бергена два грамматических рода. В восточношведских диалектах Недерветиля и Гамлакарлебю в Финляндии нет рода. Особая родовая система сформировалась в западноютландских датских диалектах. Здесь существует два грамматических рода так же, как в датской и шведской литературных нормах, однако распределение существительных по родам

здесь иное. В шведской и датской литературных нормах род, в основном, – категория, относящаяся к лексикону. В большинстве случаев ни форма слова без суффицированного артикля, ни его значение не определяют здесь принадлежность существительного к тому или иному роду (ср. *stol* utr., *bord* neutr.). Иная картина в западноютландских датских диалектах. Здесь мы наблюдаем семантическое распределение существительных по родам. Существительные, обозначающие вещество, имеют средний род, остальные существительные – общий род. В настоящей статье я попытаюсь ответить на вопрос, как сложилась подобная система и какие факторы могли повлиять на ее возникновение. Однако, прежде чем ответить на эти вопросы, рассмотрим подробнее признаки семантической двухродовой системы в западной Ютландии.

Семантические различия между существительными общего и среднего рода в западноютландских диалектах очень четкие. Все без исключения существительные, обозначающие вещество, относятся к среднему роду, остальные существительные, в том числе и те абстрактные существительные, которое не имеют формы множественного числа (такие, например, как *ståhej* ‘суматоха’) – к общему. Распределение существительных по родам в западноютландских диалектах, однако, не всегда точно соответствует семантическому разделению существительных на вещественные и невещественные в датской литературной норме. Отмечают, что в западноютландских диалектах как вещественные трактуются некоторые существительные, которые в литературной норме являются конкретными (Sandvad, 1931, 51). Кроме того, некоторые существительные вещественной семантики, имеющие общий род в литературной норме (*aske, fløde, grød, suppe, tjære, vælling*), являются в западноютландских диалектах *pluralia tantum* (Sandvad, 1931, 51).

В западно- и части южноютландских диалектов средний род имеют не только вещественные существительные, имевшие средний род в древних скандинавских языках и сохраняющие его в датской литературной норме (такие, как *blod, guld, kul, kridt*), но и невещественные существительные, исконно относившиеся к общему роду (такие, как *mælk, sand, is, jord*). С другой стороны, исконные существительные среднего рода имеют в этих диалектах общий род (*barn, hus, tag, guly, land*). Существительные, которые могут обозначать и вещество, и отдельный предмет, изменяются по родам: utr. *ben* ‘кость’, *træ* ‘дерево’, *brød* ‘хлеб’ (отдельные предметы) – neutr. *ben, træ, brød* – (вещество) (Kristensen, 1933, 19; Brøndum-Nielsen, 1951, 127). Семантика невещественных существительных определяет их важную морфологическую особенность. Такие существи-

тельные не имеют формы множественного числа и не могут употребляться с неопределенным артиклем.

Формальные различия по роду выражены в южноютландских диалектах гораздо меньшим количеством признаков, чем в датской литературной норме. Если в датской литературной норме родовые различия выражены различиями в неопределенном и определенном артикле (как в суффиговом, так и в свободностоящем), в форме прилагательных и местоимений (ср., например, *neutr., et stort hus, huset, det store hus, mit hus, noget hus, det – utr., en stor gård, gården, den store gård, min gård, nogen gård, den*), то в ютландских диалектах с семантической родовой системой родовые различия регулярно проявляются только в формах притяжательных, личных и неопределенно-личных местоимений *nr. de, mit, nogher*, vs. *utr. den, min, nåt* и в омонимичных с ними формах определенного артикля при прилагательном (*neutr. de gamel mjelk – den gamel hus*). Форма прилагательных и форма определенного свободностоящего артикля одинаковы для существительных обоих родов. Только два прилагательных могут сохранять разные родовые формы *anjen* (дат. литер. *anden*) – *anjt (andet)* и *goe (god) – gåt (godt)* (Sandvad, 1931, 51). Определенный артикль перед существительными без прилагательных имеет, как правило, форму α (α *kul, \alpha* *mjelk, \alpha* *bord, \alpha* *stol* – дат. литер. *kulet, mælken, bordet, stolen*). Такую же форму имеет определенный артикль перед сочетанием существительных с прилагательными, обозначающими единое понятие (ср., например, α *gamel manj* ‘(наш) старик’), или при подчеркивании классифицирующего, а не дифференцирующего признака (ср. α *små lam* ‘маленький ягненок’ vs. *den små lam* ‘маленький из ягнят’) (Nielsen, 1959, 46). В первом случае (α *gamel man*) значение форм с определенным артиклем α соответствует значению форм без свободностоящего определенного артикля в шведском и новонорвежском языках (ср. швед. *Röda korset, svarta tavlan*). Средний род маркирован не только семантически, но и частотно, поскольку существительных среднего рода в словаре гораздо меньше (Nielsen, 1959, 45), и, кроме того, маркеры среднего рода в тексте встречаются редко. В трех небольших текстах из 424 слов (без предлогов и артиклей) на западноютландском говоре прихода Видбьерг (округ Тистед) (Danske dialekttekster, 1971, 29–31) я не нашел ни одной формы, маркирующей средний род существительного. 17 существительных имели неопределенный артикль *en* (в том числе и исконные существительные среднего рода, такие как *hus, hjem, barn, læs*), 21 существительное имело определенный свободностоящий артикль α , в том числе и вещественные существительные среднего рода (и искон-

ные, такие как *mos*, и сменившие общий род на средний, такие как *tórv, þors, lyng, jord*), 10 раз общий род был маркирован формой личного или притяжательного местоимения (*den, min, din*). Среди 8 форм с нулевым артиклем (формы обычной для вещественных существительных) было 5 существительных среднего рода. Только в одном случае в субстантивированной форме прилагательного (*det gamle* 'старое') появился формант среднего рода.

Семантические и формальные предпосылки появления семантической родовой системы. В скандинавских литературных нормах, так же как и во всех индоевропейских языках, сохранивших средний род, вещественная семантика часто связана со средним родом. При перечислении семантических признаков распределения существительных по родам во всех индоевропейских языках, сохранивших средний род, отмечается, что к среднему роду часто относятся существительные со значением вещества. Подобную же картину мы наблюдаем в скандинавских языках и с двухродовой и с трехродовой системой (см., например, Beito, 1986, 158; Hansen, 1967, 44). Особая семантика среднего рода видна и при субстантивации прилагательных в разных языках (ср. рус. *хорошее*) (Стеблин-Каменский, 1957; Werner, 1975, 50).

В качестве общей предпосылки формирования семантической родовой системы можно было бы рассматривать и формальные особенности семантической группы существительных, обозначающих вещество. Такая морфологическая особенность семантического класса вещественных существительных, как отсутствие у них форм множественного числа, непосредственно связана с их семантикой и характерна, вероятно, для всех языков мира. Есть, однако, грамматические особенности этой семантической группы существительных, которые имеют разный вид в разных языках. Скандинавские языки относятся к языкам, в которых вещественная семантика существительных выражена целым набором грамматических средств. К таким средствам относится прежде всего артиклевая система, система квантификаторов (*много, мало*) и частично родовая система. В языках с корреляцией соотнесенности, выраженной артиклями, нулевая форма очень часто имеет вещественное значение, ср. дат. литер. *et lam, lammet* 'ягненок' — vs. *lam* 'ягнятина'. В скандинавских языках формальное разграничение вещественной семантики возможно и благодаря существованию двух типов квантификаторов (дат. *mange — meget*). Особенно заметно такое разграничение в том случае, когда слово может обозначать и конкретный считаемый предмет и вещественное существительное, ср. формы типа швед. *mycket sten, mycket lamm (många*

stenar, många lamm), которые полностью соответствуют формам типа *mycket guld*. В датской литературной норме форма множественного числа *stene* уже фактически вытеснена нулевой формой *sten*.

Мы видим, таким образом, что в скандинавских языках к предпосылкам образования семантической родовой системы добавляется еще одна важная особенность: неопределенная форма множественного числа у существительных среднего рода совпадает с неопределенной формой вещественных существительных (*hus – guld*).

Дидериксен приводит пример изменения существительных по роду в датском языке: *han har drukket øllen* 'он выпил (кружку, бутылку и т.п.) пива' – *han har drukket øllet* 'он выпил пиво'; *har du drukket den mælk* 'он выпил молока' – *har du drukket det siste mælk* 'он выпил последнее молоко' (Diderichsen, 1957, 91–93). При этом в словарном употреблении *øl* является существительным среднего, а *mælk* – общего рода. В датском языке возможно противопоставление форм общего и среднего рода при подчеркивании партитивного и соответственно атрибутивного значения именных квалификаторов (ср., например, *Må jeg ikke nok drikke det mælk, der står.* vs. *Den mælk tør jeg ikke drikke, den smager ikke rigtig* – Hansen, 1967, 53). В партитивном значении употребляются и формы среднего рода *noget, meget, lidt* с вещественными существительными общего рода *noget mad, noget sne, meget grød, suppe; lidt frisk luft* (Hansen, 1967, 53–54).

Датские диалекты показывают, что важной предпосылкой формирования семантической двухродовой системы является редукция родовых признаков. Характерная для западноютландских диалектов семантическая родовая система сформировалась только в областях с отсутствием согласования в роде у прилагательных и с отсутствием родовых различий у определенного артикля, там, где определенный артикль является свободностоящим препозитивным артиклем *æ*. Если в датской литературной норме родовые различия выражаются и в форме суффигового определенного артикля, и в форме прилагательного (ср. *bordet er stort – stolen er stor*), то в областях, где происходит формирование семантической родовой системы и в областях, где она уже сформировалась, таких различий нет (ср. зап. и южн. ютл. *æ bord æ stor – æ stol æ stor*). Соответственно нейтрализуются формальные различия по роду в подобного типа конструкциях у вещественных существительных разного грамматического рода (ср. литер. *leret er brunt – granitten er brun*, но южн. ютл. *æ ler æ brun – æ granit æ brun*). Характерная для западной и южной Ютландии единая препозитивная форма определенного артикля при существительных общего и среднего рода *æ*, соответствующая двум фор-

мам постпозитивного артикля в литературной норме и трех форм такого артикля в трехродовых датских диалектах, рассматривается часто как основная предпосылка изменения среднего рода на общий у существительных типа *hus* (Nielsen, 1959, 45) и формирования семантической родовой системы (Skautrup, 1952, 103).

Этапы становления семантической двухродовой системы в западноютландских диалектах можно установить, сравнивая родовые системы датских диалектов, в которых отражена разная степень этого изменения. Такая система начинает формироваться еще в условиях функционирования трехродовой системы, когда ряд вещественных существительных мужского и женского рода становятся *pluralia tantum*, совпадая, таким образом, по форме с множественным числом существительных среднего рода, т.е. формально становятся *neutr. pl.* (см., например, *sirep*, *homel*, *sænep*, дат. литер. *sirup(pen)*, *sennep(pen)*, *humle(n)*) в трехродовом говоре Самсё (Hjorth, 1958, 16, 21).

Такое употребление вещественных существительных, исконно не относящихся к среднему роду, имеет широкое распространение в датских диалектах, прежде всего в Ютландии (Bennike, Kristensen, 1911, §184). Енсен связывает его с идентичностью нулевой формы единственного числа вещественных существительных с нулевой формой множественного числа существительных среднего рода и с тем, что определенная форма единственного числа существительных несреднего рода совпала с определенной формой множественного числа (*sko'wn* = *skoene*, *skoene*) (Jensen, 1956, 20).

Трехродовой диалект Самсё подтверждает справедливость предположения о связи совпадения определенной формы множественного числа и определенной формы единственного числа с появлением *pluralia tantum* вещественных существительных. Здесь определенная форма множественного числа совпала с определенной формой единственного числа только у существительных женского рода (-*en*), у существительных мужского рода эти формы продолжают различаться (*mask. def. sg. -i*, *mask. def. pl. -en*), соответственно *pluralia tantum* могут становиться только исконные существительные женского рода (*aske*, *fløde*), вещественные существительные мужского рода сохраняют форму единственного числа (*grød*, *def. grødi*) (Hjorth, 1958).

В двухродовых диалектах, где в формах общего рода генерализовались формы артиклей и согласовательные формы прилагательных и местоимений женского рода, тенденция к переходу вещественных существительных в *pluralia tantum* естественно оказывается еще более замет-

ной, поскольку в них уже нет противопоставления типа *mask. def. sg. grødi* – *mask. def. pl. grøden*. В двухродовом говоре Хоульбьерга исконные вещественные существительные и женского, и мужского рода стали *pluralia tantum* (ср., например, *grø'j (grød), senep, å.sk (aske), flø.j (fløde), ko'l (kål), kwol (kul), tieR (tjære), tran (tran)* (Jensen, 1956, 19–20).

И в трехродовых, и в двухродовых диалектах возможно появление форм единственного числа среднего рода у исконных вещественных существительных мужского и женского рода. В трехродовом диалекте Лолланда, например, средний род имеют *bomuld, sukat, kløver, granit, sprit, mergel, tran, lak, brændevin* (хотя *vin* сохраняет мужской род) (Christensen, 1936, 42). *Tran* и *lak* имеют факультативные формы среднего рода и в датской норме. Однако многие вещественные существительные сохраняют на Лолланде исконное распределение по родам (ср. *mask. mad, grød, halm, te, vin, fem. mælk, jord*). В двухродовом диалекте Хоульбьерга часть вещественных существительных, исконно не относившихся к среднему роду, также имеют форму среднего рода единственного числа (*talg, honning, materie, kaffe, the, silke, hør, dyppelse, mergel* – Jensen, 1956, 19). Как уже отмечалось выше, некоторые существительные этого типа остаются *pluralia tantum* и в западноюнтландских диалектах с установившейся семантической двухродовой системой (Sandvad, 1931, 51).

Исходя из приведенных выше данных, развитие семантической двухродовой системы можно представить себе следующим образом: сначала вещественные существительные несреднего рода *singularia tantum* из семантического абстрактного множества были переинтерпретированы как грамматическое множество, т.е. стали *pluralia tantum* среднего рода (у существительных среднего рода нулевая форма единственного числа и форма множественного числа, как правило, совпадают), а затем эти формы вновь стали *singularia tantum*, сохраняя средний род, т.е. *mask. sg. или utr. sg. grød* > *neutr. pl. grød* > *neutr. sg. grød*. В сочетаниях с маркерами рода это изменение можно представить так: *sg. utr. god grød – grøden (def. sg.) – den gode grød* > *pl. neutr. gode grød – grøden (def. pl. без прилагательного) – di gode grød (def. pl.)* > *sg. neutr. godt grød – grødet – de gode grød*. В диалектах со свободностоящим определенным артиклем *godt grød – æ grød – de gode grød*. Как показывают диалекты, подобное развитие происходило не одновременно у всех вещественных существительных несреднего рода. Именно поэтому в диалектах с еще несформировавшейся семантической двухродовой системой можно наблюдать сосуществование исконного рода, форм *pluralia tantum* и форм *neutr. sg.* у исконных вещественных существительных несреднего рода. Даже в за-

падноютландских диалектах с семантической родовой системой можно встретить вещественные существительные *pluralia tantum*. Однако такой путь развития был, вероятно, не единственным, и не все вещественные существительные несреднего рода проходили этап *pluralia tantum*.

Формирование семантической родовой системы во многих диалектах происходило и путем генерализации партитивного употребления *det*. Употребляющееся в норме в партитивном значении форма *det* с вещественными существительными общего рода (см. выше: *det mælk*, vs. *den mælk*) фактически теряет в диалектах свою партитивность и становится просто указательным местоимением. Формы типа *det mælk*, полностью вытеснив формы типа *den mælk*, становятся единственно возможными и с существительными несреднего рода. В восточноютландском говоре Хоульбьерг указательное местоимение среднего рода *vesgda* употребляется с существительными, обозначающими вещество, даже если это существительные общего рода (Jensen, 1956, 17–18). Таким образом, у существительных общего рода можно наблюдать употребление указательного местоимения среднего рода и определенного артикля общего рода (ср., например, *de ul' – ul'en (uld)*; *de hawre – haweren (hawre)*, *de jo'e – jo'Rn (jord)*, *de mjælk – mjælken (mælk)* – (Jensen, 1956, 18). Кристенсен отмечает, что в отдельных случаях возможно спорадическое появление у таких существительных форм с определенным артиклем среднего рода (см., например, *ostet* вместо *osten*), причем те вещественные существительные, которые не могут обозначать и конкретные предметы, в первую очередь меняют и определенную форму общего рода на определенную форму среднего рода (Kristensen, 1933, 24–26), что подтверждается и данными Енсен (ср., например, *de hon'e – hon'eret (honnig)*, *de selki – selkit (silke)* – Jensen, 1956, 19). В говоре западного Фюна с трехродовой системой почти все вещественные существительные в определенной форме могут иметь артикль среднего рода (ср., например, *rapset* (дат. литер. *rapsen*), *olet (ulden)* – Jacobsen, 1933, 118).

Во многих диалектах мы наблюдаем, таким образом, промежуточное состояние между лексической и семантической родовой системой. Все существительные вещественной семантики оказываются здесь среднего рода, однако средний род невещественных существительных сохраняется (т.е. *hus* и *barn* имеют средний род). Такое состояние может быть характерно и для диалектов с постпозитивным определенным артиклем (*ostet–huset*), и для диалектов с препозитивным определенным артиклем (*α ost – α hus*).

Первым шагом на пути формирования семантической двухродовой системы в западноютландских диалектах было, таким образом, изменение несреднего рода на средний у существительных вещественной семантики, начавшееся, вероятно, еще при существовании всех родовых признаков трехродовой системы. В результате этого сформировалась родовая система, характерная теперь для многих южноютландских и некоторых восточноютландских диалектов (*grød* (< m.), *mælk* (< f.), *barn, hus* – neutr; *stol, gard* – utr.). Однако полной семантизации родовых различий (средний род – вещество, общий род – невещество) здесь еще не произошло, поскольку невещественные существительные сохраняют средний род. Следующий этап изменения, завершивший формирование семантической двухродовой системы: переход невещественных существительных среднего рода в общий род (*en hus, en bord, en barn*). Такое изменение произошло только в западноютландских диалектах, и его условием было отсутствие согласовательных родовых признаков у прилагательных и наличие препозитивного определенного артикля (*æ hus, æ mjelk, æ stol*). Редукция родовых признаков оказывается важным фактором изменения только на заключительном его этапе (*et hus* > *en hus*).

Причины формирования семантической родовой системы. Выше мы рассмотрели, каким образом могла возникнуть семантическая двухродовая система, однако не ответили на вопрос о возможных причинах этого изменения. Можно было бы попытаться объяснить грамматикализацию семантических различий вещество/невещество особыми средствами выражения вещественной семантики в датском языке (см. раздел «Семантические и формальные предпосылки»), однако такие же или почти такие же средства существуют и в других скандинавских языках, и даже в датских диалектах, не затронутых описываемым нами изменением и сохранивших трехродовую лексическую систему (как, например, в северной Ютландии или Зеландии). Необходимо ответить на вопрос, почему эти семантические и формальные предпосылки привели к грамматическому изменению именно в западной и отчасти в южной Ютландии.

Уже в самых первых письменных памятниках, в которых обнаруживаются черты западноютландских диалектов, наблюдаются не только колебания в роде, но и формирование семантической родовой системы (ср. формы типа *ant iorth, the iorth, en thing, annen syskin* в одной из рукописей Ютландского права (XIV в.) – Skautrup, 1925, 30–31). Возможно, западноютландский диалект писца отражал в XIV веке то состояние, которое мы наблюдаем теперь в восточноютландских диалектах с противо-

поставлением типа *de mjelk – mjelken* (см. выше), поскольку форма типа *de iorth* сочетается здесь с формой *iorthen*.

Толчком и к упрощению исконной трехродовой системы, и к формированию семантической двухродовой системы могли послужить контакты диалектов соответствующих областей с англосаксонскими диалектами в эпоху викингов, прежде всего в X–XI веках, во время датского завоевания Англии. Такие контакты, проходившие в условиях семикоммуникации (Кузьменко, 1995; 1998), способствовали не только коренному преобразованию английской грамматической системы, но и повлияли на язык возвратившихся на родину датчан (Кузьменко, 1995, 33–34; 44–48). У нас нет данных о том, что на пути к исчезновению родовой системы в английском, толчком к которому также послужили датско-англосаксонские контакты, английские диалекты проходили стадию семантической двухродовой системы (вещество – средний род, невещество – общий род), однако в некоторых английских диалектах можно наблюдать следы формирования такой системы. Личное местоимение *it* замещает здесь только существительные вещественной семантики, таких как *dust, milk* (Wright, 1905, 266). Если же мы обратим внимание на находящиеся в постоянном контакте с датскими диалектами северофризские и северные нижненемецкие диалекты, то обнаружим в них очевидную тенденцию к формированию семантической двухродовой системы. В нижненемецком говоре Хусбю родовая система сходна с южноютландской. Все вещественные существительные имеют здесь средний род, невещественные – общий (Bock, 1933, 69). Кроме того, здесь начался процесс перехода исконных невещественных существительных среднего рода в общий род, и такие существительные, как *hu:s (das Haus)*, могут иметь факультативные формы общего рода (Bock, 1933, 69). В северофризских диалектах, как в тех, которые сохраняют трехродовую систему, так и в диалектах с двухродовой системой, также отмечается, что средний род определяется значением существительного, и все исконные вещественные существительные мужского и женского рода приобретают здесь средний род, а невещественные существительные среднего рода имеют тенденцию переходить в мужской, женский или общий род (Löfstedt, 1968, 9–12). Даже в литературном варианте немецкого языка в Шлезвиге в конце прошлого века вещественные существительные, такие как *Milch, Sand, Zucker* относились к среднему роду (ср. нем. литер. *der Zucker, der Sand, die Milch* (Andersen, 1899, 144).

Можно было бы интерпретировать такие соответствия в роде контактирующих диалектов в ютландской контактной зоне тем, что соответ-

ствующие родовые системы развились в датских диалектах и оттуда проникли в соседние нижненемецкие и фризские диалекты, тем более что самые северные нижненемецкие диалекты находятся на территории исконного распространения датских диалектов (как, например, диалект Хусума). Однако более вероятным кажется предположение, что именно контактные зоны на западе и юге Ютландии и явились очагами распространения редукции исконной трехродовой системы и формирования семантической двухродовой системы (Кузьменко, 1998, 25–27, 32–36). Датско-англосаксонская семикоммуникация в X–XI вв. и датско-нижненемецко-северофризская семикоммуникация этого же и более позднего времени были толчком к упрощению и к семантизации родовой системы. Категория рода в германских языках имеет тенденцию исчезать при языковых контактах. Исчез род в английском, в африкаанс, в некоторых шведских диалектах Финляндии (Кузьменко, 1998, 18–19; 36–38). Упрощение исконной скандинавской трехродовой системы в двухродовую систему в шведской и датской литературной норме также связано с языковыми контактами (Кузьменко, 1998, 28–32). Нет ничего удивительного, что изменение родовой системы в датских диалектах Ютландии тоже могло быть связано с языковыми контактами. Однако то, что такие контакты привели не просто к исчезновению рода, как это произошло, например, в восточношведских диалектах Недерветиля и Гамла Карлебю, а к формированию семантической двухродовой системы вещество/невещество, связано с особенностью контактирующих диалектов. Отмеченные выше формальные и семантические особенности вещественных существительных (в частности выражение вещественности нулевой формой при существовании артиклевой корреляции соотнесенности, совпадение нулевой формы вещественных существительных с формой множественного числа существительных среднего рода, наличие разных квантификаторов для вещественных и невещественных существительных) были характерны и для контактирующих с датскими диалектами западногерманских языков. Именно наличие категории рода во всех контактирующих диалектах в Ютландии и общность формального выражения вещественной семантики существительных способствовали формированию семантической двухродовой системы в областях контактов и прежде всего в западной Ютландии.

Таким образом, изменение родовой системы в западноютландских и частично в южноютландских диалектах можно представить себе следующим образом. Контакты этих диалектов с западногерманскими языками в условиях семикоммуникации обусловили упрощение исконной

трехродовой системы во всех контактирующих языках. Наличие во всех германских языках сходных формальных признаков у существительных вещественной семантики обусловили формирование двухродовой семантической системы: вещество (neutr.) – невещество (utr.), которая является, вероятно, последним этапом перед полным исчезновением родовых различий, поскольку средний род имеет только ограниченное формальное выражение и характерен только для небольшой группы слов. Этапы формирования такой системы в западноютландских диалектах устанавливаются путем анализа соответствующих признаков, распространившихся за пределы западной и южной Ютландии.

Литература

- Кузьменко Ю.К.* Этнические контакты в Ютландии и языковые изменения в датских диалектах // *Этнолингвистические исследования: Этнические контакты и языковые изменения*. СПб., 1995. С. 28–60.
- Кузьменко Ю.К.* Языковые контакты и морфологические изменения: Судьба категории рода в скандинавских языках и диалектах // *Этнолингвистические исследования: Взаимодействие языков и диалектов*. СПб., 1998. С. 5–40.
- Стеблин-Каменский М.И.* Грамматика норвежского языка. Л., 1957.
- Andersen N.* Det danske Sprogs Indflydelse på Højtysk i Nordschleswig // *Dania*. Bd. 6. 1899. S. 129–194.
- Beito O.* Nynorsk grammatik. Utg. 2. Oslo, 1986.
- Bennike V., Kristensen M.* Kort over de danske folkemaal. Text. København, 1911.
- Bock K.N.* Niederdeutsch auf dänischem Substrat. Kopenhagen; Marburg, 1933.
- Brøndum-Nielsen J.* Dialekter og dialektforskning. København, 1951.
- Christensen B.* Lollandsk grammatik. København, 1936.
- Danske dialekttexter*. København, 1971.
- Diderichsen P.* Elementær dansk grammatik. København, 1957.
- Hansen Aa.* Moderne dansk. Bd 2. København. 1967.
- Hjorth P.L.* Nordsamsisk bøjningslære. København, 1958.
- Jacobsen P.* Mundarten i Flemløse sogn. Vestfynsk. Utg. af P. Andersen. København, 1933.
- Jensen E.* Houbjergmålets bøjningslære. København, 1956.
- Kristensen M.* Folkemål og sproghistorie. København, 1933.
- Läfstedt E.* Beitrag zu einer nordfriesischen Grammatik. Uppsala, 1968.
- Nielsen N.-A.* De jyske dialekter. København, 1959.
- Sandvad H.* Stauningmålet. Aarhus, 1931.
- Skautrup P.* Sproget i håndskriftet AM. 298 fol. til jyske lov i dets forhold til nulevende jyske folkemål. // ANF, 41, 1925. S. 1–57.
- Skautrup P.* Sammenhænge i dialektal udvikling // *Runer og rids*. København, 1952. S. 95–103.
- Werner O.* Zum Genus im Deutschen // *Deutsche Sprache*. Bd 1. 1975. S. 35–58.
- Wright J.* The English Dialect Grammar. Oxford; London; Edinburgh; Glasgow; New York; Toronto, 1905.

Udviklingen af et semantisk genussystem i de vestjyske dialekter

I artiklen behandles etaper af og faktorer for udviklingen af et specielt genussystem med to semantisk betingede grammatiske køn (neutrum ved stofbetegnelser, fælleskøn ved alle øvrige substantiver). Artiklen er struktureret på følgende måde: 1. Semantiske og formelle genusforskelle i vestjysk, 2. Semantiske og formelle forudsætninger for udviklingen af et semantisk genussystem, 3. Udviklingens etaper, 4. Udviklingens årsager. Udviklingens etaper fastslås med henvisning til øst- og sydjyske mål, som endnu ikke har fuldstændig udviklet det semantiske genussystem. Det første skridt i udviklingen har været en overgang af oprindelig ikkeneutrale stofbetegnelser til neutrum (*mælk, grød, aske*). Sådanne ord blev først til pluralia tantum neutr. og siden til singularia tantum neutr. Den anden vej var generaliseringen af det partitive det ved de oprindelige ikkeneutrale stofbetegnelser (jfr. *det mælk – mælken > det mælk – mælket*). Det afgørende skridt i udviklingen har været overgangen af oprindelig neutrale individua til fælleskøn (*hus, barn*). Formelt sammenhænger denne udvikling med udviklingen af den foranstående bestemte artikel (*huset > æ hus*).

Impulsen for udviklingen af semantisk betinget genussystem er dog at søge i sprogkontakter af danske dialekter med andre germanske dialekter, som havde samme formelle kendemærker ved stofbetegnelser i Vest- og Syddjylland på vikingetiden og i middelalderen.

Ю.А. Клейнер

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИСЛАНДСКОЙ ПРЕАСПИРАЦИИ

В мае 1998 г., выступая в Германском семинаре Петербургского лингвистического общества, В.П. Берков упомянул скандинавскую преаспирацию, заметив, что все интерпретации этого явления, до сих пор предлагавшиеся, представляются ему в той или иной степени неудовлетворительными. Что именно кажется ему неточным, неверным или просто ошибочным, В.П. Берков не уточнил. Поэтому я на свой страх и риск выбрал ряд положений, являющихся, как мне казалось, бесспорными, т.е. находящимися в соответствии с установленными принципами строения и функционирования исландской фонологической системы, и попытался увязать их с реконструируемыми (и потому менее очевидными) фактами, относящимися к более ранним периодам истории скандинавских языков. Чтобы не увеличивать объем статьи, я вынужден был отказаться от обсуждения ряда интересных деталей и постарался избежать полемики по частностям, но не удержался от предположений, гипотетических даже в пределах предлагаемой гипотезы. Менее всего я рассчитывал на «презумпцию безнаказанности» диахронических построений, понимая, что и

эта гипотеза может сгодиться лишь на то, чтобы пополнить коллекцию «лживых саг», собранную В.П. Берковым.

Бесспорных фактов, касающихся исландской преаспирации даже в ее современном виде, совсем немного. Уже одно то, что распределение преаспирации привязывается к графическим позициям (притом, что на письме она никогда не отображалась), указывает на сложность проблем, связанных с фонологической интерпретацией этого явления (ср.: придыхание между кратким гласным и *p, t, k + l*, *n* или удвоенными на письме *p, t, k*). Случаи типа *kaupmáli* 'контракт' или *villauss* 'безумный', где наличие/отсутствие преаспирации зависит от долготы гласного первой основы, ср. /kõu:pʰ-/ ~ /kõu:p-/; /vi:tʰ-/ ~ /vi:t-/ (Берков, 1962, 352, 866), которые А.С. Либерман объясняет сдвигом количественного пика (Liberman, 1982, 92), показывают, что она связана с корреляцией слогового равновесия, основанной на взаимозависимости длительности гласных и согласных в слоге, /V:C/ = /VC:/. На этом «очевидные» факты, собственно, и заканчиваются.

То, что преаспирация является частью структуры /VC:/, просодический характер которой вроде бы не оспаривается, не мешает толковать ее не только как просодему, причем в разных смыслах (см. Кацнельсон, 1966; Либерман, 1971; Liberman, 1982),¹ но и как реализацию сегментной единицы, т.е. фонемы, например, /h/ (Стеблин-Каменский, 1966 (= 1957); Кошкин, 1961; Pétursson, 1978, 62, 171); видимо, можно было бы истолковать ее и как различительный признак.

В диахронической своей части проблема преаспирации столь же неоднозначна. Никаких прямых свидетельств ее появления нет. Датировка преаспирации колеблется от IX–X в. (Charman, 1962) до XVI–XVII в. (Кошкин, 1961). Ее возникновение связывают с необходимостью отличать новые геминаты от старых (К.Й.С. Марстандер) или, наоборот, со слиянием геминат разного происхождения (К.Г. Чэпмен). Наконец, с точки зрения фонетического механизма, возникновение преаспирации трактуется либо как переход постаспирации в препозицию (П. Наэрт – Naert, 1969), либо как консонантизация глухого отступа гласного (В.В. Кошкин) (подробный обзор теорий преаспирации приводится в работах: Либерман, 1971, 110–120; Liberman, 1982, 90–110).

К.Й.С. Марстандер, один из авторов теории раннего происхождения преаспирации, предположил, что простым преаспирированным согласным предшествовала стадия преаспирированных геминат, ^htt/, ^hpp/, ^hkk/, в свою очередь, развившихся из «сонантических групп» и явившихся результатом сложных ассимилятивных процессов (Marstander, 1932,

302–304). Фонетические объяснения диахронических процессов, как правило, недоказуемы и работают лишь в контексте данной фонологической системы, точнее, перехода от одной системы к другой. Точно так же «ассимиляция», подобно большинству фонетических терминов, используемых в диахронической фонологии, – лишь ярлык, служащий для обозначения некоторого процесса, сущность которого, как говорилось выше, определяется фонологическим, а в нашем случае просодическим контекстом и его изменениями. Именно так рассматривал преаспирацию А.С. Либерман, отождествляя преаспирацию с толчком (*stød*) – сначала общедатским (Либерман, 1971), а позднее – с западноюотским (Liberman, 1982). Просодическим контекстом последнего также, судя по всему, является слоговое равновесие, в котором структура /V'C/ представляет собой аналог шведско-норвежской структуры /VC:/. Общедатский же толчок, по А.С. Либерману, соответствует более ранней, моросчитающей стадии и служит для деления фонематического базиса на моры. То, что два вида толчка представляют две диахронически различные стадии, несомненно, хотя последовательность их, видимо, иная.² Моросчитание основывается не столько на делимости базиса, сколько на равенстве просодических структур: /:(C)V:-/ = /:(C)VC:-/ = /:(C)VCCV:-/, – предполагающем наличие границы ритмического членения после каждой из них (см. Клейнер, 1991; Кузьменко, 1991). Если в древнеисландском существовал какой-то аналог современной преаспирации, он должен был входить в одну из этих структур.

Интересная догадка была высказана в этой связи Е. Дитом, который предположил, что в таких словах, как *dóttir* [dou^htir] 'дочь' преаспирация могла бы представлять собой сохранившееся германское /x/, то же, что в др.-англ. *dóhter*. Сам Е. Дит рассматривал такое допущение как чисто умозрительное, считая, что в действительности в исландском группа /oht/ развилась в /ouht/ (т.е. /ou^ht/) через /o:xt/ и /o:tt/ (Dieth, 1950, §163). Неудивительно, что эта гипотеза осталось практически незамеченной. (В обзоре А.С. Либермана, где ей отведен всего один параграф (Либерман, 1971, 114), она даже не комментируется.) Между тем от точки зрения Марстандера–Чэпмена это предположение отличается только отсутствием фантастических конструкторов, вроде «сонантических групп», и не предполагает стадии преаспирированных геминат, также ничем не подтвержденной. Если же древнеисландское /tt/ в действительности представляло собой простой преаспирированный согласный или сочетание /ht/, ничто не мешает предположить далее, что остальные глухие смыч-

ные геминаты заимствовали преаспирацию или /h/ именно из этой позиции.

В принципе, от гипотезы Марстандера такое допущение отличается только отсутствием промежуточных стадий, призванных объяснить переходы /ht/ > /tt/, /mp/ > /pp/, /nt/ > /tt/, /nk/ > /kk/ (например, утрата назализации и взаимоуподобление дентальных и носовых и т.п.). С точки зрения их фонетического механизма, большинство ассимилятивных процессов в древнегерманских языках следовало бы рассматривать как самостоятельные, не связанные друг с другом изменения (или группы изменений), что явно неверно с точки зрения их просодического контекста (моросчитания). Последний же не менялся на протяжении всего древнего периода истории германских языков. В моросчитающих системах функция согласных – разграничение ритмических структур; геминаты в них выступают как (бифонемные) сочетания согласных (см. Плоткин, 1975) реализующие просодический комплекс / $(C)VC-(C)$ /. Комплекс / $(C)VC_1C_2$ / (где $C_1 = C_2$), который во всех германских языках возникал, например, при упрощении трехконсонантных групп или выпадении гласного, вполне мог послужить моделью для любого удвоения согласных, ср. западногерманскую геминацию перед /j/, др.-англ. *biddan*, др.-фриз. *bidda*, др.-в.-нем. *bitten*, др.-сканд. *biddian*, (гот. *bidjan*) ‘предлагать’, с одной стороны, и, с другой – сходное с ним древнеисландское удвоение /k/ и /g/ перед /j/ и /w/, *stygga* ‘пугать’, *dyggr* ‘верный’ (основы на *-wa-*), *lykkja* ‘петля’, *røkkur* ‘темный’ (гот. *riqis*) (Noreen, 1884, §202). Все эти изменения вряд ли сводимы к единой «фонетической тенденции», но все они вписываются в общую схему сохранения структуры / $(C)VC-/$ и, соответственно, ее границ. В принципе, само сочетание /ht/ могло бы послужить моделью изменений, условно называемых ассимилятивными, из чего следовало бы, что геминации глухих смычных в исландском, собственно говоря, не было (т.е. *lykkja* с самого начала было /*lyhkja*/). В сущности, этому не противоречит ни существование диалектов без преаспирации, ни геминация звонких в самом исландском. Единственный вопрос, на который придется ответить в этом случае, касается статуса удвоенных согласных в различных просодических (= ритмических) структурах.

Преимущество гипотезы об образовании преаспирации из /ht/ перед теориями ее спонтанного происхождения не ограничиваются простым указанием на источник. Нет ничего невозможного в том, что какое-то свойство гласного или согласного (глухой отступ, придыхание, постаспирация) в какой-то момент становится его различительным признаком или даже приобретает самостоятельный статус в качестве сегментной или

просодической единицы. В этом случае развитие группы /Vht/ нужно будет представить как /Vht/ > /V:xt/ > /V:tt/ > /[V + глайд]ht/ (ср. /dohtir/ > /do:xtir/ > /do:ttir/ > /douttir/), что и сделал Е. Дит, отказавшись от своей остроумной догадки.

А. Нурен считал удлинение гласного в таких словах, как *dóttir* или *átta*, др.-англ. *eahta* ‘восемь’, компенсаторным, т.е. вызванным выпадением /x/ (см. Noreen, 1884, §104). В другом месте он говорит об ассимилятивном переходе *ht* > *tt*, не исключая, впрочем, и компенсаторного удлинения (Noreen, 1884, §197.3). Компенсация при выпадении сегмента предполагает либо удлинение гласного, **gunþ* > др.-англ. *gūþ* ‘бита’, либо согласного, *gunnr* ‘то же’. Таким образом, компенсаторное удлинение и ассимиляция – это взаимоисключающие понятия.

По М.И. Стеблин-Каменскому, удлинение гласного происходило перед *tt*, возникшим по ассимиляции из *ht* (Стеблин-Каменский, 1955, §47.4; 62.2). Но перед двойными (долгими) согласными или сочетаниями согласных происходило сокращение гласного, *mitt* ‘мне’, *gott* ‘хорошо’ (Стеблин-Каменский, 1955, §48.1,2). Следовательно, *tt* в *gott* и *dóttir* были различны, а единственным отличием могло быть либо /h/, либо его рефлекс, сохранившийся во втором случае, но отсутствующий в первом.

То, что еще в X в. реализацией /tt/ могло быть /ht/ (или /^ht/), подтверждается, хотя бы косвенно, скандинавскими заимствованиями в среднеанглийском, ср. *haht* (< *hætta*) ‘опасность’, *saht* (< *sætt*, *sátt*) ‘соглашение’, *slahter* (< *sláttir*) ‘сенокос’, о чем, кстати, упоминает и Марстандер (Marstander, 1932, 298).

Общеизвестно, что в германских языках *h* обладает особыми свойствами, проявляющимися среди прочего во взаимодействии его с предшествующим гласным, ср. готское и древнеанглийское преломление, отсутствие плотного контакта перед /hC/ и т.п. Естественно предположить, что скандинавское *h* обладало такими же свойствами и что /ht/ (в *dóttir*, *átta* и т.п.) относилось к числу «удлиняющих групп», аналогичных древнеанглийским гоморганным или соответствующим древнеисландским сочетаниям. Комплекс /((C)V:h-/ , образовавшийся в данной позиции, занимал промежуточное положение между /((C)V:-/ и /((C)VC-(C) : с долгим ядром, но с границей внутри сочетания /CC/. В этой позиции *h* нельзя отделить от гласного (между ними не проходит ни слоговая, ни морфологическая граница); этим *h* напоминает глайды либо в современных английских дифтонгах, либо – еще более – в древнеанглийских формах типа *mægd/mæ:d* ‘дева’, где *g* выполняет ту же функцию, что и долгота, т.е. указывает на границу ритмического членения. Для того чтобы опреде-

лить просодическую роль *h* в *dóttir*, его совсем не обязательно называть «резким акцентом» (ср. Кацнельсон, 1966, 325, прим. 422), поскольку единственная функция *h* здесь состоит в том, чтобы служить пограничным сигналом на стыке двух просодических комплексов (/do:h-tir/). Элемент, выполняющий такую функцию, может находиться в неэтимологической для себя позиции, как, например, др.-в.-нем. *h* после долгого гласного (т.е. комплекса /(C)V:-/), ср. *bluohan* (= *bluoan*), совр. *blühen* 'цвести' (Braune, 1955, §110, прим. 2). Не исключено, что уже в древнеисландском *h* использовалось в качестве пограничного сигнала в таких формах, как *bákn* 'бакен', др.-англ. *bēacen* (совр. исл. *bákn* /bau^hkn/ 'масса') или *bátnum* (bau^htnum – дат. над. опр. форма от *bát* 'лодка', где граница комплекса также проходит после долгого гласного (закон Сиверса), а *kn, tn* со слоговыми сонантами (Noreen, 1884, §136) образуют самостоятельные ритмические единства.

Просодическая структура форм с эпентезой, развивавшейся в словах с кратким гласным и последующим сочетанием шумного и сонанта, *vatn* 'вода', *botn* 'дно', – это самостоятельная и весьма сложная проблема. А.С. Либерман объясняет появление преаспирации в таких словах как следствие их удлинения за счет усиления смычного (Lieberman, 1982, 269). В западногерманских языках эпентезе, как правило, сопутствовала геминация (см. Goblirsch, 1998); в древнеисландском также отмечается удвоение согласного перед группой «краткий гласный + сонант», хотя и не столь регулярно, ср. *mikkel* 'большой', мн.ч. *mikkler* (редк.) = *mikler* (Noreen, 1884, §203, прим.). В *mikkler*, кроме того, удвоение согласного могло быть своего рода реакцией на потенциально слогоначальное сочетание (/kl/) и возможность появления краткого гласного в открытом слоге (структура, недопустимая в древнегерманских языках). Геминация, предполагавшая слогоделение /(C)VC-C/, и делала первый слог долгим, т.е. создавала структуру, просодически равную /(C)V:-/. (В *mikler* – при слогоделении /mik-ler/ – слог был долгим и без удвоения.) То же относится и к потенциально слогоначальным сочетаниям *gj, kj*, в которых первый согласный также удваивался, по-видимому, с той же целью. В этой связи интерес для нас представляет эпентеза согласного в *soktn* (= *sókn*) 'езд', *vaktn* (= *vatn*) 'вода' в диалектах, которая, с точки зрения ритмического членения, уравнивает *bótn* и *vatn*: /bo:-tn/ (см. выше), /vak-tn/, а также преаспирация в /le^hg:a/ *leggja* 'класть', отмеченная Стефауном Эйнарссоном в диалекте Восточных фьордов (см. Lieberman, 1982, 91). В этом слове преаспирация, вероятно, возникла по аналогии с формами с глухим смычным, где она (= *h*) изначально могла быть естественным по-

граничным сигналом. Таким образом, уже в древнеисландском существовал целый ряд сочетаний кратких гласных с последующим глухим смычным, где можно предположить наличие *h* в функции, сходной с современной.

Вопрос о статусе преаспирации (или ее аналога) в различные периоды истории исландского языка решается только в свете ее отношения к ритмическому членению и соответствующим просодическим структурам. И здесь оказывается, что интерпретация ее неоднозначна. По мнению В.Я. Плоткина, преаспирация (которую он относит к XIV в.) была частью процесса регрессивной диссимиляции (наряду с /ll/ > /dl/, /nn/ > /dn/), т.е. «расподобления» геминат, представляющих собой бифонемные сочетания (см. Плоткин, 1975). Но, как было показано выше, в древнеисландском *h* после долгого гласного не отделяется от последнего, подобно глайду. (В этой связи положение В.В. Кошкина о том, что она развилась из глухого отступа гласного, не безосновательно.) Сочетание /hC/, из которого, возможно, развилась преаспирация (и/или то, что условно можно назвать геминатами), вероятнее всего, было бифонемным. Но было ли бифонемным /tt/, развившееся из этого сочетания и, в целом, геминаты? Автор «Первого грамматического трактата», следовавший принципу «одна фонема – одна графема», обозначал все «долгие» согласные одной заглавной буквой (Naugen, 1950, 27–28). Его довольно темное объяснение этого позволяет предположить, что уже во время написания трактата геминаты допускали двоякое толкование. Как в таком случае трактовать *h* (= преаспирацию) в этой позиции? И здесь, видимо, не следует недооценивать данные орфографии и, в частности, тот факт, что с момента образования геминат ни *h* (+ согласный), ни преаспирация никогда не отражались на письме, т.е., вполне возможно, воспринимались как часть последующего согласного. Нужно отметить, что такие согласные (или сочетания согласных) сохраняли свойства «удлиняющих групп», которые они утратили лишь после установления корреляции слогового равновесия, куда, таким образом, вписались и краткие дифтонги – явление, не менее уникальное, чем преаспирация.

Вопрос о статусе преаспирации после установления корреляции слогового равновесия прост и сложен одновременно. В зависимости от места слоговой границы – после [h] или [hC] – преаспирацию следует интерпретировать либо как элемент структуры /VC:/, аналогичный части сочетания /VCC/, либо как единый комплекс /hC/, аналогичный долгому согласному. Ни то, ни другое, однако, не влияет на ее статус просодемы: в первом случае преаспирация неотделима от вокалического, во втором –

от консонантного сегмента, каждый из которых, в свою очередь, невычленим из просодического комплекса /VC:/.

Примечание

¹ В данной работе под просодикой понимаются правила ритмического членения речевого потока на единицы, не совпадающие ни с членением на фонемы, ни с морфологическим членением (слоги, комбинации слогов). Соответственно, всякий элемент фонологической системы, участвующий в таком членении, выполняет и просодическую функцию.

² По Ю.К. Кузьменко (1991, 70–79) общедатский толчок служит для реализации свободного примыкания гласного к последующему согласному, а значит, входит в корреляцию слогового контакта, стадияльно более позднюю, чем слоговое равновесие.

Литература

- Берков В.П.* Исландско-русский словарь. М., 1962.
- Кацнельсон С.Д.* Сравнительная акцентология германских языков. М.; Л., 1966.
- Клейнер Ю.А.* Заметки по древнегерманской просодике // Дiachроническая контрастивность германских языков. Тверь, 1991.
- Кошкин В.В.* Преаспирация в исландском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1961.
- Кузьменко Ю.К.* Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991.
- Либерман А.С.* Исландская просодика. Л., 1971.
- Плоткин В.Я.* О фонологической природе длительности звуков в исландском языке // Исследования по германской филологии. Кишинев, 1975.
- Стеблин-Каменский М.И.* Древнеисландский язык. М., 1955.
- Стеблин-Каменский М.И.* Исландское передвижение согласных // Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966 (первая публикация – 1957 г.).
- Braune W.* Althochdeutsche Grammatik. Tübingen, 1955.
- Goblirsch K.* The Types of Gemination in West Germanic // Insights in Germanic Linguistics. New York, 1998.
- Chapman K.G.* Icelandic-Norwegian linguistic relationships // Norsk tidsskrift for sprogvidenskap. 1962. 7 (supplement).
- Dieth E.* Vademecum der Phonetik. Bern, 1950.
- Liberman A.* Germanic accentology. Vol. 1. The Scandinavian accentology. Minneapolis, 1982.
- Haugen E.* First grammatical treatise: The earliest Germanic phonology // Language. 1950. 26. № 4 (supplement).
- Marstander C.J.S.* Okklusiver og substrater // Norsk tidsskrift for sprogvidenskap. 1932. № 5.
- Naert P.* La différentiation de consonnes en corrélation quantitative en islandais et féroyen // Orbis. 1969. 17. № 2.
- Noreen A.* Altisländische und altnowegische Grammatik. Halle, 1884.
- Pétursson M.* Isländisch. Hamburg, 1978.

Preaspiration is regarded as originating from Gmc. *ht, cf. Runic dohtir, OE *dohter*, Old Icelandic *dóttir* Modern Icelandic [dou^htir], preserved in the 10th c. Scandinavian loanwords in English, cf. *haht* (< hættta) 'danger', *saht* (sætt, sátt) 'agreement'. This set up a model for assimilatory changes resulting in consonant doubling, e.g. /mp/ > /pp/, etc. Depending on the place of syllable boundary in the /VhC/ combination, viz. after [h] or [hC], preaspiration can be interpreted either as part of the /V^h-C/ complex (i.e. /VC:/ = /VCC/) and of the vowel segment or as a monophonemic /^hC/ segment (= /C:/) and, hence, part of the consonant. In either case, it has a prosodic function, which it had in the earlier periods, participating in compensatory processes.

И.И. Чекалов

ЭДДИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ В «БЕОВУЛЬФЕ»:

'HORD ... OPENE' – 'OPIN VAR ILLÚÐ'

I

Параллель, выявляемая в настоящей работе, фиксируется двумя словосочетаниями, встречающимися в тексте соответственно «Беовульфа» (Beo. 2270₂-2271₂) и «Песни о Вёлунде» (Vkv. 21₃, 23₃). Одно из них заключено во фразе, занимающей три кратких строки аллитерационного стиха: *Hordwunne fond / eald ūhtscaða / opene standan* 'старый ночной вредитель обнаружил, что сокровище-радость лежит открытым'.¹ Другое представляет собой краткую строку аллитерационного стиха, самостоятельную в синтаксическом отношении и дважды повторенную в эддическом тексте: *Opin var illúð* 'Открытым было зло'.²

Несмотря на очевидные различия в поверхностно синтаксической организации рассматриваемых отрезков текста, глубинная структура вычленимых из них словосочетаний *hord ... opene* и *opin var illúð* однотипна, так как в обоих случаях мы имеем дело с соотношением означаемых как вещи и признака.

Подобные семантические сочетания М.В. Никитин называет экспликационными. «Вектор экспликации, – пишет он, – направлен от имени признака к имени вещи и не меняется при смене вектора синтаксического подчинения (т.е. вектора формально-синтаксической зависимости).

Например, сочетания *белый снег, снег бел, белизна снега* – экспликации-онны, и в них имя вещи ‘снег’ – экспликандум, а имена признака этой вещи ‘белый, бел, белизна’ – экспликанды.³ Экспликационные словосочетания М.В. Никитин отличает от чисто атрибутивных, «поскольку экспликацией описываются глубинно-синтаксические отношения (отношения денотатов), и тут несущественно, какое из двух слов подчинено другому и является ли их связь непредикативной или предикативной. Важно лишь, чтобы денотаты имен соотносились как вещь и признак».⁴

Именно такое соотношение денотатов имен наблюдается в словосочетаниях *hord ... orene* и *orin var illúð*. Однако эти последние сопоставимы не только по типу своей семантико-синтаксической структуры, т.е. типу экспликации, но и по составляющим их смысловым элементам, т.е. денотатам имен.

Хотя *orene* и *orin* являются словами разных языков, денотативная идентичность, стоящая за данными именованями, – подразумеваемый один и тот же признак – не вызывает сомнения. Эта идентичность прослеживается на уровне этимологических связей в германских языках как смысловой элемент, выражающий движение вверх,⁵ лексематически она отражена в словарных дефинициях, подтверждаемых, в частности, примерами из корпуса «Беовульфа» и «Эдды».⁶

Однако словарные дефиниции, как известно, дают лишь статическое представление о значении слова, семантическая динамика словопотребления – «сочетаемость потенциалов слов, связанные с творческим характером самого языка»,⁷ – проявляются только в контексте. «Каждый аспект значения слова, – отмечает Д.А. Круз, – отражен характеристикой своего соответствия (или несоответствия) норме в грамматически надлежащем контексте <...> Чрезвычайно полезной семантической моделью слова, выводимой из контекстных отношений, является модель, в которой значение слова рассматривается как образуемое, по крайней мере частично, значениями других слов».⁸

Если с этой точки зрения обратиться к значению слова *orene*, то можно обнаружить, что содержащийся в нем семантический компонент, «контрадикторно противопоставленный»⁹ внутренней форме слова *hord* (*secret place*)¹⁰, имеет различную дистрибуцию во фразовых контекстах «Беовульфа».¹¹

Диапазон данной лексико-грамматической вариативности выявляется посредством смыслового контраста таких словопотреблений *hord*, как

(1) *hord eft gescēat* ‘к сокровищу снова спешил’ (2319),

(2) him Hyggd gebæad hord ond rice ‘ему Хюггд предложила сокровища и власть’ (2369).

В первом случае значение *hord* поясняется парафразой *dryhtsele durnne* ‘скрытый роскошный зал’ (2320), во втором – его синонимом *bēagas* ‘кольца’ (2370). В одном случае этимологическая мотивированность слова *hord* влияет на смысл фразы, и это отражено в контексте (*durne* – *secret, hidden*, Klaeber), в другом нейтрализовано значением глагола *ge-bēodan* (*offer, show*, Klaeber).

Словоупотребление *hord* во фразе *hordwynne fond eald ūhtscaða* орепе примыкает к первому из вышеуказанных примеров: признак, лежащий в основе этимологической мотивированности имени вещи, – тот же, что и у глагола *hūdan* ‘прятать’,¹² – является оксюмороном признака имени, выраженного прилагательным *orep*. На это указывает не только значение глагола *findan* (*come upon*, Klaeber), но и весь смысл фразы, контрастный по отношению к тому, о чем ранее сообщалось: *gumena nāthwylc, / (...) þær gehūdde, / dēore māðmas* ‘некто из людей спрятал там дорогие кольца’ (2233₂–2236₁). Таким образом, дракон нашел раскрытым то, что некогда было скрыто.

II

В своем словаре к «Эдде» Хуго Геринг представляет *illúð* этимологически расчлененным, как *ill-úþr*, восстанавливая первоначальную форму слова в виде *ill-hugþr*. Иначе говоря, он возводит цельнооформленность слова к опрощению исходных элементов деривации с участием общегерманской морфемы *p/t*, подчеркивающей сигнификативный аспект значения. Соответственно он толкует *illúð* как *Bosheit*,¹³ что вполне укладывается в общий сюжетный контекст «Песни о Вёлюнде»: дети Нидуда, нарушив запрет отца не ездить на остров, где томится Вёлюнд, гибнут от руки того, к кому приехали:

Opin var illúð, er þeir í lito:
Sneið af haufuð húna þeira (Vkv. 23_{7,8}–24_{1,2}).

‘Открытым было зло, когда они внутрь посмотрели:
[Вёлюнд] снес голову юношам тем’.

В «Гренландских Речах Атли» слово этой же этимологии *ill-úðigr* (*ill-hugðir*) также содержит сигнал о предстоящей гибели героев. Хёгни называет свою жену и жену своего брата *illúðgar* (*übel gesinnt* – Неккель,

Am, 13),¹⁴ когда они предупреждают Гьюкунгов о грозящей опасности. Успокаивая Костберу и Глаумвер, Хёгни всячески разуверяет их, но, как явствует из «Гренландской Песни об Атли», он видит присланное сестрой кольцо, обвитое волчьим волосом, и не сомневается, что ему и Гуннару придется ехать «по волчьей тропе» (ср. Am. 11-28; Akv. 8).

По своей этимологической расчлененности слово *illúð* соотносится с устойчивым словосочетанием *ill hugr*. Геринг толкует данное словосочетание как ‘*Feindseligkeit*’,¹⁵ и в данном значении оно синонимично слову *illúð*. Словосочетание *ill hugr* встречается в трех эддических контекстах, в которых наблюдается некоторая дифференциация смысла.

В одном контекстном обрамлении – во «Второй Песни о Гудрун» – словосочетание *ill hugr*, использованное при введении темы вещей снов, предвосхищающих будущие события, означает темное состояние духа героини, когда она пробуждается от предчувствия гибели своих братьев:

Vakði mik Atli – en ek vera þóttomz
full illz hugar at frændr dauða (Gðr II, 37).

‘Пробудил меня Атли, и мне казалось, что я полна темных предчувствий о смерти родичей’.

В другом контекстном обрамлении – во «Второй Песни о Хельги – убийце Хундинга» – *ill hugr* ‘вражда’ и *reiði* ‘гнев’ занимают грамматически идентичную позицию по отношению к одному и тому же глаголу *hirða* (*sich kümmern*, – Геринг), что подчеркивает смежность понятий, о которых идет речь во фразе:

Hirð eigi þú Högna reiði,
né illan hug ættar þínnar! (НН II, 18_{1,4}).

‘Не страшись ты ни гнева Хёгни, ни вражды вашего рода’.

В третьем контекстном обрамлении – в «Песни о Хюмире» – мы также имеем дело с грамматическим параллелизмом:

er minn frí mörgo sinni
glöggr við gesti, gorr illz hugar (Нум, 9_{5,8}).

Одинаковая грамматическая функция фраз *glöggr við gesti* ‘скупой, в отношении гостей’ и *gorr illz hugar* ‘склонный к вражде’ дала возможность А. Корсуну переставить их в русском переводе без особого ущерба для смысла:

Злобен супруг мой часто бывает
И скуп на еду, принимая гостей.¹⁶

Злобность и жадность Хюмира взаимно мотивируют друг друга и предваряют его характеристику: *harðráðr* (суровый, Нум. 10₃).

Смысловая дифференциация устойчивого сочетания *ill hugr*, выявляя его семантическую подвижность, регулируемую ближнеконтекстными связями, тем не менее не затрагивает понятийного ядра, лежащего в основе синонимии *ill hugr* – *illúð*. В нем заключена информация о вражде. В рамках сюжета «Песни о Вёлунде» это значит, что зло, которое «было открытым» перед взором детей Нидуда, является злом-враждою, т.е. значение самого слова *illúð* содержит сигнификативный признак, отсылающий к представлению о борьбе, вражде, распре. Очевидно, именно сигнификативный аспект значения *illúð* не был воспринят детьми Нидуда, иначе они бы не погибли. Иными словами, к ним вполне приложимо то, что говорится о Гуннаре и Хёгни (а затем повторяется и в отношении Атли) в «Гренландской Песни об Атли»:

sýn var svipvísí, ef þeir sín gæði! (Am, 7_{3,4}; ср. 74_{3,4}).
‘виден был обман, если бы они побереглись’.

III

Что же закрывало для детей Нидуда восприятие сигнификативного значения слова *illúð*? Их внимание было направлено на тот материальный субстрат, обозначением которого служит данное слово, т.е. на его денотат:

*Kómo þeir til kisto, kröfðo lukla,
Opin var illúð, er þeir í sáo.
Fjölð var þar menia, er þeim mögom sýndiz
at væri gull rautt ok gørsimar* (Vkv. 21).

‘Они подошли к сундуку, спросили ключи, было открытым зло, в которое они посмотрели, там было много драгоценностей, которые, показалось юношам, были красным золотом и украшениями’.

В отличие от древнеанглийского *hord* внутренняя форма слова *illúð* не содержит информации о предметной референции, и эта последняя в нем непосредственно никак не представлена. Но она отчетливо выраже-

на в ближнеконтекстных связях слова и может быть по ним восстановлена. Сыновья Нидуда приезжают к Вёлунду *á dýr séa* 'посмотреть драгоценности' (20). Они *í sáo* и *í líto* 'смотрели и глядели внутрь' (21₄; 23₆). То, что они видят внутри сундука, предстает перед ними как множество драгоценных вещей в виде красного золота и украшений. Показатели референции, вычленяемые из прямых обозначений речи (*á dýr séa*, *menia*, *fjöld*, *til kisto*, *lukla* и т.п.), указывают на тот же предметный ряд, что и денотат древнеанглийского слова *hord*, причем два из них, коренящиеся в значении 'til kisto' и 'lukla', свидетельствуют о семантической антонимии *illúð* и *opin*, проявляя сходнозначность рассматриваемых словосочетаний в целом.

Сфера прямого лексического и поверхностно синтаксического выражения данной семантической структуры в «Беовульфе» и «Эдде» невелика.

В древнеанглийской поэме она ограничена двумя словоупотреблениями (2270–2271; 3056), но оба они являются ключевыми для раскрытия темы, имеющей важное сюжетное значение в «Беовульфе». Это тема заклётого золота. С того момента, как дракон обнаружил, что «сокровище-радость лежит открытым», он стал кладохранителем. Однако первоначально клад принадлежал древнему племени, которое, оставив свои сокровища на вечное хранение, наложило на него «крепкое заклётие»:

<...> wæs <...>
iūmonna gold galdre bewunden,
pæt ðām hringsele hrīnan ne mōste
gumena ænig, nefne God sylfa,
 <...> sealde pām ðe hē wolde
 <...> hord openian (Beo. 3051–3056).

‘Было золото прежних людей окружено заклётием, чтобы того зала колец не достиг никто из людей, кроме как сам Господь дал бы тому, кому захотел, клад открытъ’.

Дракон, надо думать, не мог удовлетворять такому условию и потому, найдя клад и став кладохранителем, должен был погибнуть.

В «Эдде» *illúð var opin* – *hарах legomenon*, однако планом своего содержания это выражение глубоко укоренено в языке эддических образов и представлений. Предметно слово *illúð* соотнесено с заклётым золотом. Заклётое золото ищет у Вёлунда Нидуд, и оно служит причиной

пленения «князя альвов». Золото, которое Вёлунд сулит детям Нидуда, также, вероятно, является заклятым, ибо Вёлунд, «искуснейший из людей», славится искусством не только кузнеца, но и волшебника. Заклятое золото является «металлом вражды» (*róg-málmr* – Акв. 26₆) и несет гибель каждому, кто к нему прикоснется. Именно это гибельное свойство золота фиксируется сигнификативным значением *illúð*.

Таким образом, несмотря на узость прямого лексического и синтаксического выражения рассмотренной семантической структуры, ее наличие выводит через непосредственную данность текста к ее формульной значимости, раскрывающей смысловую стержень темы заклятого золота, – одного из центральных моментов сюжетосложения в древнегерманском эпосе.

Примечания

¹ Текст «Беовульфа» цит. по: *Beowulf and the Fight at Finnsburg*, ed. <...> by Fr. Klacber, Lexington, 1950.

² Текст «Эдды» цит. по: *Edda: Die Lieder des Codex Regius <...>*, herausgegeben von Gustav Neckel. Bd 1. Heidelberg, 1914.

³ *Никитин М.В.* Лексическое значение слова: (Структура и комбинаторика). М., 1983. С. 63.

⁴ Там же. С. 63–64.

⁵ *Jóhannesson A.* *Íslandisches Etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1951–1956. S. 94–95.

⁶ *Bosworth J.* *An Anglo-Saxon Dictionary*. ed. by T.N. Toller. Oxford, 1954. P. 763; Supplement. P. 675.

⁷ *Кузнецов А.М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986. С. 75.

⁸ *Cruse D.A.* *Lexical Semantics*. Cambridge, 1986, P. 15–16.

⁹ Термин Р. Якобсона (Избранные труды. М., 1985. С. 224).

¹⁰ *The Oxford Dictionary of English Etymology* / Ed. Onions C.T. Oxford, 1985. P. 443.

¹¹ Слово *hord* употреблено в «Беовульфе» 18 раз: 919, 2212, 2276, 2283, 2284, 2319, 2369, 2422, 2509, 2744, 2773, 2799, 2955, 3004, 3011, 3056, 3126 (*A Concordance to Beowulf*, ed. by J.V. Bessinger Ithaca. New York, 1969. P. 185).

¹² Ср.: *The Oxford Dictionary of English Etymology*. P. 440.

¹³ *Gering H.* *Glossar zu den Liedern der Edda: (Saemundar Edda)*. Paderborn, 1907. S. 97.

¹⁴ *Neckel G.* *Edda: Die Lieder des Codex Regius. Bd 2. Commentierendes Glossar*. Heidelberg, 1927. S. 89.

¹⁵ *Gering H.* *Op. cit.* S. 98.

¹⁶ *Старшая Эдда: Древнескандские песни о богах и героях* / Пер. А.И. Корсуна; Ред. вступит. статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963. С. 50.

Am – Atlamál in groenlbnzko
Beo – Beowulf
Gor II – Guðrúnarkviða II
HH II – Helgakviða Hundingsbana II
Hym – Hymiskviða
Vkv – Volundarkviða

Ivan Chekalov

An Eddaic Parallel in «Beowulf»: 'hord ... opene' - 'opin var illúð'

The syntactic structure of the two given phrases (Beo. 2270,-2271.; Vkv. 21., 23.) is claimed to be semantically similar, this similarity suggesting their functional identity as formulaic and thematic units of the traditional Germanic epic language.

И.П. Куприянова

**РОМАН С.О. МАДСЕНА «НРАВСТВЕННОСТЬ
И БЕЗНРАВСТВЕННОСТЬ В СРЕДИННУЮ ЭПОХУ»**

Свен Оге Мадсен занимает примечательное место в общей картине датской литературы последних десятилетий. Он родился в 1939 г. в Орхусе, втором по величине городе Дании. После окончания гимназии Мадсен три года изучал математику в Орхусском университете, прежде чем обратиться к литературному творчеству.

Дебютировав в 1962 г. новеллой «Восьмой день» (Den ottende dag), Мадсен в последующие годы плодотворно работает в самых различных жанрах: его перу принадлежат десятки романов и новелл, театральных и радиопьес, пишет он и детские книги. Его произведения почти сразу получили признание критиков и доставили автору ряд престижных литературных премий, в том числе – Большую премию Датской Академии (1971).

Вступление Мадсена в литературу произошло в период почти безраздельного господства в ней модернистских течений. Следует отметить, что в 50-х и первой половине 60-х годов датская литература испытывает сильнейшее влияние со стороны литератур иностранных, в первую очередь – французской. Издаются переводы произведений А. Роб-Грийе, С. Беккета, Ионеско, Натали Саррот, Сартра. Знакомство с философией экзистенциализма естественно пробуждает интерес к Киркегору. Из не-

междоязычных писателей привлекают к себе внимание Кафка, Макс Фриш, Музиль.

Произведения, созданные Мадсенем в первый период его творчества, несут на себе явный отпечаток перечисленных влияний. В романах «Визит» (Besøget, 1963), «Увеселительные картины» (Lystbilleder, 1964), «Дополнения» (Tilføjelser, 1967) перед читателем предстают персонажи, мучительно сознающие свою неприкаянность в абсурдном мире, страдающие от невозможности определить содержание собственной личности, дробящейся на множество ипостасей. Во всех этих произведениях отчетливо звучит мысль о недостижимости объективного представления о мире, ибо он хаотичен, а любое суждение неизбежно ограничено позицией того, кому оно принадлежит. Особенно ярко это обнаруживается в романе «Дополнения», где те же события изображаются с позиции пяти различных лиц (а быть может, с позиции одного лица, переживающего различные душевные состояния). Идея автора была наглядно подчеркнута необычностью формы романа, изданного в виде кассеты из пяти книг, которые предлагается читать в любом порядке.

В середине 60-х годов ситуация в датской литературе существенно меняется. Этому способствовал ряд обстоятельств экономического, политического, социального характера. Крушение мифа о «государстве всеобщего благоденствия», обострение социальных противоречий, события международной жизни – не в последнюю очередь война во Вьетнаме и студенческие волнения – все это не могло не привлечь внимание общественности, а значит и писателей, к конкретным жизненным проблемам. Следствием этого явилось возникновение так называемого новореалистического направления, заметно потеснившего модернизм на датском Парнасе.

Изменился и характер модернистской литературы, сосредоточившей теперь внимание на самом творческом процессе, на способах изложения, на вопросах формы и языка произведения.

Эти новые тенденции четко обнаруживаются в произведениях Мадсена конца 60-х – начала 70-х годов. Чисто формально это проявляется в отказе от повествования в первом лице, что позволяет автору как бы отстраниться от изображаемого. Творческий процесс трактуется не как воспроизведение действительности в новых формах, а как реконструирование уже известных жанров и художественных приемов. Само существование человека и общества воспринимается как ряд шаблонных ситуаций, в которых, однако, за человеком сохраняется некоторая свобода выбора представления об этих ситуациях и своего поведения в

них. Точно так же писатель считает себя вправе по-своему использовать уже существующие формы и жанры, комбинируя их совершенно произвольно. Характерно следующее высказывание Мадсена: «Можно делать книги, запуская в ход один или несколько из хорошо известных книжных механизмов. Можно писать книги так-как-книги пишутся».¹ Из творческого процесса исключается эмоциональность, он превращается в создание неких конструкций, в своего рода игру. (Не случайно глава, посвященная Мадсену в многотомной истории датской литературы, носит название «Роман как игра».)²

В романе «Труп и вождение» (*Liget og lysten*, 1968) Мадсен комбинирует черты, свойственные детективу и порнографическому роману, тривиальному любовному повествованию и научной фантастике. В романе «Предположим, мир существует» (*Sæt verden er til*, 1971) пять составляющих его частей написаны в различных жанрах. «Игра», которую ведет Мадсен, предусматривает активное участие читателя, способного «опознать» приметы используемого жанра и оценить их трансформацию. Еще дальше идет Мадсен в этом «вовлечении» читателя в творческий процесс в книге «Дни с Диам, или Жизнь по ночам» (*Dage med Diam eller Livet om natten*, 1972). Эта книга состоит из 63 фрагментов, комбинируя которые, читатель может составить 32 законченные новеллы. Оглавление представляет собою пирамидальной формы схему, в которой каждому эпизоду предлагается два альтернативных продолжения.

Преимственность в отношении более ранних произведений Мадсена состоит на этом этапе в утверждении непостижимости существования, субъективности любых представлений о нем, но это утверждение окрашивается теперь в иронические, порой горько-иронические тона. Характеризуя данный период творчества Мадсена, датский исследователь Торбен Брострём пишет: «Писатель является хладнокровным конструктором, предполагающим, что мир существует. Что мир *существует*, мы, правда, знаем, но его природу можно анализировать лишь с неуверенностью и не исходя из предварительно усвоенных знаний».³

Тот же Брострём оценивает творчество Мадсена как «последствие модернизма 1960-х» и заключает: «Его завершение, говорят некоторые. Развитие и обновление – это правильнее».⁴

Хотя Брострём пишет это в конце 70-х годов, термина «постмодернизм» он не использует. Однако в докторской диссертации Анкера Гемзё, посвященной творчеству Мадсена,⁵ этот термин упоминается в связи с его произведениями, написанными после 1968 г. Вопрос этот достаточно сложен и его решение связано с трактовкой самого термина. Но

как бы там ни было, один роман Мадсена (и пока что самый значительный) несомненно, соответствует наиболее распространенному представлению о литературе постмодернизма. Речь идет о романе «Нравственность и безнравственность в срединную эпоху» (Tugt og utugt i mellemtiden, 1976), принесшем автору Премию критиков.

Здесь Мадсен в полной мере воспользовался собственным рецептом: писать «так-как-книги пишутся», но нашел при этом остроумную мотивировку своего метода. Авторство романа приписано некоему Ато Вари, представителю общества неопределенного, но явно весьма отдаленного будущего. В этом обществе не существует художественной литературы, поэтому «автор» использовал в качестве образцов проштудированные им произведения, созданные в «срединную эпоху», т.е. между 1500 и 2000 годами. Таким образом получает объяснение и невероятное смешение жанров (детектив, любовный роман, фантастика, философская притча и т.п.) и заимствование сюжетных ходов. Роману предпослано глубокомысленное предисловие «историка, специалиста по срединной эпохе в Дании», который, высоко оценивая эрудированность «автора» и познавательную ценность книги, отмечает все же некоторые исторические неточности. Отчетливая пародийность предисловия призвана подготовить читателя к предстоящей ему «игре».

Место действия романа – Орхус, родной город Мадсена, время действия – 1974–1975 годы. Детальное, абсолютно достоверное описание города, якобы восстановленное по историческим материалам, контрастирует с нарочитой «литературностью» развертывающихся в нем событий. Основа сюжета романа заимствована у Дюма: невинно осужденный герой, Людвиг Альстер, проведя 12 лет в заключении, бежит из тюрьмы, чтобы отомстить трем лицам, обрекшим его на страдания. Эти люди – полицейский, обвинивший героя в убийстве на основании весьма сомнительных улик, журналистка, восстановившая против него общественное мнение и тем самым воздействовавшая на присяжных, и формалист-судья, априорно посчитавший его преступником. В трансформированном виде сохраняются в романе и другие знакомые читателю по «Графу Монте-Кристо» моменты. Тут и фантастически дерзкий побег из тюрьмы, и случайно доставшееся герою богатство, и счастливый соперник в любви, косвенно повинный в случившемся, а главное – изощренная месть: каждый из трех врагов должен быть осужден, как и герой, за не совершенное им убийство.

Однако история Альстера – это лишь канва романа. В основной сюжет вплетаются десятки побочных, в действие вовлекается множество

персонажей и эпизодов, столь же очевидно имеющих литературное происхождение. Восточная красавица с таинственной ладанкой на шее, хранящая свою детскую туфельку, явно имеет прототипом героиню «Собора Парижской богородицы», но, в отличие от Эсмеральды, она – дочь турецкого иммигранта – не танцует на площади, а торгует кожаными поясами. Кстати, подпольное «королевство» роккеров, пленницей которых она оказывается, весьма напоминает «Подворье чудес» из того же романа. Схватка между представителями враждующих роккерских групп (из-за той же героини) описана подобно рыцарскому поединку: опутив «забрала» шлемов, противники несутся навстречу друг другу – но не на конях, а на мотоциклах, и вооружены они не копьями, а велосипедными цепями. О романах Вальтера Скотта заставляет вспомнить и сцена боксерского боя, изображенного в виде турнира. Присутствующая королева милостиво обещает в награду победителю отпустить находящуюся под стражей девушку, а принимающий вызов самоуверенного силача Людвиг Альстер вынужден выступать под маской. Но и здесь есть соответствующий корректив: маску герою заменяет нейлоновый чулок (владелица чулка в дальнейшем именуется Людвиг «своим рыцарем»), а девушка – задержанная полицией воровка. Упорство, с которым преследует героя упустивший его тюремный надзиратель (он же – известный архитектор и притом убийца), вызывает ассоциации с поведением инспектора Жавера, а сам герой, скрываясь от погони, пробирается, подобно Жану Вальжану, под улицами города по крытому руслу реки. (А. Гемзё обращает внимание на то, что имя, под которым скрывается Альстер, – Йенс Даль-Йенсен, является датской калькой имени героя «Отверженных».)⁶⁾

Содержание романа изобилует ситуациями, почерпнутыми из самых различных видов развлекательной литературы. Потерянный много лет тому назад сын возвращается к своим истинным родителям. Случайно обнаруженные старые письма помогают раскрыть тайну, долгие годы омрачавшую жизнь супружеской пары. У одного из персонажей появляется двойник, что вносит дополнительную путаницу в происходящее. Пациент психиатрической больницы внедряет свои темные вожделения в сознание почтенного предпринимателя, вынуждая того вести порочный образ жизни. Сознание двух других персонажей, педантичного учителя и вора-рецидивиста, в результате автомобильной катастрофы сливается в единое целое: они могут спать только по очереди, и тот, кто спит, становится во сне свидетелем всех действий бодрствующего. В романе присутствуют многочисленные атрибуты тривиальной литературы – го-

ловокружительные погони, роковые недоразумения, внезапные открытия, случайные встречи и т.п.

«Игра», которую ведет с читателем Мадсен, ориентирована на «партнеров», различающихся по степени осведомленности. Тем, кто не сразу обнаружит «первоисточники» романа, дается подсказка: на полках в квартире учителя стоят его любимые книги – «Собор Парижской богоматери», «Отверженные», «Айвенго», «Граф Монте-Кристо», «Парижские тайны» – и к ним специально привлекается внимание; мало того – в текст включается фрагмент начала «Парижских тайн». ⁷ Герой романа характеризуется как “miserable” – слово, отнюдь не широко употребительное в датском языке. К тривиальной литературе тоже дается своеобразная отсылка – одна из героинь запоем читает популярные еженедельники, где такого рода литература доминирует.

Можно найти в романе и нечто вроде тестов, предлагаемых читателю. Уровень здесь тоже различен – от бытового, до историко-литературного. Название сети магазинов ‘Hug Iøſ’ (букв.: «Тачи вовсю») вызовет ассоциации только у того, кто жил в Орхусе в 1970-е годы. Тогда там существовал универмаг железнодорожной компании, сокращенное название которого «SBV», местные жители иронически расшифровывали как “stjæl bare videre” («воруй себе дальше»). А когда в одной из философских интерлюдий приводится фраза «Из ничего и выйдет ничего», сопровождаемая замечанием о том, что Шекспир написал ее «без особого труда, так как то же самое было сказано другими гораздо раньше», ⁸ то даже узнавшему цитату из «Короля Лира» не обязательно известно, что эта мысль в разных формулировках встречалась ранее у Лукреция, Алека, Эпикура и некоторых других античных авторов.

Иронический тон, заданный в предисловии «специалиста по срединной эпохе», окрашивает собою все повествование, однако ирония чрезвычайно богата оттенками. Забавной кажется наивность «автора», думающего, что на Рождество зажигают свечи, чтобы отпраздновать изобретение электричества, и глубокомысленно рассуждающего о «национальных костюмах» жителей Орхуса (корректные костюмы и белые рубашки – на предпринимателях, джинсы и свободные блузы – на молодежи и т.п.). Фарсовый характер имеет описание полицейской реконструкции преступления, ложно инкриминированного герою. Горожане воспринимают происходящее как масштабное увеселение, как карнавал, в котором они принимают участие, облачившись по моде 1962 года, когда свершилось убийство. Преследующие сбежавшего преступника полицейские отпускают его, так как их задерживают за нарушение правил движения. И,

наконец, забравшийся на флагшток убийца не может быть схвачен, ибо, согласно юридическим нормам, он находится под защитой флага Европейского Содружества. Гораздо более горькой становится ирония в изображении системы судопроизводства. Так, ставший жертвой мести героя судья признает, что, хотя он не совершал приписываемого ему убийства, на основании существующих законов он не может быть оправдан и даже сам вынес бы себе обвинительный приговор. В «авторском» комментарии судебный процесс уподобляется ритуалу жертвоприношения и по этому поводу выводится заключение: «Достоинством порицания является не то, что человек нарушил закон, а то, что он подпал под обвинение».⁹

Нарочитая «литературность» повествования не мешает Мадсену касаться многих актуальных проблем своего времени, нередко представляющих в остром сатирическом освещении. Диапазон здесь также чрезвычайно широк. Социальное расслоение в современном городе ярко вырисовывается в изображении условий существования персонажей, принадлежащих к различным классам. История «восточной красавицы» и ее семьи предстает как наглядный пример униженного положения иммигрантов. Сама героиня готова быть буквально рабыней могущественного полицейского, чтобы спасти родных от голода и высылки из страны, а ее отец с восторгом хватается за возможность работы, за которую ему заведомо будут платить вдвое меньше, чем датчанину. Зло высмеиваются существующие методы искоренения социальных пороков: Ато Вари сравнивает их с поведением человека, поливающего бензином горящий дом, дабы огонь получил иную пищу и пощадил само строение.¹⁰ Гротескными чертами охарактеризован карательный механизм государства. Осужденную по подстроенному обвинению в убийстве журналистку выставляют в цепях к позорному столбу на центральной торговой улице Орхуса, посреди ликующей толпы любопытных. И точно так же ликуют полицейские и психологи, слушая речь закоренелого преступника, восхваляющего воспитательную роль тюремного заключения. Наконец, злодей-полицейский попадает под суд не за свои реальные злоупотребления властью, а в результате недоразумения (ему приписывают признание, присланное Людвигом Альстером); в порядке снисхождения судья разрешает ему взять с собой в тюрьму любимого кота, но по причине бюрократической путаницы кота помещают отдельно, в другую одиночку.

Ирония, а подчас и сатира писателя направлена на многие стороны общественной действительности. Здесь и конкурентная борьба между предпринимателями, которая приравнивается к «разборкам» враждующих банд роккеров, и религиозное лицемерие (кафедральный протес-

тантский собор наскоро декорируют под католический в угоду богачу-католику), и чрезмерное увлечение психоанализом (один из персонажей создает труд, декларирующий приоритет психического начала над физическим). В гротескном виде предстает и реально существующее противостояние Ютландии (и ее «столицы» Орхуса) и Копенгагена. Мадсен неоднократно обыгрывает языковые нюансы: копенгагенские предприниматели, приехав в Орхус, приспосабливаются к местному произношению; королева (в сцене «турнира») начинает свою речь «по-копенгагенски», но спохватившись, «переходит на ютландский, который изучала в течение года».¹¹ Эта линия кульминирует в изображении растущего движения «анти-к» (т.е. антикопенгагенского), размах которого вынуждает власти страны взвешивать возможности вооруженного его подавления.

По сути дела, комплекс общественных проблем, затрагиваемых в романе, тот же, что и в литературе «нового реализма», что придает повествованию актуальное звучание. Как справедливо утверждает Анкер Гемзё, роман может быть охарактеризован и как исторический (с позиции мифического «автора»), и как произведение о современности, и как роман философский. Это последнее качество роман обретает в большой степени благодаря вкрапленным в повествование размышлениям автора из будущего о том, что определяло жизнь людей в «срединную эпоху» — о любви и ненависти, о нравственности и безнравственности, о вере и суевериях, о роли знаний, о писаных и неписаных законах. Говоря о попытках людей постигнуть смысл существования, Ато Вари утверждает, что на протяжении тысячелетий люди ощущали, что их опоясывает некая незримая «веревка», и искали другой ее конец в самых разных сферах — в космическом пространстве, в законах природы, в ходе исторического процесса и т.п. «И лишь немногие, — пишет он, — осмеливались догадаться, что второй конец веревки привязан к другому человеку. Они называли веревку солидарностью».¹²

Эта мысль о взаимосвязанности людских судеб отчетливо звучит в романе. Герой убеждается в том, что не может осуществить свое мщение вне контакта с жизнью окружающих. Его борьба против несправедливости непредсказуемо приводит к новым несправедливостям; обстоятельства вынуждают его принимать помощь других людей и самому совершать добрые поступки. Однако возвращение в человеческое общество для Альстера невозможно: его жизнь сломана ложным обвинением, потеряно все, чем он дорожил, 12 лет прошли под знаком ненависти. И он обрекает себя на добровольное заточение в подземелье. Повествование замыкается в кольцо: роман открывается главой «Первый камень» —

герой вынимает его из тюремной стены, готовя побег, – и завершается главой «Последний камень» – герой кончает возводить стену между собой и миром. И последний иронический штрих: Людвиг не успевает узнать, что задуманное им мщение хотя бы в одном случае свершилось, причем именно благодаря его покаянному признанию.

Роман «Нравственность и безнравственность в срединную эпоху» не только выделяется среди произведений Мадсена по объему (в нем около 600 страниц), он невероятно многослоен и разносторонен. (Не случайно Анкер Гемзё посвятил его анализу треть своей диссертации.) Помимо указанных, лежащих на поверхности литературных аллюзий, можно найти немало иных, более тщательно «замаскированных». Упомянем хотя бы о том, что большинство персонажей носит имена известных деятелей датской литературы, а имена вымышленные обладают сложным скрытым смыслом. Обращение к различным жанрам естественно диктует соответственные стилистические формы. Повествование ведется то в третьем лице, то передоверяется персонажам.

По всем параметрам роман Мадсена – уникальное явление в современной датской литературе. Нельзя не согласиться с авторами книги «80 современных датских писателей», Йоргеном Брандтом и Асгером Шнаком, подчеркивающими, что именно творчество Мадсена «вводит международный новый роман в датскую практику».¹³ Связь произведения с постмодернизмом представляется очевидной, и в то же время определить однозначно характер этой связи навряд ли возможно, ибо условия «игры», предлагаемой писателем, позволяют заподозрить его в достаточно ироническом отношении к постмодернистским романам, характерные особенности которых приобретает у Мадсена едва ли не пародийный оттенок.

Примечания

¹ Цит. по: Litteraturhåndbogen. København, 1983. S. 409.

² *Romanen som spil* // Dansk Litteratur Historie. Bd. 6. København, 1978. S. 222–226.

³ Ibid. S. 223.

⁴ Ibid. S. 226.

⁵ *Gemzøe A. Metamorfoser i Mellemtiden: Studier i Svend Åge Madsens forfatterskab 1962–1986*. Aalborg, 1997.

⁶ Ibid. S. 245.

⁷ *Madsen Sv.Å. Tugt og utugt i mellemtiden*. København, 1976. Bd. 1. S. 318.

⁸ Ibid. Bd. 2. S. 205.

⁹ Ibid. Bd. 1. S. 184–185.

¹⁰ См.: Ibid. Bd. 2, S. 91.

¹¹ Ibid. Bd. 1. S. 122.

¹² Ibid. S. 287–288.

¹³ Brandt J., Schnack A. 80 moderne danske digtere. København, 1988. S. 160.

I.P. Kuprijanova

S.A. Madsens roman "Tugt og utugt i mellemtiden"

Svend Åge Madsens forfatterskab indtager en vigtig plads i Danmarks nutidige litteratur. Hans romaner, noveller og skuespil har indbragt ham kritikkers og læsernes høje anerkendelse samt flere litterære priser. Madsens hidtil største og betydeligste roman "Tugt og utugt i mellemtiden" (1976) har flere træk som tillader at karakterisere den som et postmodernistisk værk. Forfatteren kombinerer her flere velkendte subjekter og litterære former for ligesom at begrunde sin ironiske påstand: "Man kan skrive bøger sådan – som – man – skriver bøger".

Б.С. Жаров

ПОДВОДНЫЕ ЛЮДИ И ПОДВОДНЫЕ ДУХИ

(Скандинавско-русские параллели)¹

Богатая фантазия народов всего мира, в том числе Северных стран и России, создала галерею образов сверхъестественных существ, таких как тролли, гномы, эльфы, сифиды, вилисы, русалки, водяные, кикиморы, домовые, овишники, банники, лешие, бесы, ведьмы, бабы-яги и т.п., составлявшие в совокупности своего рода виртуальный мир древности.

Народные традиции были широко использованы в разных жанрах художественной литературы различных эпох и направлений, достаточно вспомнить Андерсена и Ибсена в Скандинавии или Пушкина и Гоголя в России, а также в музыке, театре, изобразительном искусстве. Литература и искусство не только взяли готовые фольклорные персонажи, но и создали целый ряд других, в чем-то новых, но в чем-то и старых, т.е. человекоподобных, обладающих особыми волшебными свойствами, таких как Карлсон, который живет на крыше, созданный шведской писательницей Астрид Линдгрен, галерея муми-троллей – героев финляндского шведскоязычного автора Туве Янссон и знаменитые герои Булгакова или же Чебурашка, сочиненный нашим современником Эдуардом Успенским.

Просвещенные жители Земли конца XX в. не слишком часто встречаются в обыденной жизни с этими удивительными персонажами, чем отличаются от людей предыдущих столетий. Но если учитывать миро-

вую литературу и цивилизацию в целом, то придется признать, что все они вместе взятые есть очень важный элемент культуры человечества. В таком более глубоком смысле данные персонажи для современных людей вполне реальны и во всяком случае не менее реальны, чем Дон Кихот, или Гамлет, или Наташа Ростова.

Человека древности со всех сторон окружали сверхъестественные существа, которые во многом были похожи на него и в то же время всегда чем-то отличались. Неожиданные для человека той поры события, непредсказанные и зачастую в принципе непредсказуемые радости и в особенности огорчения требовали объяснения. Ответственность за все непонятное и неожиданное была возложена человеком на сверхъестественные существа. Мир человека средневековья был густо населен такого рода существами, которые непрерывно действовали и совершали какие-то приятные или – пожалуй, чаще – неприятные для человека поступки. Эти существа, можно сказать, кишмя кишели вокруг человека, попадались ему на каждом шагу.

Жители Скандинавии в древности не только знали, что есть тролли, они видели троллей весьма часто и при желании легко могли их описать. В разных жанрах древнескандинавской литературы отразились многие мифологические представления скандинавов. Для дальнейшего изложения используется наиболее показательный – средневековые скандинавские баллады. Они были записаны довольно поздно, но по происхождению все ведут отсчет от XII-XIII вв.²

Итак, как выглядит тролль? Вот описание, данное очевидцами: «Аре зовется главный тролль, / И одолеть его трудно: / Он забирает в гору к себе / И моряков, и судно. / Глаза его, как костры, горят / И в жаркий день, и в стужу, / А когти, словно рога у козла, / На локоть торчат наружу – / Его борода висит до колен, / Как будто конская грива, / А сзади свисает у Аре хвост, / Мохнатый и длинный на диво» («Святой Олав и тролли», с. 31).³ К троллю можно было обратиться: «Уйми свою речь, уродливый тролль, / Ты будешь камень угрюмый. / Останься в горе до судного дня, / А людям вредить и не думай!» (с. 33).

На жизненном пути человека могли встретиться эльфы: «Улов к заутрене спешит, / Невидимый свет впереди горит. / По склону едет он вперед / И видит эльфов хоровод. / Эльфы лесные танцуют в ряд, / Волосы падают до пят. / Принцесса эльфов машет рукой: / «Улов, иди танцевать со мной!»» («Улов и эльфы», с. 80).

В подобных встречах для жителя той поры не было ничего необычного. Из гор или из леса, т.е. из труднодоступных мест выходили уди-

вительные существа – если говорить о той стихии, которая окружала скандинавов со стороны земли.

А как насчет моря? Естественно, скандинавы были уверены, что там живут не только рыбы. Там живут «водяные» и «русалки» – для сопоставительного рассмотрения подводных жителей в представлении скандинавов и восточных славян приходится использовать эти традиционные русские термины. «Агнете шла через мост, над волной / Со дна поднялся водяной. / «Агнете, ты приглянулась мне, / Хочешь жить у меня на дне?» / «Если возьмешь меня на дно, / Значит, с тобой мне жить суждено». / Он закрывает ей уши и рот, / К себе на дно ее берет. / Восемь лет она с ним жила / И семерых сыновей родила» («Агнете и водяной», с. 92).

Далее по ходу действия становится ясным, что человек, женщина по имени Агнете, сумела прожить под водой целых 8 лет и, судя по всему, вполне полноценной жизнью: она играла на арфе, носила красивые туфли. При этом, что важно отметить, она сама ни в коей мере не превратилась в то, что можно назвать «водяная» или «русалка».

Через 8 лет муж – водяной – разрешил ей ненадолго покинуть морское дно, чтобы повидаться с родными. Но, выйдя на берег, коварная супруга не вернулась к мужу и детям (как позже выяснилось, просьба о свидании с родными была не более, чем хитрой уловкой). Муж в панике выходит из моря и, оставляя мокрые следы (!) на суше, приходит к ней. Он очень просит вернуться: «Агнете, ты задержалась тут, / Дома дети плачут и ждут. ... Дома дети весь день не ели, / И вспомни о том, кто лежит в колыбели» (с. 94). Но земная женщина Агнете неумолима, она остается на земле.

Кроме водяных, в море водились русалки, надо понимать так, что в море были подводные жители не только мужского, но и женского пола: «Король велел русалку поймать / И в тяжкие цепи ее заковать» («Предсказание русалки», с. 97).

При подробном рассмотрении этих баллад и других аналогичных источников можно сделать вывод, что, в представлении скандинавов средневековья, кроме жителей земли, существовали – совершенно на таких же правах – жители подводного царства: морские мужчины и морские женщины, если с детьми, значит, с процессами рождения и смерти и со всеми прочими неизбежными атрибутами обычного земного существования. Между обитателями двух стихий был вполне возможен и даже обычен контакт. Так, например, водяной, прежде чем сделать официальное предложение руки и сердца Агнете, судя по повествованию, должен был какое-то, возможно длительное, время присматриваться к ней, так ска-

зять, подглядывать из воды: «Агнете, ты приглянулась мне, / Хочешь жить у меня на дне?» (с. 92).

Преодоление границы двух стихий не составляло трудности. По дороге с суши в море: «Он закрывает ей уши и рот, / К себе на дно ее берет» (с. 92). И позже при передвижении в обратном направлении: «Уши и рот он ей закрыл, / Вынес на землю, а сам уплыл» (с. 93). Эта очаровательная маленькая деталь говорит об осознании разности двух стихий для человека. Но с пересечением сухопутно-морской границы все проблемы как-то сами собой кончаются, на дне или во всяком случае в глубине морских вод, по-видимому, дыхание для земного человека становится делом совершенно нормальным. О сложностях дыхания водяных на суше ничего не говорится.

Земная женщина могла позволить себе такую вольность, как брак с жителем водного царства (вероятно, на тех же правах, что и брак с иностранцем в наши дни) и даже при желании добиться последующего развода, конечно при соблюдении необходимых условий. В подобного рода «смешанных» браках появлялись вполне полноценные дети, а у Агнеты и водяного их было целых восемь (не уточняется, впрочем, были они полностью морскими или сухопутными существами или чем-то средним).

Все сказанное нарушает нынешнее представление о мифологических подводных, в данном случае морских жителях, в соответствии с которым это во многом ограниченные, рыбоподобные хвостатые существа (лучше всего общепринятое представление о русалках выразил один мальчик: «Русалка – это сверху тетя, снизу рыба»).

В представлении средневекового скандинава все не так. Морские жители – это самые обыкновенные люди, но люди, живущие в воде. Существование такой детали, как наличие кислорода, тогда не очень принималось во внимание. Подводные жители были мужчинами и женщинами: на скандинавских языках слова, называющие подводных существ (дат. havmand, havfrue и аналогичные в других языках), означают «морской мужчина» и «морская женщина». Нет никаких упоминаний о хвостах. Хвост – приобретение более позднего времени. Ханс Кристиан Андерсен всемирно прославил уже этот другой тип подводного существа.

Было бы странно, если бы нормальная подводная жизнь в мифологии не предусматривалась, когда море окружало жителей Скандинавии со всех сторон. Общение происходило через море очень легко, гораздо легче, чем через сушу. Издавна и очень длительное время в гористой Норвегии все перемещения людей совершались морем вдоль побережья, а не по горам, которые стояли непреступной стеной. Путешествие

через горы из западной Норвегии в восточную Швецию в средние века было чрезвычайно трудным и рискованным предприятием, в то время как путешествие по морю требовало, в сущности, только времени, которого у людей той поры было сколько угодно, да еще храбрости, а ее было не занимать.

Что касается России, то такой полностью параллельной подводной жизни в сознании жителей быть не могло, во всяком случае повсюду. В большинстве мест России были только реки, сравнительно небольшие озера и запруды у мельниц, и с водной стихией у них были другие отношения, чем у скандинавов. Правда, в некоторых местах представление о подводном мире как о параллельном земному было не только возможным, но и совершенно нормальным. Вспомним новгородского купца Садко, который побывал в морском царстве на дне озера Ильмень – чуть ли не единственного большого водного пространства на значительной территории. Поскольку общение варягов и новгородцев – совершенно очевидный, исторически доказанный факт, возможно предположить влияние скандинавских воззрений на создание такого повествования и образа и говорить о соединении в былинах о Садко скандинавской и русской мифологической традиции.

Что такое русалка в русской традиции? Казалось бы, ответ очевиден. Любой русский школьник знает наизусть строчку из стихотворения Пушкина: «Русалка на ветвях сидит». Все читатели видели множество картинок, где дева с длинными волосами сидит на ветке дерева, свесив рыбий хвост. Между тем это представление – чистое недоразумение. У этой русалки на ветвях нет и не может быть хвоста, как его нет у широко известных аналогичных персонажей в произведениях Пушкина «Русалка» и Гоголя «Майская ночь, или Утопленница».

Русалки в русской фольклорной традиции – вовсе не водяные жители или, во всяком случае, не только водяные жители. «В отличие от европейской русалки, у восточнославянской русалки нет рыбьего хвоста. Живет она не только в воде – поверья северной, центральной и юго-западной России знают лесных русалок, качающихся на раскидистых деревьях и бегающих по полям. <...> В русалок, по народному мнению, обращаются обыкновенно души утопленниц, а также души детей, умерших некрещеными. Русалки по ночам выходят из рек и расчесывают свои длинные зеленые волосы, с которых струится вода <...> Во многих местах думают, что русалки – это дети, обмененные в то время, когда рожицу оставляют одну в бане и она лежит без креста, а ребенок подле нее спит некрещеным».⁴

Русалка в русской традиции – всегда и исключительно женщина, существование мужчин в таком качестве не предусмотрено. Но главное отличие даже не в этом, а в том, что ни о какой полноценной жизни, тем более семейной, которая есть у скандинавских средневековых русалок, речи быть не может. Это совершенно другое существо, не подводный человек, а подводный дух.

Водяной же в представлении русских людей – всегда только мужского пола, водяной дух, который живет в воде, как леший – в лесу, а домовый – в доме (с многочисленными вариациями: овинник – в овине, банник – в бане и т.д.). «[Водяной] живет в воде, откуда он выходит редко; его любимым местом являются речные омуты, да притом близ водяных мельниц. Водяному приписывают то же значение, что и домовому, чему служит доказательством пословица «дедушка водяной, начальник над водой». Ему также приписывают власть над русалками <...> Водяной, в противоположность домовому, отличается крайним недоброжелательством к людям и в высшей степени злобным характером. Часто топил людей, которые купаются в реке до восхода солнца, после заката и, наконец, в самый полдень».⁵ Характеристику славянского водяного можно продолжить, но ясно, что это – персонаж, не имеющий ничего общего с изящным, почти аристократическим (вспомните арфу) поклонником Агнете.

Использование в русских переводах скандинавских баллад слов *водяной* и *русалка* неизбежно, но вряд ли помогает создать у читателя «правильное представление о персонаже. Есть пример, показывающий подобное расхождение восприятия совершенно наглядно. В книге датского писателя Ханса Шерфига «Загубленная весна» (*Det forsømte Forår*, 1940) есть персонаж – учитель, прозванный детьми Водяным (*Havmand*). Книга была переведена на русский язык, и художник Г. Калиновский изобразил данного учителя, приблизив его портрет к образу «дремучего» фольклорного российского водяного со всеми неизбежными атрибутами.⁶

При создании человекоподобных сверхъестественных существ средневековый скандинав активно включил морскую среду в мир мифологических представлений и тем самым отразил свое представление не только о самом себе, но и об окружающем его мире.

Примечания

¹ Доклад прочитан на международной научной конференции «От троллей до мумитроллей: (Сверхъестественные существа в фольклоре, литературе и искусстве Северных

стран и России)», организованной кафедрой скандинавской филологии С.-Петерб. гос. ун-та в мае 1997 года.

² См.: *Стеблин-Каменский М.И.* Баллада в Скандинавии // *Скандинавская баллада*. Л., 1978. С. 244–268. – В статье даны основные сведения по истории этого жанра.

³ Цитируемые баллады приводятся в русском стихотворном переводе И.М. Ивановского. В скобках указывается страница изд.: *Скандинавская баллада*. Л., 1978.

⁴ *Энциклопедия суеврий*. М., 1995. С. 391.

⁵ Там же. С. 71.

⁶ *Шерфиг Х.* Загубленная весна. М., 1960. Рис. на с. 84.

Boris Zjarov

**Vandmennesker og vandånder
(Nordisk-russiske paraleller)**

Alle folkenes, bl.a. Nordiske landes og Ruslands, rige fantasi skabte et galleri af overnaturlige væsener, sådanne som trolde, nisser, alfer, havfruer, nøkker, vætter, skovtrolde og lign. Folketraditioner har været benyttet meget i litteraturens forskellige genrer, samt i musik, teater, den bildende kunst, som ikke bare tog disse skikkelser, men også skabte en række helt nye. En del af disse væsener, dem, som har deres liv i havet, søer og lign, optræder i nordisk og russisk mytologi. Artiklen sammenligner den nordiske og den russiske opfattelse af dem.

Б.С. Жаров

**АСТРИД ЛИНДГРЕН
И ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКАЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ¹**

Богатая фантазия шведской волшебницы слова создала множество ярких персонажей, любимых читателями всех стран. Астрид Линдгрэн – современный скандинавский детский писатель. Совершенно естественно рассмотрение ее творчества в контексте литературы XX в. и в контексте детской литературы всех времен и народов. Но хотелось бы обратить внимание на принадлежность Линдгрэн к литературе скандинавских стран и попробовать отметить связь некоторых ее персонажей и других особенностей ее книг с явлениями этой литературы, в первую очередь древней.

Линдгрэн – писатель XX в. и древняя литература? Вероятно, постановка вопроса покажется кому-то неожиданной и спорной. Между тем влияние должно было иметь место, в частности влияние самого древнего

сложения литературы, к которому относится скандинавская мифология – уникальное явление мировой культуры.

Скандинавская мифология зафиксирована в «Старшей Эдде». Это памятник очень древний, еще языческая литература, где отражаются воззрения людей давней поры, гораздо более древний, чем тот XIII в., когда были написаны дошедшие до нас манускрипты.

Проблемы жизни своего общества люди той давней поры проецировали на жизнь своих богов, приблизительно так, как проблемы жизни современной Швеции отражаются в жизни героев современных шведских писателей, в частности маленьких героев Линдгрена.

Как известно, «Старшая Эдда» делится на два цикла: один о жизни богов, другой о жизни героев. Мифологические песни «Старшей Эдды» говорят о богах. М.И. Стеблин-Каменский отмечает, что пантеон скандинавских богов – это, в сущности, человеческое сообщество, очень похожее на небольшое племя, которое иногда воюет с соседним племенем, применяя хитрость, иногда совершает походы, похищает имущество или женщин, борется со злыми силами природы.²

Боги являются слепками с людей той поры, там нет даже намека на идеализацию. Боги несколько не лучше людей. Боги скандинавской мифологии не бессмертны, в нескольких местах говорится о том, что наступит время, когда они умрут. Их образы во многом более многоплановы и разносторонни, чем образы людей – эпических героев второго эддического цикла. Боги принадлежат к двум разным родам: асам (большинство богов) и вanam, которые, по-видимому, древнее асов.³ Все боги наделены многочисленными человеческими слабостями. Реалистичность изображения богов очень велика, но естественно, что нельзя говорить о реализме в понимании нашего времени. В мифах много непоследовательного: прошлое и будущее на равных правах присутствуют в повествовании, сосуществуют.

Среди богов выделяются асы: Один, бог войны, глава и отец богов, пребывающий в своем чертоге Вальгалле, покровитель героев, и Тор, бог грома и молнии, гроза и гром – его символы, он побеждает всех, но не силой, а умом.

В этом ареопаге есть также ас Локи – наиболее странный образ: он коварный зачинщик всякого зла, он причина смерти светлого бога Бальдра, которого оплакивал весь мир; Локи может сражаться на стороне злых сил, поэтому он противник Тора, но Локи также его спутник и помощник. Очень противоречивое божество, в чем-то тождественное Одину, но при этом отражающее только одну его сторону. Локи выступа-

ет иногда как шутник, который сам не понимает, какие последствия может иметь его шутка, и строит козни не только богам, но и великанам, т.е. злым силам. Он не может жить без шалостей и проказ, то злых, то забавных, но всегда остроумных и при этом совершенно бескорыстных, так как его проделки не приносят лично ему никакой выгоды. Он постоянно попадает в беду и тем не менее не делает из этого никаких выводов, все происходящее совершенно не меняет его поведения.

Специалисты-мифологи считают, что этот бог – уникальное явление среди богов в мифологии народов мира. Только Скандинавия создала подобный удивительный образ.

Обратимся к творчеству Линдгрена.

Эмиль из Лённеберги – сорванец и упрямец, озорник и проказник, всегда и во всем непослушный мальчик, герой целых четырех повестей Линдгрена, написанных на протяжении четверти века: с 1963 по 1985 г. (завидное постоянство писательницы!). В нем можно усмотреть многие существенные черты, объединяющие его с Локи. Но конечно, есть и та разница, что Эмиль при всем многообразии его шалостей и проступков никогда не переходит грани, за которой мог бы быть причинен настоящий вред другим людям.

А что Пеппи – тоже озорница и непослушная девочка? Если говорить о скандинавских богах, то аналогом Пеппи может служить Фрейя – богиня плодородия и любви из рода ванов. В ее характере и поступках наблюдается важное отличие от ее южноевропейских аналогов – древнегреческой Афродиты и римской Венеры: в Фрейе просматривается образ женщины, весьма самостоятельной в поступках, не подчиняющейся принятым нормам, стремящейся к независимости. Другими словами, это тот тип, который гораздо позже был изображен Ибсеном в Норе, а ныне, после многолетней борьбы скандинавских женщин за свои права, ставший идеалом для современной женщины в Скандинавии.

Пеппи Длинныйчулок повторяет этот образ независимой Фрейи, только на детском или, может быть точнее, подростковом уровне. И в то же время – несмотря на разницу в возрасте – это зеркальное отражение современной скандинавской женщины, в борьбе завоевывающей свои права.

Следует сказать и об очевидных связях произведений Линдгрена со скандинавскими сагами – эпическими повествованиями с мерным течением многоплановых событий и большим количеством героев. За внешней бесстрастностью ощущается и в сагах, и в произведениях Линдгрена большое художественное мастерство. Живость повествования сочетается

ся с языком, очень близким к непринужденной речи, совершенно лишенной вычурности. Книги Линдгрэн, в особенности повести об обитателях острова Сальткрока, чрезвычайно напоминают исландские саги.

Примечания

¹ Из доклада на международной научной конференции «Астрид Линдгрэн и вопросы детской литературы», проведенной С.-Петербур. гос. ун-том в ноябре 1997 г.

² *Стеблин-Каменский М.И.* «Старшая Эдда» // Старшая Эдда: Древнеисландские песни о богах и героях. М.; Л., 1963. С. 196.

³ Там же. С. 199.

Boris Zjarov

Astrid Lindgren og den oldnordiske litteraturtradition

Astrid Lindgrens forfatterskab hører til det 20. århundrede, men det bygger også på de rige traditioner fra oldtidslitteraturen. Artiklen viser fælles træk som Lindgrens helte og Nordens mytologiske skikkelser fra Edda har: Emil og Loki, Pippi Longstrømp og Freja.

П.А. Лисовская

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА СТРИНДБЕРГА «ГУСТАВ ВАСА»

В 1899 г. Август Стриндберг на время отложил работу над трилогией «Путь в Дамаск», в которой попытался осмыслить причины своего недавнего душевного кризиса, и отправился в средневековую Швецию, обратившись к истории короля Магнуса Доброго. Прожив некоторое время в Париже, он 7 апреля 1899 г. приехал в Лунд. За два года до этого, в 1897 г., известный антрепренер Людвиг Юсефсон возобновил в театре юношескую историческую драму Стриндберга «Местер Улоф». Премьера прошла с большим успехом, и драматург договорился уже с другим театральным деятелем, Альбертом Рафтом, о постановке будущих пьес. Театр вновь стал для писателя важным источником вдохновения и жизненной энергии. Стриндберг с большим рвением приступил к изучению рифмованных хроник, исторических сочинений, а также обратился к историческим драмам Шекспира. С 1899 по 1902 г. Стриндберг пишет двенадцать исторических драм, которые охватывают четыреста лет шведской истории. Последним королем, героем пьесы, стал Густав IV Адольф.

Историческая драматургия Стриндберга – малоизученная часть творчества писателя, причем не только в нашей стране, но и на Западе, где о Стриндберге в целом написано несравнимо больше. В этой связи хочется отметить, что очень многие английские и американские литературоведы склонны рассматривать эту часть драматургии Стриндберга как хорошую современную аналогию хроникам Шекспира. В 1964 г. была опубликована статья Д.М. Шарыпкина «История создания драмы Августа Стриндберга “Местер Улоф”» – единственное подробное исследование какой-либо исторической драмы писателя на русском языке.¹

В рамках господствовавшего в Швеции в последние десятилетия века неоромантического направления, во многом принявшего исторический характер, историческая драма стала одним из главных жанров. Уже в конце 70-х годов крупный драматург своего времени Бернард фон Бесков создал цикл о Васгах в подражание шекспировским хроникам. Стриндберг последовал его примеру через два десятилетия.

Обращение Стриндберга к исторической драме абсолютно органично. Он, скорее всего, оценивал свое творчество как один из этапов в развитии мировой драматургии, и, подобно всем крупным драматургам, начиная со времен Ренессанса, обращается к жанру исторической драмы. Стриндберг заявил о своих взглядах на шведскую историю и сущность исторических процессов тогда, когда все остальные крупные писатели уже высказались на эту тему, т. е. он как бы предоставил коллегам право первого хода, ничуть не опасаясь, что тема может оказаться «загранной». Интересно, что *после* Стриндберга уже мало кто отваживался писать драмы о шведских королях, вплоть до появления модернистов во второй половине XX века.

В самом начале 1899 г. в Лунде Стриндберг создает первую пьесу своего исторического цикла – «Сагу о Фолькунгах», затем пишет «Густава Васу» и в июне того же года, переехав в Стокгольмские шхеры, дорисовывает драму «Эрик XIV». Драма «Густав Васа» является центральной частью монументальной трилогии, которую открывает «Местер Улоф» и завершает «Эрик XIV». Эту трилогию принято называть «*Vasasagan*» (Сага о Васгах).

Стриндберг в жанре исторической драмы во многом продолжал традиции Вильяма Шекспира. В значительной степени восприятие Стриндбергом Шекспира было обусловлено работами Георга Брандеса, особенно его сборником ранних эссе под названием «Критические очерки и портреты», в основном посвященном Шекспиру.

Бертольд Брехт заметил в одном из своих дневников, размышляя о соотношении правды и вымысла в процессе развития исторической драмы как жанра: «Курсы лекций о драматургии следовало бы начинать со сравнения, например, “Короля Иоанна” с хроникой, из которой он, видимо, был почерпнут. Продолжение: хроники Стриндберга, само собой разумеется, следовало бы изучить, где он в этих пьесах занимается восславлением, где — обесславливанием».²

Из исторических драм Стриндберга больше всего за границей повезло «Эрику XIV». Нельзя не вспомнить легендарную постановку Вахтангова в начале 20-х годов с Михаилом Чеховым в главной роли. Что касается переводов этих драм на русский язык, то чаще всего (5 раз) переводили «Королеву Кристину».³ Драма «Густав Васа» была переведена на русский только один раз (переводчик Елена Благовещенская) для публикации собрания сочинений Стриндберга, изданного в 1908–1915 годах.

Стриндберг страстно увлекался историей и сфера интересовавших его проблем была очень широкой: он написал целый ряд культурно-исторических трудов, среди них «Шведский народ в праздники и будни» (1881–1882), историко-философский труд «Мистика мировой истории» (1903), сборник новелл «Исторические миниатюры» (1908).

Стриндберг питал к основателю династии Васа, королю Густаву I Эрикссону Васе, правившему с 1523 по 1564 г., особенную привязанность. Значение этого храброго, белокурого, решительного воина для Швеции может быть приравнено к культурно-историческому значению Петра Великого для истории России. В старой шведской драматургии Густав Васа, отец нации, вместе со своим сыном Эриком XIV, были самыми популярными героями. О нем в XVII веке написал драму Йоханнес Мессениус (1579–1636), в XVIII о его подвигах сочинили оперу в стихах Густав III и Й.-Х. Чельгрэн. Для своей драмы о Густаве Васе Стриндберг берет материал, ранее мало использовавшийся в шведской литературе. Он не стал писать о молодом герое-освободителе, который в награду за свои подвиги получил не только всеобщее уважение, но и королевство в придачу. Писатель решает более сложную задачу. Сам Стриндберг объяснял свой замысел в 1909 году в эссе «Открытые письма к Интимному театру» (спустя десять лет после выхода в свет драмы «Густав Васа»): «Жизнь Густава Васы начинается как легенда или чудесная история, переходит в эпос и становится почти что необозримой. Включить эту гигантскую сагу в одну драму целиком — невозможно, поэтому оставалось найти один эпизод, к тому же самый плодотворный. Им оказался эпизод, примерно связанный по времени с восстанием Дакке. Ко-

роль тогда был во втором браке и с детьми от разных жен, на вершине своей власти. Но Провидение захотело испытать и закалить своего любимца, которому было доверено построение государства, и поэтому оно наслало на него все беды Иова. Это время отчаяния дает наилучшую возможность описать великого человека Густава Васу со всеми его человеческими слабостями».⁴

«Смутное время», описанное Стриндбергом, продолжалось с 1533 по 1543 г. Этот период начался через 10 лет после вступления Густава Васы на престол. Кризис, ставший сюжетной основой пьесы, был связан с тем, что Густав Ваза победил в освободительной войне против датчан в 1520–1523 годах с помощью денег, одолженных ему ганзейским Любеком, а основу его армии составляли далекарлийские крестьяне. Теперь в связи с восстаниями в стране король вынужден был применять против своих старых, но строптивых друзей репрессивные меры, чтобы сохранить власть и целостность страны.

Во время работы над драмой «Густав Ваза» Стриндберг, как любой исторический драматург, столкнулся со сложной проблемой соотношения между художественным вымыслом и исторической правдой. В какой степени позволительно автору перегруппировать исторические факты ради усиления художественного эффекта? Стриндберг заимствует необработанные сюжеты из полурифмованных исторических повествований. Но нужно попутно отметить, что современным ему историкам Стриндберг не доверял, так как считал, что они меняли местами причины и следствия и приписывали людям мотивы и мысли, которых на самом деле не было.

Драма «Густав Ваза» – яркий пример того, как Стриндберг умел концентрировать события ради создания иллюзии драматического единства, в ней десять лет сжимаются в пять дней, что приводит к появлению анахронизмов в пьесе «Густав Ваза» – например, серьезные расхождения между реальным возрастом кронпринца Эрика на момент описанных исторических событий и его возрастом у Стриндберга: согласно истории в это время Эрик был еще ребенком, но в пьесе он предстает юношей. Это связано с тем, что тема отцов и детей если не самая главная, то во всяком случае определяющая психологический посыл этого произведения, ведь Стриндберг – типичный представитель литературы fin-de-siècle и не мог пройти мимо открытий в области психоанализа. Непонимание между отцом и сыном определит в дальнейшем неудачу Эрика как государственного деятеля. Недаром принцу не нашлось места среди его ликующих родных в эффектной финальной сцене триумфа. Фрейдовскую

теорию детских страхов Стриндберг распространил на политические события, показал, как ревность сына к отцу в борьбе за любовь матери в данном случае способна воздействовать на судьбы народов и королей. Поэтому «Густав Васа» – произведение, несущее на себе отпечаток новейших психологических открытий того времени, драма современная и новаторская. В проблеме принца две грани – семья и государство, узы крови и узы власти. Одна из основных коллизий пьесы – конфликт между долгом перед страной и долгом благодарности. Но семейные неурядицы короля в драме иллюстрируют не менее важный конфликт в душе Васы – между долгом и чувством, типичный для классицистической драмы, достижения которой были, безусловно, усвоены Стриндбергом.

В драме «Густав Васа» от первой до последней минуты в действии доминирует главный герой. При этом неважно, находится он на сцене или нет: на сцене король Густав, подобно мольеровскому Тартюфу, появляется лишь в третьем акте. По сравнению с образом Густава в «Местере Улофе» он становится более практичным и реалистичным, хотя и сохранил еще некоторый идеализм. Ключом к пониманию трактовки образа Густава Васы у Стриндберга служит параллель с испытаниями, выпавшими библейскому Иову. Серен Киркегор объяснял страдания Иова как период испытаний, который противоречит представлениям повседневной морали и обыденному пониманию справедливости, но за ними стоит справедливость высшая. Васа же очутился в ловушке собственного понимания справедливости. «По Киркегору, смысл, стоящий за этой историей, которая, кажется, кончается там, где началась, состоит в том, что Иов возвращает не только то, что потерял, но и получает нечто, чего раньше не имел».⁵ В «Саге о Фолькунгах» король Магнус как бы воплощает сюжет притчи об Иове без благополучного финала: речь идет о закате династии. Густав же – родоначальник династии, поэтому драма о нем реализует сюжет притчи до конца. Такие ассоциации неминуемо возникли у современников Стриндберга, которые хорошо знали Библию.

В структуре действия исторической драмы в большом числе случаев основным движущим элементом является заговор. В драме «Густав Васа» вступившие на путь заговора и измены далекарлийцы оправданы Стриндбергом как люди, загнанные в угол. Автор показывает нам, как сосуществуют две жизненные правды: правда короля и правда истощенного поборами народа. Далекарлийцы не банальные корыстные искатели выгоды. Вероятно, поэтому автор не показывает нам процесс подготовки измены, что принизило бы фигуры простых и симпатичных рудокопов; мы узнаем об их участии в заговоре *post factum*. По мнению мно-

гих исследователей, с точки зрения драматургической техники первый акт пьесы, в котором раскрываются сложные внутренние причины измены крестьян и создается великолепная галерея народных характеров, является безупречным образцом гармонии формы и содержания в драме.

«Несчастья Иова» закончились счастливо. Каждый швед знает, что восстание под предводительством Дакке было последним в правление Густава I. Интерпретация хрестоматийной фразы Иова: «Бог дал и Бог взял – благословенно имя Господне!» – получает особое звучание в устах Густава Васы. Итог конфликта, в котором народ сыграл решающую роль, нужно рассматривать, исходя не из политических и патриотических взглядов автора, а, скорее, из нравственных, философских и религиозных позиций. Композиция пьесы такова, что король-бог (а эта метафора не вызывает сомнений, достаточно вспомнить его костюмы, атрибуты или постоянное упоминание о его въезде в Стокгольм – явная аллюзия к въезду Христа в Иерусалим) постепенно превращается во вполне земного человека, уповающего на Бога. Мораль этой драмы в том, что добрые намерения короля, а не его поступки примиряют его с совестью, с людьми, с Богом, с которым он беседует в целом ряде сцен. Густав Васа – это, пожалуй, самый положительный монарх среди изображенных Стриндбергом. «Субъективизм Стриндберга, более уместный в его беллетристических произведениях, в исторических драмах ведет к искажению общественно-исторической картины, и необходим действительно большой талант Стриндберга, чтобы при таких условиях не убить в читателе интереса к драме и держать как бы в плену его мысль и воображение». ⁶ Критик прав, нельзя не заметить некоторой нарочитой положительности образа Густава Васы, но, с другой стороны, талант автора, его горячее сердце отметают подозрения в намерениях драматурга грубо идеализировать монарха и так завоевать популярность у патриотически настроенной публики.

Густав Васа фигурирует в трех других исторических драмах Стриндберга: «Местер Улоф», «Последний рыцарь» и «Регент». «Стриндбергу всегда сопутствовал успех, когда Густав Васа был рядом с ним. Он, очевидно, оказывал благотворное влияние на расположение духа писателя». ⁷ В образе Густава Васы Стриндберг видел человека, многими чертами которого хотел бы обладать. «Великий строитель шведского государства был своим парнем как раз в его вкусе». ⁸ Сам писатель не реализовал себя как победитель, и лаврами властителя дум он при жизни не смог насладиться в полной мере.

В принце Эрике, самом романтизированном персонаже шведской истории, воплотилась хрупкость и противоречия творческого человека эпохи. Отношение принца к женщине очень напоминает противоречивость самого автора в этом вопросе. Олаус Петри, соратник Васы и отец шведской Реформации, воплотил в себе перемены, произошедшие в мировоззрении автора: на смену иллюзиям молодости пришел зрелый скептицизм, понимание того, что мир не только жесток, но и справедлив, ибо все в воле Божьей. Петри – как бы воплощение совести Густава Васы – то служит ему упреком, то морально поддерживает. Как считает Мартин Ламм, разговор Петри с сыном в четвертом акте – это иносказательное изображение того, как молодое поколение шведских деятелей культуры обвиняет деятелей культуры 1880-х годов в том, что те отобрали у них веру, разрушили все идеалы. «Стриндберг долго терзался тем, что совратил молодежь, но затем понял, что сам был совращен Рюдбергом, Рена-ном, Гартманом, Дарвином и Шопенгауэром».⁹ В характере Йорана Перссона, пожалуй, самом неоднозначном в драме «Густав Васа», мы видим пример циничного юноши-плебей с полубогемными повадками. Стриндберг с юмором и явной симпатией создавал образ этого молодого человека, наделив его автобиографическими чертами. Ведь и сам писатель до конца жизни оставался «сыном служанки».

Драма «Густав Васа» имела огромный успех у публики. Толкование Стриндбергом образа этого короля как орудия Господа, богоизбранного властителя, что так ясно видно из событий третьего акта, совпало и с мнением образованной общественности, видевшей в родоначальнике династии Васа борца за независимость Швеции, прогрессивного короля. Критика же по-разному приняла драму «Густав Васа». Критиковали ее в основном за анахронизмы. Однако национальный герой Швеции, вождь партии социал-демократов, одной из ведущих партий и в современной Швеции, Яльмар Брантинг сказал: «Когда сегодняшние уничижительные оценки членов эстетствующих кружков утихнут и будут забыты, “Густав Васа” с прилегающими к нему драмами займет свое законное место среди классических произведений шведской драмы».¹⁰

Стриндбергу не нравилась симметрия французской «хорошо сделанной» драмы 1880-х годов, ему была ближе внешняя бесформенность и «средневековое варварство» шекспировских построений. Это ясно видно в его драме: он свободно переносит нас из провинции в столицу, из трактира в дворцовые покои, знакомит то с крестьянами и нищими, то с королевской семьей. Стриндберг активно использует прием параллельных мотивов. По мнению некоторых исследователей, «Густав Васа» – это куль-

минация шекспировского построения в исторической драматургии Стриндберга.¹¹ Стриндберг научился у Вильяма Шекспира интимному изображению характеров. В драме «Густав Васа» именно слабостям короля, перепадам в его настроении, мотивам даже незначительных поступков уделено самое пристальное внимание, а его великие деяния мы воспринимаем, скорее, уже как данность. Если искать в Густаве Васе черты шекспировских властителей, то он обнаруживает определенное сходство с Генрихом VIII, Генрихом IV, Ричардом II, Ричардом III. Если говорить о шекспировских персонажах в драме «Густав Васа», то самый яркий пример – это, конечно, принц Эрик. Сам Стриндберг не скрывал, что задумывал Эрика как шведского Гамлета.¹² Стриндберг, как и Шекспир, максимально приблизил речь своих героев к современному шведскому. Конечно, в драме «Густав Васа» встречаются архаизмы и старые глагольные формы, но они используются в основном там, где нельзя было использовать более современное слово.

Для Стриндберга очень важно было создать впечатление последовательности и непрерывности своего исторического цикла. «Эрик XIV» следует за «Густавом Васой» в той же логической последовательности, что и «Генрих V» за хроникой «Генрих IV». Есть сведения о том, что у Стриндберга был замысел создать цикл драм из мировой истории, в котором он хотел отобразить проявления сознательной воли в мировом масштабе. Это был замысел более грандиозный, чем тот, который осуществил Ибсен в «Пере Гюнте». Так вышло, что Стриндберг написал лишь цикл произведений о национальной истории, где осветил самые, с его точки зрения, значительные моменты истории Швеции, а наиболее приближенной к неосуществленному замыслу грандиозной панорамы стала трилогия «Путь в Дамаск».

Для Стриндберга дилемма о том, что человек «предполагает», а общество «располагает», является ключом к ответу на вопрос о путях истории, точно так же как иррациональное поведение индивида отражает процессы, происходящие в его психике. Так что можно сделать вывод о том, что, строя свою концепцию истории в саге о Васгах, Стриндберг следовал философии Льва Толстого о неосознанном движении масс, проиллюстрированной в эпосе «Война и мир». Но Стриндберг пошел еще дальше. В «Эрике XIV» он использовал фигуры Эрика и Йорана в качестве символов двух концептуальных полей – власти и цели, и с их помощью описал внутренний механизм истории. Как следует из развития событий трилогии, роль народа может быть и конструктивной, как в «Местере Улофе» и «Густаве Васе», и деструктивной, как в «Эрике XIV».

Значение исторической драматургии Августа Стриндберга для европейской и мировой литературы состоит в том, что он синтезировал достижения Шекспира, других своих предшественников драматургов и лучшие идеи своих современников, «драматизировав последствия слишком хорошей и слишком плохой игры на политической сцене».¹³ Он, истинный наследник Шекспира, не только с успехом сохранил и оживил формы шекспировской и немецкой исторической драмы XIX века, но и, будучи великим экспериментатором, существенно расширил и продвинул вперед возможности исторической драматургии как жанра в целом.

Примечания

- ¹ Скандинавский сборник. Вып. 9. Таллин, 1964. С. 113-123.
- ² Брехт, Бертольд. О литературе. М., 1977. С. 380-381.
- ³ См.: Nilsson, Nils Åke. The Reception of Strindberg in Russia // Russian Literature. 1996. V.XL-III, P. 247.
- ⁴ Strindberg, August. Öppna brev till Intima teatern. Samlade skrifter. Vol. 50. Stockholm, 1919. S. 247.
- ⁵ Sprinchorn, Evert. Strindberg as Dramatist. Yale, 1982. P. 108.
- ⁶ Сандр. [Тавастерна А.В.] Исторические драмы Стриндберга // Вестн. всемир. истории. 1900-1901. № 1. С. 170.
- ⁷ Landquist, John. Strindberg och hans härskestalter // Synpunkter på Strindberg. Stockholm, 1964. S. 176.
- ⁸ Ollen, Gunnar. Strindbergs dramatik. Stockholm, 1961. S. 270.
- ⁹ Lamm, Martin. Strindbergs dramer. Del 2. Stockholm, 1926. S. 143.
- ¹⁰ Цит. по: Johnson, Walter. Strindberg and The Historical Drama. Seattle, 1963. P. 112.
- ¹¹ См. например: Bulman, Joan. Strindberg and Shakespeare. London, 1933. P. 144; Lucas F.L. The Drama of Ibsen and Strindberg. London, 1962. P. 400.
- ¹² Strindberg, August. Samlade skrifter. Vol. V. Stockholm, 1919. S. 74.
- ¹³ Roth, Marc Allen. Role-playing in Historical Drama and the Changing Visions of History: a Study of Shakespeare, Schiller, Büchner and Strindberg. Berkeley, 1976. P. 200.

P.A. Lisovskaja

«Gustav Vasa» – ett historiskt drama av August Strindberg

Artikeln handlar om Strindbergs historiska dramatik, en mycket viktig, men mindre forskad del av hans litterära arv. «Gustav Vasa», ett monumentalt drama från 1899, framförs som exempel på Strindbergs egenmässiga och passionsrika sätt att uppfatta den historiska processen. Som den centrala delen av Vasasagan introducerar «Gustav Vasa» alla viktiga trender och kännetecken på författarens dramatiska teknik. De noggrant analyseras i artikeln och jämföres med verk och metoder av andra klassiker i denna genre, först och främst med de av W. Shakespeare.

**«ИДИОТ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
И ШВЕДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XX ВЕКА**

Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» вызвал в Швеции широкий резонанс – и не случайно как образ князя Мышкина, так и затронутая в книге проблематика оказали существенное влияние на шведских писателей начала XX века. В первую очередь хотелось бы отметить в этой связи «наследника Достоевского в Швеции»¹ Яльмара Бергмана.

Бергман четко усвоил идею Достоевского о том, что «идиот» – это не столько болезнь (эпилепсия или сумасшествие), сколько особенное состояние души человека. Однако если у героя Достоевского это состояние вызывает неистребимую потребность в любви, всепрощении и спасении окружающих, то ранний Бергман, следуя в фарватере «общевропейских» представлений об «идиотах» как о потенциальных преступниках, заставляет своих героев-идиотов совершать дурные поступки и даже злодеяния (хотя и вызванные благими намерениями).

Так, герой повести «Голубые цветы» (Blå blommor, 1907) Рагнар, юный мечтатель-идеалист с возвышенными устремлениями и, разумеется, эпилептик, загоревшись желанием поставить памятник на могиле горячо и нежно любимой им матери, пытается совершить хищение казенных денег. Стремление к идеалу (памятник должен быть непременно в виде голубых цветов – символического воплощения всего самого доброго и светлого на земле) чуть не доводит Рагнара до скамьи подсудимых.

Почему же идиот-праведник превращается у Бергмана в банального вора? А именно потому, считает писатель, что даже самые благие намерения «идиота» рушатся под напором его преступных наклонностей. Однако знак равенства, который Бергман ставит между понятиями «идиот» и «преступник», не мешает автору повести с большой симпатией относиться к своему герою, который отличается и добротой, и чувствительностью, и способностью на самопожертвование (а в минуты, предшествующие эпилептическим припадкам, Рагнар, давая волю своим «обнаженным чувствам», очень напоминает князя Мышкина).

И ни в коем случае, предупреждает Бергман, нельзя насильственно умерщвлять всех «потенциальных» преступников (в том числе и эпилептиков), как это предлагает один из героев повести, – кстати, жесто-

ченный спор на эту тему, выявляющий авторскую позицию, разворачивается в вагоне поезда и предваряет ту часть повести, в которой эпилептик Рагнар становится главным действующим лицом (у Достоевского тоже роман начинается с вагонных споров в поезде, на котором эпилептик Мышкин приезжает в Петербург).

Как и Достоевский, Бергман искренне сочувствует своему герою, сталкивающемуся с непониманием со стороны окружающих и страдающему от того, что его идеалы остаются нереализованными. Но пессимист Бергман, считавший, что зло естественно и неистребимо и что вообще нет «ни одного человека, не способного совершить что-нибудь дурное»², был убежден в тщетности всех возвышенных исканий, а особенно – когда в роли ищущего выступает «идиот», изначально обреченный на преступление.

Еще более далек от «святого идиота», показанного Достоевским, герой повести Бергмана «Мнимый Кристофор» (*Den falske Cristoforo*, 1910), который тоже стремится к идеалу, но вместо болезненно-неопределенных «голубых цветов» – символа добра и чистоты – здесь появляется глобальная «идея фикс»: спасение всего человечества от грехов. Однако слишком уж откровенно преступный путь к этому благородному идеалу выбирает «Кристофор», в котором невероятным образом сочетаются «большое тепло и большой холод, любовь и ненависть»³, «религиозные раздумья и преступные наклонности, грязь и стремление к чистоте».⁴ Зло и добро ведут непримиримую борьбу в больной душе этого криминального «идиота» (он не эпилептик, а просто сумасшедший), но добро торжествует только в редкие минуты прояснения сознания у героя, а в целом путь «Кристофора» к младенцу Христу оборачивается многочисленными злодеяниями.

Иначе и быть не могло, по убеждению Бергмана: безумец никогда не станет праведником, его удел – это большее или меньшее проявление своих преступных наклонностей. И чем сильнее «идиот» как личность и чем более высокие идеалы он себе намечает в жизни, тем больше шансов, что он погрязнет в пучине своих преступлений.

Бергману очень жаль своего «бедного грешника» (ведь «мнимый Кристофор» не виноват в своем «преступном» безумии – это природа его сделала таким), однако выхода для него писатель не видит, и, вместо того чтобы «спасти все человечество», герой в очередной раз оказывается в сумасшедшем доме. Безумец не может быть «святым», он грешен настолько, что обречен на вечные и неутолимые страдания – даже на спасение своей заблудшей души, а не то что «всего человечества», «идиоту»

Бергмана не приходится надеяться. Грешник должен быть наказан, рай для него недостижим – таков печальный вывод шведского писателя.

Но эволюция взглядов Бергмана, произошедшая к началу 1920-х годов и не в последнюю очередь связанная с более глубоким знакомством писателя с творчеством Достоевского (русский классик продолжал оставаться для Бергмана своего рода литературным ориентиром), сказалась и на его решении «идиотской» проблематики. И в романе «Бабушка и Господь Бог» (*Farmor och Vår Herre*, 1921) мы имеем дело с совершенно иным «идиотом», не похожим на героев раннего Бергмана.

Писатель впервые употребляет слово «идиот» в непривычном для шведов значении: человек не такой, как все, «не от мира сего» (с медицинской точки зрения, Натан Борк не является душевнобольным, хотя и у него изредка случаются припадки). Натан – очень своеобразный персонаж: нервный, пугливый, ранимый, мечтательный, бесхитростный, добрый (словом, «ангел, который желает всем добра»⁵). Не правда ли, все эти эпитеты применимы и к герою Достоевского?

Натан не одержим какими-то глобальными идеями, а просто желает счастья всем окружающим и сам старается это счастье приблизить. Иногда герой способен на самоотречение (три недели он не отходил от постели умирающей матери, которую едва знал). Иногда он совершает благородные поступки. А истоки всепрощения Натана – его сочувствие к страдающим ближним и вера в людей.

Неудивительно, что такое «нестандартное» поведение героя Бергмана (он «вел себя, как идиот»⁶) вызывает у окружающих в лучшем случае насмешку, а в худшем – нескрываемое презрение (даже у тех, кому он пытался делать добро!). Напрашиваются ассоциации с тем настороженно-презрительным холодом, которым окружили Мышкина люди, сталкивающиеся с ним. Натан тоже совершенно не вписывается в «рамки» своего окружения: безграничная доброта и детская непосредственность (качества, особенно заметные в последние минуты перед припадком – как и у Мышкина) не приветствуются в кругу людей, считающих, что даже из преступника можно сделать «нормального» (т.е. такого, как все) человека, но не из «дурака», – именно так они снисходительно называют Натана.

Временами Бергман «вспоминает» о преступных наклонностях героя и заставляет его совершать малопрстойные поступки, но они ничто в сравнении с добротой и человеколюбием Натана. О том, что отношение Бергмана к «идиотам» изменилось, свидетельствует и тот факт, что писатель предлагает своему герою выход из тупика непонимания и от-

торжения: Натан становится клоуном и пытается в цирке играть самого себя («идиота»!). То, что в реальной жизни вызывает презрение, на арене цирка встречается добрыми улыбками и искренним смехом публики. Люди «думают, что это весело – смотреть на идиота»,⁷ – ну и пусть себе смотрят: может быть, это зрелище сделает их чуточку добрее, мудро рассуждает герой Бергмана.

И лишь одно сомнение не позволяет Бергману однозначно принять такой выход для своего героя: этично ли играть с горем и «смеяться над несчастьем ... обезьянничать со своей бедой и похвалиться своей слабостью»?⁸ Но Натан делает все это с искренней любовью к людям, пытаясь спасти их зачерстившие души (ни о каком религиозном спасении у Бергмана, разумеется, и речи нет), и потому общее звучание «натановской» линии романа довольно оптимистично – в этом, кстати, основное отличие «Бабушки и Господа Бога» от сочинений раннего Бергмана. «Бог добр к тем, кто любит»,⁹ хотя он и может «отнять у них ясный рассудок»,¹⁰ – мысль Бергмана, звучащая вполне по-достоевски. И пусть Натан Борк не святой – но ведь он уже и не идиот-преступник, а страдания его бесполезны.

Персонажи некоторых других произведений Бергмана также отдаленно напоминают князя Мышкина: одержимый «идеей фикс» – выкупить родовое поместье – мечтательный, ранимый, но не способный на реальные дела и потому окруженный всеобщим презрением Юхан Арнберг из «Мемуаров мертвеца»; «кристально честный идиот», страдательный, способный на чистую и глубокую любовь, но несчастный, больной и не понятый окружающими господин фон Ханкен из одноименного романа; нервный мечтатель, находящийся не в ладах с миром, глубоко чувствующий и страдающий, а также наслаждающийся собственным унижением и горем Леонард Левен из «Историй Левена».

Наконец, в новелле «Госпожа Гунхильд из Вискингехольма» Бергман блестяще разрабатывает «мотив сумасшествия», детально показывая, как человек постепенно теряет грань между действительностью и сном. Любопытная деталь: у сходящей с ума госпожи Гунхильд (как, кстати, и у теряющей рассудок бабушки из уже упоминавшейся книги «Бабушка и Господь Бог») – гораздо более сильная потребность в истине, чем у здоровых людей.

Но так ли уж душевно здоровы те, которые себя таковыми считают? Поздний Бергман дает на этот вопрос отрицательный ответ: его «идиоты», несмотря на всю свою одержимость и утраченную связь с реальностью, вызывают у писателя куда большую симпатию, чем так называе-

мые здоровые, а на самом деле духовно мертвые люди. Именно люди «не от мира сего» интересовали Бергмана на протяжении всего его творческого пути – не случайно Фредрик Бек утверждал, что в книгах Бергмана трудно отыскать нормальных, психически здоровых людей. С присущим ему психологическим мастерством шведский писатель копался в душевных болячках, открывая читателю «бездонные глубины ... существования»¹¹ находящихся на обочине реального мира «идиотов».

В книгах Сельмы Лагерлёф появляются уже однозначно положительные образы «идиотов». Следует отметить, что писательница впервые прочла датский перевод «Идиота» еще в 1887 г., а впоследствии часто общалась с переводчицей этого романа Эрной Юль-Хансен. Роман Достоевского произвел на Лагерлёф неизгладимое впечатление, и она в своих произведениях не раз рисовала образы героев, похожих на князя Мышкина.

В ее романе «Император Португальский» (Kejsarn av Portugallien, 1914) мы встречаемся с удивительно «добрым, скромным и отзывчивым» крестьянином. Ян Андерссон – образец полного самопожертвования во имя горячо любимой им дочери. Эта жертвенная и слепая любовь Яна (пожалуй, можно говорить об одном из самых теплых изображений отцовской любви в мировой литературе) приводит его к сумасшествию: категорически отказываясь верить в то, что его обожаемая дочь стала проституткой, герой воображает ее «императрицей Португальской», а себя – соответственно отцом-императором. Далекая и непонятная Португалия становится для Яна символом добра и любви (как «голубые цветы» или младенец Христос у героев Бергмана), но это еще и символ горячего сердца героя Лагерлёф, в котором всегда найдется место для всех бедных, несчастных и обездоленных.

Свою любовь к «императрице» безумный герой переносит на всех без исключения окружающих (даже на тех, с кем он когда-то был в ссоре, – Ян, подобно Мышкину, возлюбил *всех*), которые по-разному принимают его любовь: «разумные» люди издеваются над Яном, добрые же отвечают ему взаимностью (вслед за Достоевским, Лагерлёф ставит знак неравенства между понятиями «разум» и «доброта»). Доброта, объясняет писательница, понятна не всем: это своеобразная «тайная музыка, доступная только тому, у кого хороший слух»,¹² – т.е. доступная только людям, живущим по законам души и сердца.

Лагерлёф с необычайной теплотой относится к своему герою, у которого «самое горячее и богатое сердце в округе»¹³ и который превращается в странника-юродивого (а Лагерлёф прекрасно знала, с каким

трепетом относятся к юродивым на Руси!), бродящего по дворам и искренне всех утешающего. И даже трагический финал романа (герой тонет) становится по-своему светлым: Яну удастся, хотя бы и после своей смерти, спасти заблудшую душу дочери – она преображается, начинает испытывать угрызения совести и настоятельную потребность в очищении (кстати, Лагерлёф была близка мысль Достоевского о том, что для грешницы-проститутки еще не все потеряно).

Роман проникнут верой шведской писательницы в «силу и право любви». Любовь – это чудо, доступное немногим, и не случайно именно слабоумный становится «носителем великой любви»: ¹⁴ только человек больной (а значит, по Лагерлёф, находящийся в особом душевном состоянии) способен так сильно чувствовать и любить. И только ему, сумевшему оторваться от реального, «разумного» мира, открываются глубочайшие истины. Получается, что и князь Мышкин, и Ян Андерссон духовно гораздо чище и здоровее «разумных» людей. Свет любви побеждает тьму безумия.

Герой романа Лагерлёф «Отлученный» (Bannlyst, 1918) – тоже не такой, как все (хотя и не душевнобольной). Несправедливо обвиненный в тяжком грехе – людоедстве – и окруженный стеной всеобщего презрения и отвращения, Свен встает на путь милосердия, сострадания и всепрощения. Как и герой «Идиота», он покорно принимает удары судьбы и старается сделать все возможное и невозможное, чтобы спасти души окружающих и преследующих его «разумных» людей. Свен становится благодетелем и делает все только для людей и с величайшей любовью к ним. Он утешает Сигрун в минуту ее тяжелейшего душевного кризиса, снимает родовое проклятие с отлучившего его когда-то от церкви пастора Хонгера и даже из милосердия женится на больной девушке (как здесь не вспомнить Мышкина и Настасью Филипповну, а также Ставрогина и Марию Тимофеевну!) – одним словом, герой Лагерлёф становится «истинным служителем Жизни», ¹⁵ к которому «всегда обращались за помощью все несчастные и беспомощные». ¹⁶

Писательница подчеркивает, что и Свен (как и «император Португальский») находится в особенном, специфическом состоянии души, в котором он способен познать истину, недоступную остальным. Благодаря своей искренней и деятельной любви Свену удается вытащить окружающих из болота ненависти и злобы и сделать их души чище и добрее – они раскаиваются в том, что так долго преследовали его. А значит, муки Свена не были бессмысленными: его «любовь побеждает все ... она не

отступает перед негодьями и преступниками ... она спасает от душевной тьмы и заблуждения».¹⁷

Как и Достоевский, Лагерлёф уверена, что к душевному покою и счастью можно прийти только через грязь, «неописуемое унижение» и страдание. И тогда трагический конец (полное сумасшествие Мышкина и смерть Свена) приобретает оптимистическое звучание: Мышкин приближается к святости, а Свен умирает от переполнившего его душу счастья. Эта «формула» – спасение через страдание (а вовсе не «сумбурная композиция», как считают некоторые шведские критики) – особенно сильно роднит Лагерлёф с ее русским кумиром, хотя религиозного подтекста в книгах писательницы нет.

Что же объединяет таких разных шведских «идиотов» с их русским прообразом? Все они – люди неординарные, «не от мира сего», стремящиеся к идеалу, мечтающие спасти окружающих (другое дело – какими средствами), откровенные и доверчивые, приносящие «блеск, богатство и почесть» в жертву истине (для них «материальное – дьявол»), способные на самоотречение («свою собственную судьбу он слишком дешево ценил»¹⁸ – эта характеристика Мышкина применима и к многим шведским «идиотам»). Но горячие сердца героев сталкиваются с холодными рассудками окружающих – и «идиоты» превращаются в изгоев, «чужих для общества», унижаемых и преследуемых абсолютно не желающими их понять «разумными» людьми.

Выход же из этого неразрешимого конфликта «идиотов» с обществом виделся шведским писателям по-разному – в зависимости от их мировоззрения, восприятия религии, отношения к душевнобольным как к потенциальным преступникам или потенциальным праведникам, пессимистического или оптимистического взгляда на мир. Бесспорно одно: все они «унаследовали» от Достоевского интерес к болезненным душевным состояниям и незаурядный психологизм в раскрытии внутреннего мира «идиотов».

В заключение автор хотел бы поблагодарить Шведский институт и Совет министров Северных стран за помощь в сборе материалов для данной статьи.

Примечания

¹ Bull F. *Världslitteraturens historia*. Stockholm, 1969. S. 280.

² Bergman Hj. *Samlade skrifter*. D.1. Stockholm, 1949. S. 281.

³ Ibid. D.4. S.552.

⁴ Linder E.Hj. *Hjalmar Bergmans ungdom*. Stockholm, 1942. S. 355.

⁵ Цит. по: *Linder E. Hj.* Kärlek och fadershus farväl. Stockholm, 1973. S. 297.

⁶ *Bergman Hj.* Farmor och Vår Herre. Stockholm, 1979. S. 140.

⁷ *Ibid.* S. 230.

⁸ *Ibid.* S. 237.

⁹ *Ibid.* S. 261.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Böök F.* Resa kring svenska parnassen. Stockholm, 1926. S. 212.

¹² *Rabenius O.* Svenska romaner och noveller // Ord och bild. 1915. S. 327.

¹³ *Lagerlöf S.* Kejsarn av Portugallien; Bannlyst. Stockholm, 1989. S. 188.

¹⁴ *Werin A.* Selma Lagerlöf: Till 70-årsdagen // Ord och bild. 1928. S. 608.

¹⁵ *Lagerlöf S.* Op. cit. S. 399.

¹⁶ *Ibid.* S. 320.

¹⁷ *Werin A.* Op. cit. S. 607.

¹⁸ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т.8. Л., 1973. С. 490.

A.O. Lvovskij

F.M. Dostojevskijs «Idioten» och svensk litteratur i början av 1900-talet.

Artikeln handlar om hur “idiot”-problematiken och Mysjkin-gestalten återspeglas i svenska böcker som “Blå blommor”, “Den falske Cristoforo” och “Farmor och Vår Herre” (Hj. Bergman), samt “Kejsarn av Portugallien” och “Bannlyst” (S. Lagerlöf). Det betraktas inflytandets olika aspekter med tonvikt på likheter och skillnader i “idiot”-uppfattningen, beroende av författarnas världsåskådning, religiositet och optimistiska eller pessimistiska livssyn.

A.A. Юрьев

ХЕНРИК ИБСЕН

И ТРАДИЦИИ МИСТЕРИАЛЬНОЙ ДРАМЫ

(К вопросу о «предтечах» символистского театра)¹

Возрождение традиций мистериальной драмы – процесс, который обычно связывают с эпохой рубежа XIX–XX веков, и прежде всего с символистскими и постсимволистскими театральными концепциями. К самым ярким примерам «возрождения мистерии» относят, как правило, драмы М. Метерлинка («Сестра Беатриса», «Чудо св. Антония»), Г. фон Гофмансталя («Имярек», «Большой Зальцбургский театр жизни»), П. Клоделя («Благовещение Марии»), а из более поздних образцов – «Убийство в соборе» Т.С. Элиота. Пробуждение мистериального сознания – факт, казалось бы, бесспорный. И все же он может вызвать немало вопросов. Был ли этот процесс именно возрождением, а не просто одним из этапов

© А.А. Юрьев, 1999

развития традиции, на самом деле никогда не прерывавшейся? Возник ли он лишь на каком-то конкретном этапе развития символизма или же его начало следует отнести к предсимволистской эпохе? Что если в нем участвовали не только те, кто открыто декларировал свой интерес к средневековой архаике, но и те, кто вовсе не помышлял о ней, но все же продолжал и обновлял «канувшую в Лету» традицию? Может быть, имя Ибсена возникает в этой связи пусть неожиданно, но правомерно?²

Ставя эти вопросы, трудно обойтись без краткого исторического экскурса, отчасти проясняющего суть проблемы.

До сих пор историю средневековой мистериальной драмы нередко представляют как постепенное и последовательное обмирщение, завершившееся рождением, а затем триумфом ренессансного светского театра. Между тем в современной медиевистике преобладает иная точка зрения. Еще Эрих Ауэрбах заметил, что «утверждения о последовательном обмирщении христианской драмы Страстей основаны на недоразумении. Ведь “мир” с самого начала принципиально заключен в эту драму, и поэтому неважно, “больше” или “меньше” тут “мира”, – настоящее обмирщение наступает тогда, когда... светское, мирское действие обретает самостоятельность. А это бывает лишь тогда, когда человеческие действия изображаются серьезно и помимо той христианской всемирной истории, которая определена грехопадением, страстями Христовыми и Страшным Судом, когда наряду с этой возможностью восприятия и изображения человеческой истории... появляются и другие способы ее постижения».³

Разрушение теологической концепции истории началось, как известно, с эпохи Возрождения. Контрреформация XVII века не только не остановила, но даже активизировала этот процесс, что нашло отражение не только в научном, но и в художественном сознании того времени. В своей фундаментальной работе «Исток немецкой трагической драмы» (1925) Вальтер Беньямин подробно показал обусловленность всего барочного мировосприятия утратой прежней эсхатологической перспективы, гарантировавшей путь к спасению. «Религиозный человек барочной эпохи потому так крепко цепляется за мир, что чувствует себя несомым вместе с ним к огромному водопаду. Барокко не знает эсхатологии; и именно по этой причине барокко не обладает механизмом, который собрал бы все земное воедино и вознес его перед самым концом».⁴ Так возникает, по Беньямину, «напряжение между трансцендентным и имманентным», утрата веры в милость и спасение порождает мысль о том, что жизнь есть сон, фантом, иллюзия. Если в средневековой драме реализм

повседневности не отдалял, а сближал человека с «небесным миром»,⁵ то в драме барокко трансцендентное «отдалено», а земное разоблачается как *игра*, своеобразная «*пьеса в пьесе*».⁶ Именно здесь, если следовать логике Беньямина, начинается принципиально новый этап в истории европейской драмы, который выявил необратимость секуляризации, позднее завершившейся модернистским разрывом с прошлым.

Такое толкование, безусловно, правомерно, если видеть в истории лишь вытеснение старого новым, оставляющим позади себя обломки и руины. Реальный же исторический процесс намного сложнее, ибо «архаическое» часто доказывало свою неистребимость, проникая даже в явления, далеко ушедшие от «архаики».⁷ Так, монополия средневековых театральные форм отошла в прошлое вместе с породившим их средневековым сознанием; но связанные с ним традиции сохранялись и продолжали развиваться, причем длительные периоды маргинализации сменялись внезапными прорывами «на передовую». Один из примеров «живучести архаического» – знаменитые представления драмы Страстей в Оберammerгау, начатые в 1634 г. и организуемые поныне с десятилетней периодичностью. Другой известный пример – кальдероновские *autos sacramentales*, прочно сохранявшиеся в репертуаре испанского театра вплоть до 1765 г. В начале XIX столетия мистериальная традиция вошла в немецкую романтическую драму, серьезно затронув и поэтику гётевского «Фауста».⁸ Обращаясь к последующему этапу, хронологически ближайшему к символистской драме, нельзя не назвать имен Р. Вагнера (как автора «Парсифаля») и Ф.М. Достоевского, чьи поздние романы вобрали в себя многие черты мистерии.⁹ К этим примерам можно отнести и дилогию Хенрика Ибсена «Кесарь и Галилеянин» (1873), до сих пор остающуюся мало изученной.

«Кесарь и Галилеянин» по праву считается драмой философско-исторической, но это лишь самое общее ее определение.¹⁰ Если читать драму с большим вниманием, то трудно не заметить, что масштаб действия задается в ней теми глобальными событиями (грехопадением, Страстями и Страшным Судом), которые всегда определяли «эсхатологический историзм» мистериальной драмы. Разумеется, здесь нет и не может быть прямых связей со средневековым театром, а вопрос о хронологически близких источниках хотя и важен, но не первостепенен.¹¹ «Кесарь и Галилеянин» являет, скорее, тот особый случай, когда «субъективную память автора» намного превосходит «объективная память жанра». Поэтому гораздо важнее установить не источники, через которые традиция

вошла в драматургию Ибсена, но те художественные формы, в которых она по-новому воплотилась.

Один из крупнейших норвежских ибсеноведов Даниель Хоконсен заметил у Ибсена тот же феномен «пьесы в пьесе», который имел принципиальное значение в барочном театре и рассматривался Беньямином как один из важнейших симптомов секуляризации европейской драмы.¹² Конечно, у Ибсена не найти открытого обнажения театрально-игровых приемов, и «пьеса в пьесе» носит в его драмах имплицитный характер. Как замечает Хоконсен, протагонистам Ибсена часто есть что скрывать в собственном прошлом, а потому им нередко приходится надевать личину, играть роль перед теми, кто не должен знать их тайн, их подлинного лица. Какое-то время игра удается ибсеновским «актерам», но со временем в «спектакль» вторгается Судьба, чтобы радикально изменить все действие и сбросить маски. Это «раскрытие сокровытого» часто выявляет трагизм положения героев и неизменно обнаруживает в человеческом бытии власть некой высшей «трансцендентной нормы».

Ограничивая анализ примерами из «современных пьес» драматурга, Хоконсен ни разу не обращается к диалогии. Между тем его конечный вывод наилучшим образом подтверждает «мировая драма». Правда, «роль» на этот раз назначает протагонисту сама Судьба, а «пьеса в пьесе» обретает странную парадоксальность, раскрываясь в финале как драма Страстей. Тем самым принцип, открытый барочным театром (а позднее использованный романтиками в их метадраматических экспериментах), подвергся у Ибсена радикальной трансформации и обрел совершенно неожиданный, «консервативно-новаторский» смысл.

Мистерияльный характер ибсеновской «пьесы в пьесе» определяется не только обилием евангельских реминисценций, то отдаляющих, то предельно сближающих ибсеновского Юлиана с образом Христа. Мистерия не остается у Ибсена на уровне аллегорической символики, но получает онтологический статус, определяя как идейное содержание драмы, так и саму структуру действия. «В пьесе моей дело идет и о небе и о земле», утверждал Ибсен¹³ и при этом неустанно подчеркивал, что «Кесарь и Галилеянин» – драма вполне реалистическая, сочетающая предельную историческую достоверность с отказом от поэтической идеализации прошлого.¹⁴ Ясно, что ибсеновский реализм имел крайне сложный, двойственный смысл, поскольку был адресован эпохе, уже не просто «отдалившей» трансцендентное, но усмотревшей в нем спекулятивную гипотезу, трудно совместимую с реальностью. Тактический ход был выбран автором смело и неожиданно: пьеса открывается саркастической,

хотя и тщательно замаскированной пародией на гётевский «пролог на небесах».¹⁵ Реальное не просто полностью низведено к земному, но создает иллюзию отсутствия сакрального измерения. Без резких поворотов, медленно и постепенно, действие меняет далее свой исходный смысл: «профанная» реальность вдруг начинает заполняться мифом, уверенно отвоевывающим историческое пространство.

Последовательное *соединение истории и мифа* определяет характер ибсеновской мистериальности, нигде не допускающей отступлений от принципов реалистического изображения.¹⁶ Это соединение проходит через всю символику драмы, концентрируясь в образе мифического «некто», появляющегося в человеческой истории через известные промежутки времени и подобного всаднику, объезжающему на кругу дикого коня: «Каждый раз конь сбрасывает его. Проходит время, и всадник снова в седле, с каждым разом становясь увереннее и опытнее; но конь все сбрасывает и сбрасывает его в одном его образе за другим – до сего дня».¹⁷ Так замкнутый *круг* мифа разворачивается в восходящую *спираль* истории,¹⁸ а единство историческому движению придает мифический «всадник», который много раз был «выброшен из седла» и теперь заново «должен пасть в образе князя царства Божия».¹⁹ Должен ли он пасть и в этом образе – вопрос, искушающий героя драмы и заставляющий его действовать. «Где он теперь? Что если совершившееся тогда в Иерусалиме на Голгофе было лишь мелким провинциальным событием (en landsbyggerning), совершенным как бы по пути, в час досуга, во время великого обхода? Что если он все идет и идет, и страдает, и умирает, и побеждает (går og går, og lider, og dør, og sejrer), переходя с одной земли на другую?»²⁰ Ответ дается в развязке драмы: римское копьё с Голгофы насмерть поражает отступника, воскресившего христианство своими гонениями и тем самым негативно воплотившего в себе образ Спасителя.²¹

Так авторская концепция раскрывает к финалу драмы свою принципиальную многозначность, сталкивая внутри себя разнонаправленные и в то же время продолжающие друг друга смыслы. Ее цельность при этом нисколько не нарушается: высшей «трансцендентной нормой» ибсеновской «пьесы в пьесе» оказывается труднодостижимый религиозный *парадокс*, раскрываемый не в «небесных сферах» (как в заключительной сцене гётевского «Фауста»), но в реальной земной человеческой истории, увиденной как целое в пределах одного фрагмента и возвышаемой в далекой эсхатологической перспективе.²²

Подводя итог этим кратким наблюдениям, есть смысл задаться вопросом: оказал ли Ибсен воздействие на драматургов-символистов, стремившихся возродить мистериальную традицию? Очевидно, что создателям символистской мистериальной драмы оставался чужд ибсеновский реализм. Символистский театр, устремленный к «ирреальному» и фантастическому, предполагал стилизацию средневековых театральных форм, основанную на замене онтологически осмысленного мифа иллюзорностью сказки.²³ Эта замена была неизбежным следствием эстетизма, изначально присущего символистскому сознанию, хотя сами символисты могли декларативно эстетизм отвергать и преследовать иные, «жизнестроительные» цели. Ибсену же эстетизм был чужд, как были чужды фантастика его мифологизму и утопизм – его театральным взглядам. Символисты разрабатывали вслед за Р. Вагнером проект «спектакля-священнодействия», но сама эволюция символистской драмы показала глубокую чуждость ее эстетических оснований мистериальной традиции. Невозможность «символистского миракля» стала полностью наглядной в «Чуде св. Антония»; если Ибсен отталкивался от пародии, то Метерлинк к ней вполне логично пришел.

Крах символистской театральной утопии заставлял задуматься о его причинах, которые осмыслялись по-разному самими символистами. О невозможности адекватного театрального воплощения символистской драмы писал А. Белый,²⁴ Вяч. Иванов подвергал критике саму символистскую драму, называя пьесы Метерлинка «мистическими грезами» и «бесплодными ностальгиями».²⁵ Подводя в 30-е годы итог всему символистскому движению, он неслучайно вспоминал о Ибсене: «Субъективистический символизм, победно утвердившись во Франции, определил и за ее пределами направление школы... Напротив, в Норвегии появляется в лице Генриха Ибсена значительный мастер, дарование большой силы, всецело устремленной к реалистическому символизму и мифу – его осуществлению и вершине».²⁶

Очевидно, что, стремясь расширить границы реального, символизм по-своему выразил ту экзистенциальную *утрату* реальности, которая со временем стала одной из магистральных тем литературы и искусства XX века. Поэтому дальнейшие пути традиции, необычно преломившейся в драматургии Ибсена, было не развитием, но отрицанием символистских концепций; отрицанием, возможно, не совсем чуждым тем принципам, которым следовал автор «мировой драмы».

Примечания

¹ Сокращенный текст доклада, прочитанного на Международной научной конференции «Западноевропейский символизм в литературе и искусстве» (Санкт-Петербург, ноябрь 1997 г.).

² Проблема возрождения мистерияльной традиции в творчестве Х. Ибсена подробно рассмотрена мною в статье: «Tegn imod tegn» as a Paradox of Genre: A Mystery Play Tradition in Ibsen's «Kejser og Galilæer» // Ibsen im europäischen Spannungsfeld zwischen Naturalismus und Symbolismus. Frankfurt am Main, 1998. S. 89–121.

³ Ауэрбах Э. Мимесис: Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976. С. 170.

⁴ Benjamin, Walter. The Origin of German Tragic Drama. London; New York, 1977. P. 66.

⁵ Подробнее см.: Ауэрбах Э. Указ. соч. С. 154–181.

⁶ Benjamin, Walter. Op. cit. P. 81–82.

⁷ Тема, получившая особенно глубокое осмысление в работах М.М. Бахтина, неустанно напоминавшего, что «жанр живет настоящим, но *всегда помнит* свое прошлое, свое начало» (Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 179).

⁸ Подробно об этом см.: Карельский А.В. Драма немецкого романтизма. М., 1992. С. 76–100.

⁹ Проблема, неоднократно привлекавшая внимание историков литературы (например, Л.П. Гроссмана и М.М. Бахтина).

¹⁰ Напомню, что сам автор дал ей подзаголовок «мировая драма». Во втором издании она была обозначена как драма «всемирно-историческая».

¹¹ Несомненны два источника, через которые мистерияльная традиция вошла в ибсеновскую драму. Хорошо известно, что одним из любимейших произведений Ибсена был гётевский «Фауст», к которому он неоднократно обращался в период, предшествовавший работе над дилогией. Менее известен (хотя заслуживает не меньшего внимания) интерес драматурга к представлениям в Обераммергау, отмеченный лишь немногими биографами (см.: Ferguson, Robert. Henrik Ibsen: A New Biography. London, 1996. P. 209). Что касается идейного содержания дилогии, то для его осмысления важны не только часто привлекаемые интерпретаторами идеи Гегеля, но и религиозно-этические воззрения Сёрена Киркегора.

¹² См.: Haakonsen, Daniel. «The play-within-in-the play» in Ibsen's realistic drama // Contemporary Approaches to Ibsen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1971. Vol. 2. P. 101–117.

¹³ См.: Ибсен Г. Полн. собр. соч. В 4 т. СПб., 1909. Т. 4. С. 404.

¹⁴ См.: Ибсен Г. Собр. соч. В 4 т. М., 1956–1958. Т. 4. С. 701, 703–704.

¹⁵ Интересно, что поначалу Ибсен хотел предварить действие драмы особым прологом – в параллель произведению Гёте (см.: Kohn, Halvdan. Henrik Ibsen. Eit diktarliv. Oslo, 1954. Bd. 2. S. 56).

¹⁶ Принципиально иной путь был избран Р. Вагнером, склонным противопоставлять миф истории и видевшим в последней сферу всего поверхностного и условного. (Подробнее см.: Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 292).

¹⁷ Ибсен Г. Собр. соч. Т. 3. С. 223.

¹⁸ Концепция «восходящей временной спирали» принципиально важна для поэтики мистерияльной драмы, на что неоднократно указывали медиэвисты (например, см.: Harris, John Wesley. Medieval Theatre in Context. London; New York, 1992. P. 101–102).

¹⁹ Ибсен Г. Собр. соч. Т. 3. С. 233. – Перевод А. и П. Ганзен в этом издании содержит отступление от оригинала и поэтому приводится в измененной редакции.

²⁰ Ибсен Г. Собр. соч. Т. 3. С. 258. (Перевод А. и П. Ганзен сверен с оригиналом и по возможности отредактирован.)

²¹ Этот глубоко парадоксальный ход ибсеновской мысли опосредованно связан с некоторыми идеями древних гностиков. Знакомство Ибсена с гностицизмом состоялось благодаря историко-богословским работам Августа Неандера, к которым обратился драматург, собирая материалы для дилогии (См.: *Svendsen, Paulus. Om Ibsens kilder til «Kejser og Galilæer»* // *Edda. Nordisk tidsskrift for litteraturforskning*. Oslo, 1933. Bd. 33. S. 207-226). Заслуживает внимания тот факт, что актуализация ряда фундаментальных для гностицизма представлений далеко не чужда протестантской ментальности, вне которой многое в творчестве Ибсена может остаться непонятым.

²² Заключительные слова дилогии предельно отчетливо характеризуют ибсеновский эсхатологизм: «Заблудшая душа человеческая, если тебе свыше суждено было заблудиться, то это, воистину, будет зачтено тебе в тот великий день, когда мощный судия придет в облака славы своей судить живых мертвых и мертвых живых!» (Ибсен Г. Собр. соч. Т. 3. С. 270).

²³ Самый яркий пример – метерлинковская «Сестра Беатриса», представляющая собой эстетизацию средневекового миракля.

²⁴ Андрей Белый. Арабески. М., 1911. С. 17–42, 299–313.

²⁵ Вяч. Иванов. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 666.

²⁶ Там же. С. 666–667.

A.A. Yuriev

Henrik Ibsen and the mystery play tradition

This article is a short version of the lecture given at the International conference «Symbolism in Western Literatures and Arts» (St. Petersburg, November 1997). The author treats Ibsen's double-drama *Kejser og Galilæer* as a key-work in his dramatic heritage and raises a number of problems connected with both Ibsen's poetics in general and its historical background and origin. The main subjects are Ibsen's vision of history, mythopoetic imagery and dramatic structure of the play. The author compares Ibsen's work with Symbolist drama and opposes the former to the latter.

A.В. Ломагина

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ТРАДИЦИЙ РОМАНТИЗМА В НОВЕЛЛИСТИКЕ К. БЛИКСЕН

Карен Бликсен (1885–1962) относится к самым известным за пределами Скандинавии датским авторам. Ее произведения переведены на большинство европейских языков, а круг исследователей, занимающихся ее творчеством, очень широк. Помимо двух больших романов: «Африканская ферма» и «Пути возмездия» – ее перу принадлежат несколько

© А.В. Ломагина, 1999

сборников новелл: «Семь фантастических историй», «Зимние сказки», «Анекдоты судьбы», «Последние истории».

В творчестве писательницы есть несколько характерных черт, которые обусловлены особенностями ее литературной биографии. Одной из очевидных черт, выделяющих этого автора, является то, что ее произведения написаны на двух языках – английском и датском.

В качестве другой важной особенности следует отметить некоторое несоответствие тематики и особенно ее манеры повествования общим тенденциям в датской литературе первой половины XX века. К. Бликсен дебютировала в Дании в 30–40-е годы. В это десятилетие особую силу набрало так называемое социалистическое направление в искусстве, ориентированное на критику общества. К. Бликсен, скорее, относят к представителям модернизма, его расцвет в Дании приходится на 50-е годы.

Темы, которые писательница затрагивает в своих произведениях: детерминизм человеческой жизни, творческая воля Бога в судьбе человека, господство в жизни законов искусства – также оказались несозвучными умунастроениям датской публики 30–40-х годов.

Если в литературной ситуации США и Великобритании дебют писательницы вызвал большой интерес, то популярность на родине пришла к К. Бликсен только в 50–60-х годах, когда на фоне расцвета модернизма у нее появились и сторонники, и последователи.

Оторванность К. Бликсен от датской литературной традиции объясняется тем, что она с 1914 по 1931 год жила в Кении. Там она оказалась в среде английской колониальной культуры и одновременно попала под обаяние туземного патриархального уклада.

Таким образом, впитав в себя атмосферу рубежа веков, К. Бликсен во многом ее сохранила, находясь вдали от социальных перемен в Европе. Она вернулась в Данию, чтобы в 1937 г. выпустить в свет сборник новелл, которые вобрали в себя европейский опыт до первой мировой войны и опыт общения с другими культурами. В Африке писательница выработала свое мировоззрение, которое впоследствии определило и стиль ее произведений.

Цитатность является еще одной характерной чертой новелл К. Бликсен, роднящей ее с другими авторами-модернистами. Язык ее произведений изобилует литературными реминисценциями, аллюзиями и мифологическими ассоциациями. Автор использует в тексте цитаты из греческой и скандинавской мифологии, Библии, широкого круга литературных произведений и фольклора. «Она считает литературу и все прочее искусство своим домом, полным друзей и родни».¹ Заимствованные

темы и образы она использует ассоциативно, в своих целях, комбинируя их для достижения необходимого художественного эффекта.

В качестве одной из составляющих творчества писательницы можно выделить группу тем и художественных приемов, которые восходят к традиции романтизма. Среди авторов-романтиков, близких ей по духу, она называет Х.К. Андерсена, А. Эленшлегера, Й. Эвальда, Э.Т.А. Гофмана, С. Киркегора, Д.Г. Байрона и П.Б. Шелли.

Обращение к идеологии романтизма нередко встречается в литературе модернизма. Среди общих тем в модернизме и романтизме можно, в частности, отметить «ощущение власти прошлого, взаимосвязь природы и личности, роль интуиции в изображении человеческих поступков и напряженность событий, в которых оказываются персонажи, чьи невероятные поступки и судьбы напоминают великих героев романтической литературы».²

Одну из причин своего обращения к этому периоду называет сама К. Бликсен: «Я перенесла действие моих “историй” на 100 лет назад, во времена настоящего романтизма, где люди и обстоятельства жизни были совсем иными. Только так мне удалось почувствовать себя совершенно свободной».³

Действительно, в большинстве новелл писательницы указано точное время, в которое разворачиваются описываемые события. Как правило, это первая половина XIX века. Например, новелла «Пути вокруг Пизы» начинается так: «Дело было красивым майским вечером 1821 года».⁴ В новелле «Обезьяна» указан промежуток времени, в который могла случиться история, ставшая сюжетом для настоящего повествования: «Абатисса Седьмого монастыря, при которой наступил его особенный расцвет в период с 1818 до 1845 года, имела маленькую обезьянку...» (с. 109). Первые слова «Всемирного потолка в Нордернее» определяют время действия – «в начале прошлого столетия» (с. 173). В «Семейном ужине в Хельсингере» время действия отсчитывается с 1813 г. (с. 265).

Романтическая двойственность и скрытая за внешним, кажущимся миром высшая действительность выражается, в частности, в любви писательницы к контрастам и противопоставлениям, которые занимают значительное место в художественном построении повествования. В новелле «Мечтательный ребенок» мальчик-сирота чувствует, что он чужой в нищенской среде. Из этого чувства рождается фантазия о его принадлежности к другому, богатому кругу и о тайне, окружающей его рождение (с. 96). Швея Анна «при всей своей внешней неприметности имеет душу революционера, разрушителя общественных устоев».⁵ Герой «Мо-

лодого человека с гвоздикой» – писатель Чарли Деспард – для всех окружающих является «любимцем фортуны, молодым человеком с завидной судьбой». А он чувствует себя «самым одиноким и несчастным человеком во всем мире».⁶

О наличии второй – высшей реальности, характерной для романтического искусства, превалирующей над миром действительности, говорит также присутствие второго – идеального, духовного плана, на котором с героями происходят внутренние метаморфозы.

Герой новеллы «Эренгард» планирует духовное соблазнение героини. Физическое обладание не представляет для него интереса. Он хочет вызвать к жизни ее эротическую сущность и дать ей выразиться в тот миг, когда она зальется краской от осознания этого.

Героиня новеллы «Мечтательный ребенок», которая в начале повествования ценит правду превыше всего, в конце рассказывает своему мужу о романе, который якобы у нее был еще до их помолвки. Она утверждает, что умерший мальчик, Йенс, является ее сыном, и требует, чтобы муж ей поверил. На уровне реальности то, что она говорит, неправда. Ей не хватило смелости нарушить общественные правила и впустить к себе ночью своего возлюбленного. Но на идеальном, духовном уровне, который ей открыл маленький мечтатель Йенс, она преодолевает свой страх и дает раскрыться своей сущности, которую ранее подавляла. В высшей действительности она может иметь любовника и внебрачного ребенка, этот уровень не подвластен моральным нормам.

В творчестве писательницы часто встречается тема марионетки, которая решается в традициях литературы позднего романтизма. В новелле «Пути вокруг Пизы» в кульминационный момент герои застывают, уподобляясь марионеткам: «Они все застыли вокруг нее, как компания деревянных кукол посреди могучего пейзажа» (с. 58). Герой новеллы «Поэт», умирая, приходит к осознанию того, что все участники событий являются марионетками: «мы – блаженные марионетки» (с. 507). Когда четыре персонажа новеллы «Всемирный потоп в Нордерне» остаются во время наводнения в доме, который медленно заливают вода, автор описывает их таким образом: «Как будто четыре марионетки, которыми управляет одна нить, все четверо, находящихся на сеновале, повернули головы и посмотрели друг на друга» (с. 187).

Персонажи К. Бликсен часто сравниваются с куклами. Герой новеллы «Сновидцы» говорит: «Может быть я был, сам того не зная, игрушкой или механической куклой в руках старого колдуна из Амстерда-

ма?» (с. 389). О героинях новелл «Поэт» и «Старый странствующий рыцарь» повествователь говорит, что они похожи на кукол.

Большинство исследователей возводят происхождение этого образа, столь важного для понимания картины мира К. Бликсен, к «Диалогу о марионетках» Г. Клейста. В этом эссе появляется образ куклы, которая в точности выполняет замысел автора — Бога. И ее гармония абсолютна, в то время как танцор, который ей противопоставляется, вынужден «создавать себя», самостоятельно искать связь с высшей гармонией.

У К. Бликсен принцип существования марионетки объясняет ведьма из комедии марионеток, которая говорит: «Правда заключается в том, что мы все играем в комедии марионеток. Самой большой радостью в ней для участников является выполнение замысла автора. Я открою вам тайну: в этом и заключается истинное счастье, которое люди ищут совсем в другом» (с. 50).

В новеллах К. Бликсен часто развивается тема маски как формы существования персонажей. Истоки философии маски у писательницы также нужно искать в идеологии романтизма. «Философия маски ... — это философия искусства и жизни, проистекающая из романтизма. Эта теория придает особое значение иллюзии и мечтам и подчеркивает низость и второстепенность действительности».⁷ У К. Бликсен герой, надевающий маску, меняет в соответствии с этой маской действительность. Если он отдается этой игре со всей страстью и выполняет взятую на себя роль точно в соответствии с идеей, воплощенной в маске, то он преобразует и свою судьбу, и себя как личность.

Наиболее полное представление о роли маски дает новелла «Всемирный потоп в Нордерне». Среди персонажей новеллы, оставшихся на сеновале затопленного наводнением дома, двое — богатая старая дева, Нат-о-даг, и кардинал Гамилькар — рассуждают о значении маски. Фрекен Нат-о-даг выдвигает свою версию того, что Бог ожидает от смертных: «Как Вам могла прийти в голову идея, что Бог хочет от нас правды? Правда нужна лишь башмачникам и портным. Господь питает слабость к маскараду» (с. 200). В качестве вывода из своей длинной речи она приводит парафраз из Евангелия: «По маске твоей я узнаю тебя» (с. 202). Таким образом в Судный день не смертные будут снимать маски, а Господь Бог — свою. В последнюю ночь перед смертью для персонажей, обреченных наводнением на гибель, с точки зрения героини, должна упасть маска с лица судьбы и они должны познать смысл жизни.

Кардинал Гамилькар в этой новелле является персонажем, который носит маску. В начале повествования никто не видит его лица, так

как оно забинтовано. Когда же он снимает бинты, выясняется, что на самом деле это вовсе не кардинал. Фрекен Нат-о-даг с удивлением видит перед собой камердинера кардинала – Касперсена. Он рассказывает, как убил кардинала, чтобы сыграть его роль. В образе кардинала Касперсен спасал во время наводнения крестьян и поднимал дух спасателей. Его роль коренным образом изменила жизнь трех его спутников. Благодаря Касперсену они оказались на сеновале, где каждый, осознав свою судьбу, преобразился.

Надев маску кардинала и исполнив тем самым свою роль, герой творит мир вокруг себя: «Я рад, что я создал эту ночь. Я горд, что создал Вас [фрекен Нат-о-Даг]» (с. 261).

Романтической идее растворенности Бога во Вселенной у К. Бликсен соответствует прием одушевления природы. Состояние природы может соответствовать настроениям персонажей или быть им противопоставленным, оно может также предварять какие-то неожиданные для героя события.

Герой новеллы «Обезьяна» возвращается после сватовства в монастырь. Он еще не может знать, что его предложение будет отвергнуто и что он будет участвовать в очень странных событиях. Но описание природы подготавливает к этому читателя: «Большой сухой сук внезапно сломался и упал прямо перед вставшими на дыбы лошадьми <...> Луна бежала над его головой, скрываясь в несущихся мимо облаках» (с. 136).

Природа в новелле «История жемчужины», с точки зрения героини, противостоит ей: «Чужие дикие горы, где она поняла, что такое страсть, казалось, объединились, чтобы подавить ее и уничтожить».⁸

Кроме того, писательница использует в своем творчестве много фантастических сюжетов, свойственных литературе романтизма. Одним из них является общение живых с привидениями. Этот сюжет использован в новеллах «Отшельники» и «Семейный ужин в Хельсингере».

К. Бликсен развивает еще один мотив из эпохи романтизма: героиня новеллы «Сновидцы» не имеет тени. В роли тени выступает ее друг, который повсюду следует за ней. Другим моментом, характерным также для литературы романтизма, является появление у героя двойника. На этом основана повесть одного из персонажей в новелле «Поучительная история».

Большое значение в своих произведениях автор уделяет мечтателям. Романтический конфликт между мечтой и реальностью также присутствует в ее творчестве. Однако этот конфликт в новеллах К. Бликсен не имеет трагического оттенка.

В новеллах писательницы происходит много таинственных событий: обезьяна становится канониссой монастыря, кречет оборачивается лапландской колдуньей, театральная постановка «Бури» Шекспира вызывает настоящий шторм. Мистической силой в новеллах наделено зеркало – многие персонажи, глядя на свое отражение, приходят к осознанию себя как личности.

Писательница, так же как и многие авторы-романтики, тяготеет к экзотике. Сценой, где разворачиваются события в новеллах, может быть Италия, Персия и Занзибар. Декорациями служат родовые поместья, монастыри, модные курорты и замки, море или дикая романтическая природа.

Несмотря на то, что в произведениях К. Бликсен усматривается много параллелей с литературой романтизма, большинство заимствований являются средствами стилизации или выступают в неожиданном ироническом ракурсе. С некоторыми авторами писательница вступает в полемику. Так, одну из своих новелл – «Эренгард», она написала как иронический ответ на произведение датского мыслителя и писателя эпохи романтизма – С. Киркегора «Дневник соблазнителя».

Таким образом, идеи романтизма и его художественные приемы подвергаются автором переосмыслению. А обращение к ним становится, наряду с другими цитатами и реминисценциями, стилистическим приемом в русле модернистской традиции творчества К. Бликсен.

Примечания

¹ Gress E. Karen Blixen // Danske digtere i det 20. århundrede. København, 1981. S. 22.

² Bornstein G. Romantic and Modern. Pittsburg, 1977. P. 209.

³ Цит. по: Brunbjerg E. Kvinden, kætteren, kunstneren: Karen Blixen. København, 1995. S. 22.

⁴ Blixen, Karen. Syv fantastiske fortællinger. København, 1950. S. 9.

⁵ Blixen, Karen. Vintereventyr. København, 1972. S. 97.

⁶ Ibid. S. 16.

⁷ Johanneson E.O. The world of Isaak Dinesen. Seattle, 1961. P. 89.

⁸ Blixen, Karen. Vintereventyr. S. 40.

A.V. Lomagina

Romantiske traditioner i Karen Blixens forfatterskab

Denne artikel beskriver nogle emner og stilistiske træk som er fælles for digtere i begyndelsen af det 20. århundrede og Karen Blixens fortællinger. Hun selv forklarede, at hun flyttede sine fortællinger til en rigtig romantisk tid og andre forhold for at føle sig fuldkommen fri. Interessen for denne tid og dens ideer er stor også hos andre forfattere, modernistiske som postmodernistiske.

Blandt romantismens filosofiske ideer, som K. Blixen bruger i sine fortællinger kan der nævnes maskefilosofi og marionetteater. Det romantiske dobbeltsyn og den højere kunstneriske realiet som bestemmer den menneskelige skæbne er også afgørende for hendes forfatterskab. Hun tildeleer endvidere naturen en aktiv rolle i sine fortællinger og bruger mange fantastiske emner som er lånt hos digtere fra det 19. århundrede. På den måde bruger hun romantiske traditioner som ramme for sit ellers eksistentialistiske forfatterskab.

М.Б. Матвеева

**ЭСТРИД БАННИСТЕР ГУД –
ПРОТОТИП ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ РОМАНА
Й.-Ф. ЯКОБСЕНА «БАРБАРА»***

Йорген-Франц Якобсен (1900–1938) – фарерский писатель, писавший на датском языке, прожил недолгую жизнь. Он был известным журналистом, корреспондентом одной из крупнейших газет Дании «Политикен», но не очень известным писателем, опубликовавшим при жизни всего две книги о Фарерских островах – сборник очерков «Дания и Фарерские острова» (1927) и «Фарерские острова. Природа и люди» (1936).

Признание и известность пришли к нему через несколько месяцев после смерти, когда был опубликован его единственный роман «Барбара» (1939). Действие романа разворачивается на Фарерских островах в середине XVIII в. и содержит в себе весь тот набор элементов, который позволяет отнести его к разряду исторических романов: захватывающий сюжет разворачивается на фоне реальных исторических событий, описание быта и нравов фарерцев сделали бы честь любому живописцу «золотого века» датского изобразительного искусства. Тонкий психологизм и прекрасный язык романа сразу позволили критикам провести параллель с признанным мастером этого жанра, однофамильцем Йоргена-Франца, Йенсом Петером Якобсеном.

Сначала Й.-Ф. Якобсен хотел дать героине произведения имя Бейнта, потому что собирался писать роман по мотивам известной фарерской саги «Бейнта и Педер Арребое». Но Бейнта из саги была мрачной и демонической личностью, а Якобсен писал о чарующей женственности и обаянии, которые могут сделать человека счастливым, а могут и погубить. Так появилась Барбара, покоряющая читателя страстным стремлением к счастью, а значит, к любви, и готовая заплатить за это страданиями – и

* Статья публикуется в авторской редакции.

© М.Б. Матвеева, 1999

своими собственными, и страданиями других людей, которых она вовлекала в круговорот чувств, в центре этого круговорота было место только для нее. И именно ее образ сделал этот роман столь привлекательным и популярным.

Гюстав Флобер сказал о главном персонаже своего неувядаемого романа: «Эмма Бовари – это я». Про героиню романа-жизни Йоргена-Франца Якобсена можно сказать: Барбара – это Эстрид Баннистер Гуд. Это ее магнетическое обаяние, яркие чувства, страсти, сокрушающие все преграды, равно как и свое преклонение перед ней и невозможность обладания ею, запечатлел умирающий от туберкулеза молодой писатель.

После выхода романа в свет многим хотелось увидеть ее. Карен Бликсен, которой очень нравился образ Барбары, не раз просила Вильяма Хайнесена, известного писателя и родственника Эстрид Баннистер, достать ей фотографию Эстрид. В 1962 году Карен Бликсен, получив, наконец, портрет, написала Эстрид Баннистер Гуд: «...Примите мою сердечнейшую благодарность за фотографию, это было так мило с Вашей стороны послать мне ее, и я очень рада, что она у меня теперь есть. Я люблю книгу “Барбара” и часто страстно желала узнать, как же на самом деле выглядит героиня...»¹

Какой же она была на самом деле, Эстрид-Барбара? И как появилась в жизни Йоргена-Франца Якобсена?

В 1848 г. на Фарерские острова приехал молодой кондитер из Копенгагена Мартин Кристиан Рестофф. Он был умен, в меру амбициозен и очень удачлив: начав с открытия маленькой пекарни и кондитерской при ней, завершил свою карьеру в качестве владельца и главы крупнейшего торгового дома на Фарерских островах, сконцентрировав в своих руках львиную долю всей торговли с метрополией. Он искренне любил острова и фарерцев, во многом изменил их жизнь и стал по-настоящему популярен – его портрет висел на почетном месте в большинстве домов. В 1896 году, в день своего 80-летия, он стал почетным гражданином столицы Фарер, Торсхавна.

Когда его дочери Хелене исполнилось 16 лет, она, как и многие другие фарерские девушки, уехала в Копенгаген учиться домоводству и жила в семье знакомого врача. Премудрости ведения домашнего хозяйства она изучала недолго, но, видимо, постигла их достаточно, чтобы начать использовать на практике – уже через год после переезда в Копенгаген семнадцатилетняя Хелене выходит замуж за человека, который был на двадцать лет старше ее. Его звали Якоб Йоханнес Йеструп, и самым примечательным в этом скромном инженере, кроме собственного дома,

было его участие в войне 1864 года. Он умер спустя несколько лет после свадьбы, оставив на попечении Хелене двух маленьких детей. И ей пришлось вернуться на Фарерские острова в родительский дом.

Молодую вдову встретили любящие родители, и вскоре один из самых перспективных датских торговых партнеров ее отца, Карл Берг, предложил ей руку и сердце. Молодые обосновались в Копенгагене и в этом очень счастливом браке родилось еще двое детей. Тора, дочь Хелене от первого брака, стала к этому времени красивой, уверенной в себе девушкой, которую всегда окружали многочисленные поклонники. Одним из них был высокий и очень привлекательный на вид Август Хольм, ему повезло больше других – было официально объявлено об их помолвке.

Но амбиции старого Рестоффа проявлялись именно в женских представительницах рода, и Тора поставила влюбленному Августу твердое условие – свадьба состоится только после того, как он станет капитаном дальнего плавания. Преданному жениху, который никогда не испытывал особенной любви к морским походам и сопутствующим им неудобствам, пришлось пройти труднейший путь превращения обычного служащего в капитаны. Путь этот не был коротким, но Тора была верна данному обету и вышла замуж за Августа, когда он стал капитаном. К этому времени ей исполнилось уже тридцать лет. В 1902 году родилась их старшая дочь Мария, а 27 февраля 1904 года у нее появилась маленькая сестра, которую назвали Эстрид.

Девочка родилась почти на 2 месяца раньше срока и первое время ее кормили яйцами и коньяком для придания сил. Невзирая на все усилия, она росла слабым и возбудимым ребенком, сверхчувствительным к резким звукам, запахам и цветам. Мать назвала Эстрид в честь своей школьной подруги Эстрид Хайн, которую она очень уважала, почти преклоняясь перед силой ее характера, ведь Эстрид Хайн стала одной из первых в Дании женщин-врачей, что в то время было равносильно гражданскому подвигу.

Намерение Торы выйти замуж за капитана объяснялось просто: больше всего на свете она мечтала о морских путешествиях, хорошо понимая при этом, что у нее была только одна возможность получить доступ на корабль – в качестве жены капитана. Но гораздо позднее ей стало известно, что хотя Август и стал моряком, но ее заветная мечта ступить на палубу корабля осуществилась на самом деле только благодаря ее отчиму, Карлу Бергу, который приобрел контрольный пакет акций той самой судоходной компании, которая владела судном.

Тора много раз участвовала в дальних плаваниях и часто брала с собой обеих дочерей. Позже она рассказала им, что была счастлива с Августом только во время этих поездок, когда она видела его таким, каким в ее представлении должен быть настоящий мужчина – сильным, надежным и романтичным. Загорелый морской волк был наилучшим воплощением образа. На суше краски блекли и романтический ореол угасал.

Путешествуя с родителями с раннего детства, Эстрид и Мария еще будучи маленькими девочками объездили множество стран и понимали, что мир на самом деле велик и блестящ, что трудно было себе представить, живя в маленькой Дании. Кипр, Сицилия, Лондон, Санкт-Петербург, Брюссель были для них не только точками на географической карте – это был мир их детства.

Главой семьи была несомненно мать, Тора. Девочки уважали ее и доверяли матери многие свои тайны. Отец был значителен на море и ничем не примечателен дома. Был еще один человек, которого Эстрид не просто любила, но почти боготворила за доброту – отчим матери, ее неродной дедушка Карл Берг. Он, живя в Копенгагене, продолжал поддерживать активнейшие отношения с Фарерами, в немалой степени из-за того, что родственники, живущие на островах, поручили ему опекать правнуков Мартина Рестоффа, приехавших в Копенгаген учиться. Одним из этих молодых людей был двоюродный брат Эстрид, впоследствии известный писатель, а в то время студент коммерческого училища, Вильям Хайнесен. К тому времени уже было решено, что именно он унаследует торговый дом «старика Рестоффа».

Начало первой мировой войны застало Августа Хольма в США, и он немедленно вызывает к себе жену с детьми. Они и выехали немедленно, но из-за трудностей и тягот войны добрались туда лишь в 1916 г. Прожив там два года в крайней нужде, когда Эстрид приходилось бродить по дорогам в поисках обретенного угля, так как денег купить топливо и еду Август на суше добывать не умел, Тора узнала о кончине Карла Берга, который сделал ее своей наследницей, и немедленно решила расстаться наконец с Августом и вернуться домой. А поскольку это возвращение должно было ознаменовать собой начало новой жизни, то Тора с девочками плывет в Данию через половину земного шара на суперлайнере «Императрица России».

На борту этого шикарного корабля Эстрид и Мария вели увлекательную жизнь и приобрели массу новых знакомых. Девушки играли в теннис и танцевали с молодыми людьми, которых на судне было множе-

ство. Большинство из них были русскими белогвардейскими офицерами, которые мечтали о возвращении российской монархии и ехали в Японию и Китай, чтобы оттуда попытаться проникнуть в Россию. Еще по дороге в США к отцу Эстрид познакомилась с молодым русским офицером по имени Владимир, который произвел на нее неизгладимое впечатление своими изысканными манерами. Среди молодых российских офицеров у нее сразу появилась масса поклонников.

Но вне всякой конкуренции оказался лишь 29-летний англичанин Донован Баннистер, которого все называли Дон. Он был богат, холост и жил тогда в Японии, где и сошел на берег, а Эстрид с матерью и сестрой продолжили путешествие далее в Китай, Индию и наконец вернулись в Данию. По возвращении Эстрид нашла дома груды писем от поклонников с «Императрицы», и среди них письма от Дона, в одном из которых, уже из Англии, он просил позволения приехать к ним со своей матерью, чтобы представить ей будущую невестку. Это очень польстило Эстрид, ведь Дон проехал долгий путь из Японии специально ради нее. Это и решило дело. Эстрид получила кольцо с огромным бриллиантом, и помолвка состоялась. Свадьбы, однако, пришлось ждать почти два года, пока Эстрид не исполнилось 18 лет – это было условием Торы.

Эстрид окончила школу, и летом, перед свадьбой, Тора решила отправиться с дочерьми на Фарерские острова, которых они никогда не видели прежде. Эстрид, повидавшая много красот на своем коротком веку, пришла в восторг от островов. Океан, скалы, солнце и ветер – это была ее стихия. К тому же они встретились со своим старым знакомым и кузеном, бывшим подопечным их дедушки, Вильямом Хайнесеном. Он по-прежнему больше думал о журналистике и книгах, чем о тонкостях торговли. Перемены, произошедшие с Эстрид, которая просто светилась очарованием и притягательностью, произвели сильное впечатление на Вильяма и оказались роковыми для его близкого друга и родственника Йоргена-Франца Якобсена.

Эльсе Седерборг, написавшая великолепную книгу об Эстрид Баннистер Гуд, пишет: «...его [Й.-Ф. Якобсена] юношеская влюбленность в Эстрид росла и со временем превратилась в одержимость. Главная героиня его романа “Барбара”, вышедшего в 1939, это ее портрет, написанный с той Эстрид, какой он впервые увидел ее в 1921, и с той, которую он со временем узнавал, когда их дружба выросла почти в любовь с ее стороны, и в страсть с его».²

Вильям Хайнесен так вспоминал об этом в письме к Эстрид 17 апреля 1977 г.: «...да, встреча с тобой стала, кроме того, фатальной, и его

танец с тобой приобрел высочайшее значение для его жизни – о чем вскоре узнали все на свете. Ты не была абсолютно единственной женщиной в его жизни, были и другие из различных санаториев и лечебниц, но ты затмевала всех. Он никогда не устал говорить о тебе, сочинять про тебя всякие небылицы и пытаться найти тебе характеристики и определения. Не всегда без критики, потому что порой, когда он не без оснований чувствовал себя отвергнутым, он предпринимал энергичные попытки найти в тебе изъяны, но, впрочем, всегда безуспешно, потому что твое место в первом ряду партера его сердца ничто не могло поколебать...»³

Но чудесное лето 1921 г. закончилось, и 27 февраля 1922 года была отпразднована свадьба Эстрид и Дона Баннистера. Незадолго до свадьбы Эстрид впервые проявила свою экстравагантность – в качестве свадебного букета ее устраивали только ландыши. Достать их в феврале было не самым легким делом, но Дон справился с этим заданием, как в будущем справлялся и с другими ее очаровательными прихотями, и венчание, на которое были приглашены и Вильям Хайнесен с Йоргеном-Францем Якобсенем, состоялось. Эстрид была, как и положено невесте, прекрасна, трогательна и невинна. Она так и оставалась невинной еще почти полгода после свадьбы. Дон был очень влюблен в нее, но проявлял непонятную нерешительность, а викторианское воспитание, данное ей матерью, не предусматривало сведений о сексуальной стороне брака.

Молодожены уехали в Японию и поселились в небольшом курортном местечке Камакура. Там 8 апреля 1923 года у Эстрид родился сын Вильям Джофрей. Ребенку нашли няню, а Эстрид проводила все свободное время у океана, занимаясь сёрфингом. Она была словно рождена для этого полета по гребню волн, балансируя на крае. Ей было не занимать мужества, дерзости и авантюризма, чтобы бросать вызов любой, самой грозной волне. И она была по-настоящему счастлива в эти минуты. Как позднее и в жизни – все время новые чувства, новые люди – скользить по поверхности, задержаться на короткое время на самом гребне счастья, и, не дожидаясь неизбежного спада, стремиться вперед, к новым ощущениям.

Но в сентябре 1923 года Эстрид пришлось уехать из Японии, так как она и ребенок чудом спаслись после сильнейшего землетрясения 1 сентября 1923 года, разрушившего Камакуру и стершего с лица земли их чудесный дом. В одном купальном костюме, с пятимесячным ребенком на руках она оказалась на улице. Дон был в деловой поездке, но вернувшись, нашел их в толпе беженцев и решил немедленно увезти Эстрид в Данию, чтобы она могла оправиться от потрясения. Сам же он вернулся

назад, в Японию. А в 1924 г. 19-летняя Эстрид познакомилась с Оле Хаслундом, который был ровно в два раза старше ее и слыл в равной степени знатоком антиквариата и женщин. Он был очень талантлив, умен и настолько же изыскан, насколько пресыщен. В Эстрид он сразу же угадал родственную душу и, быстро перейдя от захватывающей дружбы к не менее захватывающей связи, поведал ей основы своего мировоззрения, где наслаждение было возведено на пьедестал.

Вот как об этом пишет Эльсе Седеборг: «...Он [Оле Хаслунд] всегда проповедовал Эстрид, которая была очень усердной ученицей, что нужно поклоняться любви, и принимать ее подарки с радостью и благодарностью, но не давать соблазнить себя мифом об “одном единственном”, чтобы связать себя браком. Наоборот, нужно сохранять свою свободу и наслаждаться ею в полной мере с теми партнерами, к которым приводит судьба на жизненном пути».⁴

Этот роман привел семью Эстрид в негодование, и Тора, ее мать, относилась к Хаслунду с огромной неприязнью. Но лишь до тех пор, пока не встретила с ним. Их знакомство было вынужденным и случилось при печальных обстоятельствах – Эстрид тяжело заболела, ей сделали сложную операцию. У кровати тяжелобольной, где выяснение отношений выглядело бы просто неуместным, и состоялось их первая встреча. Несмотря на всю свою предубежденность и викторианское воспитание, исключавшее свободу нравов, Тора сама была покорена этим не молодым уже Дон Жуаном. «То, что она [Эстрид] увидела у своей больной кровати, было не что иное как последняя битва двух идеологий, которые до того момента так много для нее значили, и которые, как оказалось, могут мирно уживаться друг с другом».⁵

Эстрид делает последнюю попытку жить как все и уезжает к мужу на Восток. По ее настоянию они поселяются в Шанхае, Дон снова часто ездит по делам, а она проводит время в ночных клубах и на вечеринках, обрастая многочисленной толпой поклонников из числа европейцев, обосновавшихся в Шанхае.

Весной 1928 г., окончательно покинув Восток и, фактически, мужа, она возвращается в Данию, снимает дом в Ордрупе, активно занимается верховой ездой и завязывает дружеские отношения с партнершей по тренировкам, Дагмар Расмуссен. Дагмар приглашает Эстрид к себе и знакомит со своим мужем – знаменитым в то время полярным исследователем Кнудом Расмуссеном. Но Эстрид мало интересуется его научная деятельность и слава, для нее он прежде всего необыкновенно привлекательный мужчина. Ее интерес к нему не остался без ответа и вскоре легкий флирт

сменился столь же легким романом. Кнуд вводит Эстрид в круг своих близких друзей, каковыми были писатель Петер Фройхен, принц Кнуд и американский писатель и художник Рокуэлл Кент. И хотя Кент сразу безумно влюбился в нее, его жена Франсесс на долгие годы стала ближайшей подругой Эстрид, и их дружбе это ничуть не мешало.

Эстрид наслаждалась всеобщим обожанием и многочисленными приятными, но короткими романами, исповедуя учение Оле Хаслунда, которое таким естественным образом соответствовало ее собственным мыслям и чувствам. Неожиданная для нее самой попытка обрести счастье с одним партнером и построить на этом фундаменте новую жизнь потерпела поражение и закончилась трагически – для партнера.

С наследником «масляного короля» Дании Л.Е.Брууна, Хансом Брууном, Эстрид познакомилась на одной из вечеринок у Кнуда Расмуссена. Молодой человек к тому времени уже промотал миллионное наследство и сначала в поисках острых ощущений и приключений, а потом уже из искренней привязанности к Гренландии, сопровождал Кнуда Расмуссена в его экспедициях. Взаимный интерес Ханса и Эстрид перерастает в связь, которая неожиданно для них самих становится настолько всепоглощающей, что любовники, уже не скрываясь, заявляют о своем намерении жить вместе где-нибудь на краю света, подальше от мирской суеты. И, конечно, Гренландия, о которой Ханс часто рассказывал Эстрид, и которую она полюбила уже потому, что Ханс восхищался этим островом, была самым подходящим местом для будущей уединенной и счастливой жизни. Эстрид, несмотря на сильнейшее сопротивление матери и друзей, сообщает Дону о своем намерении развестись с ним и готовится к отъезду.

Но судьба распорядилась иначе. Эстрид серьезно заболела, ей сделали операцию, после которой она поехала в пансионат недалеко от Ордрупа. В этом же пансионате находился тогда Йорген-Франц Якобсен, который никогда не прерывал общения с ней и всегда был в курсе всего происходящего с Эстрид. В самый разгар ее борьбы со всем светом за будущее счастье он по-своему пытается отговорить ее от этой безумной затеи, и дарит ей книгу «Бенони и Роза» Кнута Гамсуна. Вот что писала Эстрид в своем дневнике об этом: «...Сегодня я закончила “Бенони” – продолжение “Пана”. Йорген-Франц подарил ее мне на день рождения – как предостережение против моего замужества в Гренландии. Персонажи в этой книге должны жестоко бороться за то, чтобы обрести друг друга – а когда они наконец вместе и борьба позади, то смертельно наскучивают друг другу».⁶

Оле Хаслунд тоже пытается всеми силами отвлечь Эстрид от ее замысла, и понимая, что это можно сделать, только найдя для нее другого, останавливается на кандидатуре Йорген-Франца Якобсена, зная, что тот давно любит Эстрид. Она знала о замысле Хаслунда и откровенно смеялась над этим.

Ханс все-таки осуществил свою мечту уединиться с Эстрид, хотя и не на острове. Они проводят счастливейшие семь недель на ферме, которую он купил для них и где Эстрид даже пытается вести хозяйство, хотя и без особого успеха. Но их жизнь все еще окружена ореолом романтической любви, и они нисколько не наскучили друг другу. Не успели. В результате несчастного случая Ханс умер.

После смерти Ханса к любви Йоргена-Франца прибавляется и надежда. Он становится главным утешителем Эстрид и еще более близким другом. Они вспоминают дни, проведенные в санатории, когда их настольной книгой стал роман Кнута Гамсуна «Пан», и Якобсен сразу начал называть ее Эдвардой, что ей очень нравилось, но они оба понимали, что для того, чтобы называться лейтенантом Гланом, Йоргену-Францу не хватало ни силы, ни блеска, ни шарма. Вся сила и привлекательность Якобсена была сконцентрирована в его интеллекте. И в одном из писем к Эстрид Якобсен находит себе имя: он называет себя «номер 11677». Так он в минуту уныния обозначает свое место в бесконечном ряду поклонников Эстрид.

Эстрид, несмотря на уговоры матери вернуться к Дону и сыну, решает уехать подальше, где ничто не напоминало бы ей о ее утрате. Она уезжает в Америку и живет в семье Рокуэлла Кента, где сначала с головой окунается в развлечения и новые романы, каждый из которых описывает в своих почти ежедневных письмах Йоргену-Францу, чем ранит его все большее, несмотря на его всегда ироничные, хотя, порой, и ядовитые комментарии на ее эскапады. Он тоже пишет ей ежедневно, и Эстрид уже не может обходиться без его писем: «...Твои письма как дневной свет для меня. Это как проснуться от ласки – и я люблю это и зарываюсь глубоко разочарованная под перину, когда обнаруживаю, что поднос для писем пуст».⁷

Сила чувств Якобсена и его потрясающие письма стали занимать мысли Эстрид все сильнее. А она уже начинала уставать от однообразия жизни, где один поклонник приходил на смену другому, и никто из них не был похож на Ханса – к чему она неосознанно стремилась. И тогда на короткое время ей пришло в голову классическое решение всех проблем – выйти опять замуж, и почему бы и не за Якобсена? Но одно лишь упомин-

вание об этом приводит ее мать в ужас. Она, зная свою дочь, понимала, что он не пара Эстрид, и к тому же боялась, что Эстрид может заразиться от него туберкулезом. Впрочем, Эстрид и сама быстро забыла и думать об этом мимолетном намерении, а Якобсен надеялся до самой смерти.

Эстрид между тем, увлеченная творчеством Рокуэлла Кента, начинает переводить отрывки из его книг с английского на датский, и понимает, что ей очень нравится это занятие. Она всерьез подумывает о карьере писателя и переводчика. Якобсен в письмах поддерживает ее в этом и обещает свою помощь. Но когда Эстрид возвращается в Данию, то в помощи нуждается сам Йорген-Франц, так как его здоровье резко ухудшилось и ему пришлось перенести тяжелую операцию. Она переезжает в его пустующую квартиру и ежедневно навещает его в санатории. Их дружба, не прекращавшаяся ни на один день благодаря переписке, вспыхивает с новой силой. Но если Эстрид испытывает искреннюю симпатию, жалость и восхищение мужеством, с которым Якобсен противостоит болезни, то он воспринимает это как подтверждение наконец сбывающейся мечты о взаимной любви.

Эстрид всячески отвергает саму возможность брака и может предложить ему только дружбу. Якобсен не способен больше справляться с разочарованием и постоянной душевной болью от несбывшихся надежд, которая теперь сопровождается и физическими страданиями. Этому нужно было найти выход. И Якобсен начинает писать свой роман. Это мог бы быть роман-обличение, потому что письма Йоргена-Франца к Эстрид становились порой откровенно злыми и раздраженными – за что он неизменно потом просил прощения. Но начав писать роман, Якобсен вдруг начинает понимать Эстрид, а значит, опять прощает ее.

Вот что он пишет Вильяму Хайнесену в письме от 10 августа 1937 г.: «Барбара... по сути своей та же Сольвейг. Она тоже предана, посвящена. Но всегда терпит поражение. В этом есть что-то трагическое: безнадежная борьба между всем тем хорошим, что есть в Барбаре, и ее ненадежностью».⁸ А.В. Хайнесен так написал в комментариях к изданным им письмам Йорген-Франца Якобсена: «...не следует противопоставлять двух Барбар, настоящую – 20–30-х годов XX века, и вымышленную – из века XVIII. Они неразделимы, портрет героини романа – штрих за штрихом, вплоть до мельчайшего нюанса – списан с натуры».⁹

Якобсен изобразил в романе не только Эстрид, но и многих реальных людей из ее и своего окружения – поклонников и родственников, и реальные ситуации из их жизни. Так, например, роман начинается с того, что в Торсхавн заходят корабли французского флота, и все женщины го-

рода только и думают о предстоящем бале и флирте с офицерами. Барбара танцует с самым красивым из них и проводит с ним ночь. А незабываемым для Якобсена летом 1921 г. на Фарерские острова пришли корабли датского флота, и все женщины города, как и в далеком XVIII в., ждали с нетерпением бала, а Эстрид танцевала весь вечер с самым красивым из морских офицеров и гуляла с ним потом на виду у всего города.

Эстрид принимала самое живое участие в создании романа. Йоргену-Францу становилось все хуже, временами он не мог писать и тогда Эстрид писала под его диктовку. Она обсуждала с ним персонажи романа, развитие сюжетных линий и даже имя главной героини – Барбара – было найдено по ее совету: так звали дочь Рокуэлла Кента, о которой Эстрид часто писала и рассказывала Якобсену.

Йорген-Франц Якобсен умер в марте 1938 г., но стараниями Вильяма Хайнесена и Эстрид Баннистер роман вышел в свет в сентябре 1939 г. и сразу обрел успех. Том Кристенсен так писал о нем в газете «Политикен»: «...история любви молодого датского пастора Поуля Аггерсё и того миража, которым была двадцатидевятилетняя вдова пастора и великая грешница по имени Барбара, женский образ, который потеснит Марию Груббе в нашей мучительной любви и нашей пылающей памяти, потому что она воспринимается глубже и гораздо веселее».¹⁰

Сравнение Барбары с Марией Груббе не только делает честь роману и мастерству писателя, но и подтверждает еще раз, что этот образ написан с Эстрид, потому что именно ее Йорген-Франц часто называл «Марией Груббе».

Якобсен изобразил в романе и себя в образе пастора Поуля Аггерсё, который Йоргену-Францу не очень нравился – именно потому, что на самом деле был очень похож на него. И в романе все произошло как и в жизни: Барбара покидает его ради первого же нового молодого человека – полного жизни и веселья студента Андреаса Хайде. Единственной уступкой своим мечтам, которую позволил себе Якобсен, было то, что в романе Поуль и Барбара все-таки были вместе, и Барбара любила его, хоть и недолго.

Совсем не похож на правду конец романа: Барбара остается одна, покинутая очередным возлюбленным, и ее красота и жизненная сила не спасли ее. На самом деле, это Эстрид опять покидает Якобсена. Написание романа близилось к своему завершению, когда Эстрид уезжает в Лондон и становится штатным корреспондентом «Берлингске Тиденде» (при помощи старого друга Оле Хаслунда), там она опять влюбляется и немедленно сообщает смертельно больному Якобсену, что намеревается

выйти замуж, предлагая ему одновременно писать для журнала, который редактировал ее любовник. Это было слишком даже для преданного Йоргена-Франца. В своем прощальном письме к ней в октябре 1937 г., в ответ на ее предложение продолжить переписку, он пишет: «Я, конечно же, не буду препятствовать переписке. Я только хотел бы выразить большое сомнение в возможности настоящей дружбы в будущем. Мне кажется, что для этого нет условий». И в постскрипуме: «Спасибо за предложение писать в “The Travel Log”. Сейчас мне нужно сосредоточить мои слабые силы на другом».¹¹

Может быть, несчастная и покинутая Барбара в конце романа – это своего рода отмщение. Но так это или нет, мы уже никогда не узнаем.

Йорген-Франц Якобсен умер, а Эстрид в том же году учреждает в Дании «Клуб любителей приключений» по образу и подобию американского, с той разницей, что в датском клубе по ее настоянию было разрешено принимать в члены клуба женщин. В 1948 г. в Англии издали переведенный ею на английский язык роман «Барбара». Этот роман сразу стал популярным не только в Англии, но и в других англоязычных странах. Эстрид прожила долгую жизнь, занималась литературой, искусством, журналистикой, стала известна и в Дании, и в Англии. В 1958 г. она неожиданно для друзей выходит замуж за ирландского рыбака Эрнеста Гуда, просто потому, что он настоящий мужчина, как она им объясняла. Ей было уже 54 года, и она опять была счастлива. Но и это счастье длилось недолго. В 1963 г. Эрнест утонул. Жизнь продолжалась, Эстрид стала хозяйкой небольшой гостиницы, где она всегда была окружена людьми, где всегда было много новых лиц и впечатлений. Молодых лиц, а время Эстрид уже уходило.

А роман «Барбара» – гимн любви и непреходящей силе женского очарования – остался, и в нем она осталась навсегда молодой.

Примечания

¹ *Cederborg, Else. Estrid. Viborg, 1983. S. 8.*

² *Ibid. S. 42.*

³ *Ibid. S. 48.*

⁴ *Ibid. S. 73.*

⁵ *Ibid. S. 74.*

⁶ *Ibid. S. 89.*

⁷ *Ibid. S. 107.*

⁸ *Jacobsen, Jørgen Frants. Det dyrebare liv. København, 1963. S. 105.*

⁹ *Ibid. S. 71.*

¹⁰ *Cederborg, Else. Estrid. S. 161.*

¹¹ *Ibid. S. 176.*

M.B. Matveeva

Estrid Bannister Good som prototypen til titelpersonen i Jørgen-Frantz Jacobsens roman «Barbara»

Jørgen-Frantz Jacobsen (1900–1938) – er færøsk forfatter, som skrev på dansk, var mere velkendt som journalist og publicist. Hans eneste roman «Barbara», der udkom året efter tortatterens død, blev en stor succes. Denne skyldes først og fremmest den fascinerende kvindeskikkelse Barbara, som er romanens nøgleperson. Hovedpersonens charme har sin oprindelse i en dansk kvinde – Estrid Bannister Good, som J.-F. Jacobsen mødte i 1921 og blev forelsket i fra første øjeblik. Hun var ikke alene en smuk kvinde, men også en spændende personlighed. Blandt hendes venner var hendes fætter, den berømte forfatter William Heinesen, polarforskeren Knud Rasmussen, forfatteren og kunstneren Rockwell Kent og mange andre.

Estrid Bannister Good som modellen til titelpersonen i Jørgen-Frantz Jacobsens roman «Barbara» er således forevigt i dansk litteraturhistorie.

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Павлович Берков (<i>Жаров Б.С.</i>)	3
Библиография работ В.П. Беркова 1988–1998	7
Э.Р. Кнудсен-Полонская (<i>Берков В.П.</i>)	11
<i>Берков В.П.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Новое в норвежском языке	14
<i>Чекалина Е.М.</i> (Моск. гос. ун-т). Что произошло и происходит в современном шведском языке?	35
<i>Краснова Е.В.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Некоторые тенденции пополнения словарного фонда датского языка на современном этапе	47
<i>Томсен, Джонни</i> (Торсхавн, Фарерские острова, Дания). Толковый словарь фарерского языка (Проблемы пуристической лексикографии)	55
<i>Савицкая А.В.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). К вопросу о продуктивных моделях глагольного шведского словообразования	64
<i>Никуличева Д.Б.</i> (Ин-т языкознания РАН, Москва). О роли сопоставлений в преподавании близкородственных языков (На материале скандинавской языковой группы)	71
<i>Ливанова А.Н.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). О некоторых вторичных функциях терминов пространственной локализации по вертикали (На материале норвежского языка)	80
<i>Ершова М.К.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Об употреблении сослагательного наклонения <i>skulle</i> + инфинитив II в современном шведском языке	92
<i>Толстая Н.Н., Тонкова Н.И.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Синтаксическая компрессия в текстах шведской и англоязычной коммерческой рекламы	99
<i>Кузьменко Ю.К.</i> (Берлинский ун-т, Германия). Формирование семантической родовой системы в западнонорвежских диалектах	104
<i>Клейнер Ю.А.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). О происхождении исландской преаппозиции	116
<i>Чекалов И.И.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Эддическая параллель в «Беовульф»: ‘ <i>hord...orene</i> ’ – ‘ <i>orin var illúð</i> ’	124
<i>Куприянова И.П.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Роман С.О. Малсена «Нравственность и безнравственность в срединную эпоху»	131

<i>Жаров Б.С.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Подводные люди и подводные духи (Скандинавско-русские параллели)	140
<i>Жаров Б.С.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Астрид Линдгрэн и древнескандинавская литературная традиция	146
<i>Лисовская П.А.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Историческая драма Стриндберга «Густав Васа»	149
<i>Львовский А.О.</i> (Ин-т рус. литературы РАН, С.-Петербург). «Идиот» Ф.М. Достоевского и шведская литература начала XX века	158
<i>Юрьев А.А.</i> (С.-Петербург. Академия театр. искусства). Хенрик Ибсен и традиции мистериальной драмы (К вопросу о «предтечах» символистского театра)	165
<i>Ломагина А.В.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Преломление традиций романтизма в новеллистике К. Бликсен	172
<i>Матвеева М.Б.</i> (Санкт-Петербург). Эстрид Баннистер Гуд – прототип главной героини романа Й.-Ф. Якобсена «Барбара»	179

Научное издание

СКАНДИНАВСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

SCANDINAVICA

VI

Межвузовский сборник

Редактор *А.Н. Ельчева*
Художественный редактор *Е.И. Егорова*
Технический редактор *А.В. Борщева*
Корректор *Е.В. Красненкова*
Оригинал-макет *А.В. Павлов*

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96

Подписано в печать 16.12.99. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,39. Уч.-изд. л. 12,64. Тираж 200 экз. Заказ № 155.

Издательство СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9

ЦОП тилография Издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 6.